

МАРИЯ ВОРОНОВА

роман

САМА ВИНОВАТА

Неожиданный взгляд на хорошо известную ситуацию... Неожиданные аргументы в старом споре, в котором, кажется, все уже сказано... Момент переосмысления у каждого свой, но если он наступил, то книги Марии Вороновой станут надежной опорой.

А. МАРИНИНА

Annotation

Мечты судьи Ирины наконец сбылись: она больше не «разведенка с прицепом», а счастливая жена и мать двоих детей. Только после родов она сильно располнела и боится, что потеряла привлекательность для мужа. Но тут ее по производственной необходимости вызывают из декрета и поручают странное дело: сельский хирург убил всемирно известного кинорежиссера. Как могли пересечься пути этих людей из совершенно разных вселенных?

- [Мария Воронова](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-
-

Мария Воронова

Сама виновата

Профессор Скрябин давно не виделся с профессором Велемировым и после конференции задержался у старого приятеля.

Вспоминали студенческие годы, а когда суета в широких сводчатых коридорах утихла, Велемиров достал из шкафчика бутылку коньяку и две пузатые рюмки. Лимон им еще раньше принесла лаборантка – к чаю. Скрябин выглянул в рекреацию – разведать на предмет любопытных сотрудников, осмотрелся и с грустью покачал головой. Он работал в новой больнице типовой архитектуры и сильно завидовал другу, что тот проводит свои дни в стенах, помнящих самих Пирогова и Павлова. Его завораживали старинные стеллажи с тисненными корешками старинных книг, дубовый паркет, стулья с кожаными сиденьями и высокие окна с частыми переборками. В простенке на мраморной колонне стоял темный медный бюст Склифосовского с тщательно вылепленными орденами, и в глазах великого хирурга Скрябину вдруг почудилась насмешка.

Что ж, он действительно за последний год ничего стоящего не сделал. Операции, обходы, тяжелые больные... Заела рутина, одним словом. Наверное, в этой академической тиши легче сосредоточиться, и идеи приходят настоящие, полновесные, достойные корифеев. Недаром Велемиров за последний год выпустил роскошную монографию, а он только две жалкие статьи. И то не сам написал, а всего лишь примазался к творчеству аспирантов.

– Слушай, а у тебя есть один способный мальчик... Фамилия такая, как у композитора вроде... Фельцман не Фельцман...

– Фельдман.

– Точно! Что-то я его сегодня не видел.

Велемиров поморщился:

– И не увидишь. Он у нас больше не учится.

– Защитился уже?

Велемиров отрицательно покачал головой и наполнил рюмки.

– Что ж с ним случилось? – спросил Скрябин, выпив. – Такой прекрасный мальчик был...

– Не потянул.

– Да ладно! – изумился Скрябин.

Он периодически сталкивался с Фельдманом на конференциях и заседаниях Пироговского общества, и парень вел себя так активно, что не запомнить его было просто невозможно. Щуплый, худенький, в очках, в безупречной сорочке и галстучке, повязанном явно маминой рукой, он выглядел хрестоматийным отличником-выскочкой, но выступал всегда по делу, хоть и с лишним апломбом.

– Слушай, но у нас такие люди защищаются... Вчера с верблюда слез, а сегодня доктор наук уже. Фельдман по сравнению с ними так просто Пирогов воскресший.

Велемиров фыркнул:

– В твои-то годы пора уже отличать интеллект от раздутого эго!

– Ну да, он такой немножко был... С понтом под зонтом.

– Наглый инфантил, отчего-то решивший, что раз собственная мама считает его гением, то остальное человечество обязано думать точно так же. С умным видом посмотреть на результаты урографии и авторитетным тоном заявить: «Да, безусловно, определенный патологический процесс в этой почке есть», – это, знаешь ли, годится молоденьким медсестричкам пыль в глаза пускать, а таких опытных старых псов, как мы с тобой, пышными словесами не обманешь. Надеюсь.

Скрябин улыбнулся.

– Ты лучше меня знаешь, что хирург – это в первую очередь ответственность, – продолжал Велемиров, – а Фельдман хотел, чтобы он тут выкаблучивался как душа пожелает, а все за ним подтирали. Ладно, хватит уже о нем. Много чести.

Скрябину было очень интересно, что именно учудило юное дарование, потому что надо сильно постараться, чтобы вылететь из аспирантуры, имея научные публикации, но он видел, что тема эта другу неприятна.

Наверное, эрудированный парень с замашками гения был действительно несносен в коллективе и от него постарались избавиться при первой возможности.

– И где он теперь? – все-таки спросил Скрябин.

– Не знаю. Где-то.

* * *

Сквозь прорезанное в грубых досках двери сердечко виднелся кусочек голубого неба. Семен Яковлевич Фельдман загляделся, задумался и не сразу расслышал, что его зовут.

Выйдя из покосившейся будочки, он повернул щеколду, болтавшуюся на ржавом гвозде, и помахал медсестре Наташе, подпрыгивающей возле калитки. Мороз сразу ухватил его голые коленки своими острыми зубками.

Фельдман подпрыгнул и крикнул Наташе, чтобы она возвращалась в больницу, а он только наденет штаны и сразу за ней.

Семен зачерпнул горсть снега из сугроба, растер лицо и вернулся в дом.

«И чаю не попьешь с этими больными», – вздохнул он, натягивая под брюки старые мамины рейтузы.

После оттепели вдруг ударил сильный мороз. Деревья, избы – все покрылось инеем, и дым из труб словно застыл узкой белой лентой в небе.

Ясное небо без единого облачка казалось скованным холодом. Наташа убежала, и на улице ни души, все спрятались, затаились. Тишина, даже коты исчезли, жмутся к теплему человеческому жилью.

Фельдман поплотнее запахнул тулуп и побежал, похлопывая себя по плечам. Снег громко скрипел под его ногами.

В городе никогда не бывает так холодно.

А зима ведь только началась.

В длинной деревянной избе приемного покоя было жарко натоплено. Семен с наслаждением приложил руки к печному боку, подержал немного, послушал, как гудит огонь, и только потом снял тулуп и прошел в смотровую.

Там, скорчившись на кушетке, трясся Эдмундыч, местный алкоголик и участковый милиционер. Семен с некоторым усилием вспомнил, что в истории болезни надо будет написать «Феликс Константинович Волков».

Он присел на краешек кушетки и заглянул в лицо страдальцу. Судя по синюшным губам, похмелье трепало беднягу в этот раз особенно сильно.

– Давай посмотрим, – сказал он, – что, Эдмундыч, жизнь тебя опять ничему не учит?

– Ой, не учит, Сень, – согласился участковый, стуча зубами, – хреново мне, хоть помирай.

Фельдман сочувственно поцокал языком и провел рукой по впалому животу пациента. В эпигастрии выраженная болезненность, значит, поджелудочная отреагировала гневно, это ясно и без анализа крови.

– Прокапаем тебя сейчас, а там видно будет.

Милиционер принялся благодарить, но тут вошла Наташа с заполненной историей.

– Ты только, Эдмундыч, если что, – сказала она строго, – если увидишь черта, сразу беги ко мне. Я его прогоню.

– Ничего, Наташ, мы сейчас диазепамом изгоним бесов из него, – улыбнулся Фельдман, – и спазмолитики набери сразу.

– Ты прости, доктор, что потревожил тебя...

– Ничего.

– Нажрался опять, дурак старый!

– Да уж, Эдмундыч! Враг не дремлет, а ты... Ну а с другой стороны, чем еще заниматься в этой глухомани?

– Не-не! – милиционер резко сел на кушетке. – Ты держись, Сеня! Не поддавайся этой заразе!

– Да мне вроде как и ни к чему уже, – вздохнул Фельдман и сел за хлипкий столик с облупившейся белой краской писать историю болезни, – и без водки докатился.

По-хорошему отделение психиатрии в ЦРБ давно плачет по Эдмундычу горькими слезами, но ладно уж, пусть полежит в хирургии с диагнозом «острый панкреатит». Не будем портить человеку головокружительную карьеру сельского мента.

– Как это ни к чему?

– А вот так. Знаешь, что такое еврейское счастье?

– В общих чертах.

– Ну вот... Тебе, Эдмундыч, небось полжизни пришлось колдырить, чтобы очутиться в этой дыре, а мне один раз попробовать коньяку хватило.

– Знаешь, Сень, я сюда вообще не по пьянке загремел.

– Да? – удивился Семен Яковлевич.

– Тут уже... – с трудом развел руками Эдмундыч. – С горя рюмочку-другую – и сам не заметил, как спился. Так что вот тебе живой отрицательный пример. Пока живой, – тут бедняга охнул и согнулся, – но, кажется, это ненадолго.

Семен вскочил и выглянул в коридор, не идет ли Наташа.

– Ничего, Эдмундыч, потерпи. Сейчас капельницу поставим, и полегчает.

По опыту зная, что стоит показаться в отделении на секунду, как до вечера оттуда уже не выберешься, Фельдман отдал Наташе медкарту с назначениями, а сам с неохотой оторвался от теплой печки, надел тулуп и, выскочив за тяжелую, обитую ватой дверь на улицу, как в открытый космос, побежал к дому участкового.

Увидев его на пороге, благоверная Эдмундыча изменилась в лице.

– Все нормально, – поспешил сказать Семен, – нормально.

Сбросив в сенях валенки и тулуп, он вошел в комнату, с удовольствием ступая по чистым половикам.

Галина Михайловна, видная, статная женщина, похожая на Нонну Мордюкову, быстро накрывала на стол. Удивительная пара – настоящая русская красавица и полудохлый мужичонка, которого пьянка иссушила до состояния мумии. И вот живут как-то.

Видимо, размышления Семена о самоотверженности русских женщин отразились на его лице, потому что Галина Михайловна вдруг сказала:

– Вы не думайте, Семен Яковлевич, Феликс, когда трезвый, это лучший муж, которого можно только себе представить.

Семен из вежливости кивнул.

– Правда-правда! Иначе разве бы я за ним сюда поехала?

Он снова кивнул, а про себя подумал, что, вдохновленные примером жен декабристов, советские девушки готовы следовать за кем угодно, нашелся бы только повод пожертвовать собой. Лишь его невеста оказалась исключением, ну на то оно и еврейское счастье.

– Все-таки Россия держится на женских плечах, – сказал он.

– Ой, да ну вас! – Галина Михайловна засмеялась. – Так что там мой? Скоро оклемается?

– Недельку придется полежать.

– А что ему принести? Куриный супчик можно?

Семен покачал головой:

– Голод – первое лекарство при панкреатите, даже таком, как у вашего супруга. Я чего зашел-то, Галина Михайловна. Эдмун... То есть Феликс Константинович находится в шаге от белой горячки, и скорее он этот шаг сделает, чем нет.

– О господи!

– В общем, это само по себе ничего страшного, только у нас нет специальных условий. Максимум можем его к кровати привязать, но если он вдруг вырвется на свободу, то лучше пусть его табельное оружие побудет у меня.

– Да-да, конечно!

Галина Михайловна вскочила, вышла из комнаты и через секунду принесла пистолет, брезгливо держа его двумя пальцами за рукоятку.

– А сейф же должен быть...

– Есть, только замок сломался.

– Ну ясно. Давайте я его спрячу у себя в подполе, что ли.

Галина Михайловна улыбнулась:

– Не говорите мне где. Есть вещи, которые лучше не знать.

Семен поднялся, поблагодарил за чай и в растерянности остановился посреди комнаты.

С оружием он обращаться совсем не умел, а на сознательность Эдмундыча рассчитывать не приходилось. Может, поставил на предохранитель, а может, и нет. В школе на НВП и на военной кафедре в институте они изучали строение винтовки и автомата Калашникова, а пистолеты Фельдман видел только в кино и на репродукциях картин, поэтому понятия не имел, приведено оружие в боевое положение или нет, и сколько там патронов, и все ли они в патроннике или один в стволе. Сейчас сунет в карман, пойдет, поскользнется, а пистолет возьмет да и выстрелит. И не увидит мама больше сына. Ну внуков-то уж точно.

– Галина Михайловна, раз уж зашел, можно позвоню?

Она кивнула и сняла со стоящего в углу черного аппарата кружевную салфеточку. Телефонов на всю деревню было три – в больнице, на почте и у участкового.

Семен набрал мамин номер, почему-то думая, что из-за мороза связь будет плохая, но с третьего раза соединилось.

– Сенечка, золотой мой, ты кушаешь хорошо? – раздался в трубке взволнованный голос мамы. – Первое готовишь себе?

Он соврал, что да, естественно, и почувствовал такую сильную тоску по маме, что едва не заплакал.

Как странно, его работа находится всего в ста километрах от Ленинграда, не расстояние по нынешним временам, и когда выяснилось, что там ему не устроиться нигде, то он согласился ехать в эту деревню именно для того, чтобы не разлучаться с мамой, хотя мог бы найти отличное место в любом другом городе. Однокурсник звал в Новороссийск, благоволивший ему преподаватель с кафедры хоть и не заступился, когда выгоняли, но поговорил с нужными людьми, и Семена ждала должность врача крупного стационара в Комсомольске-на-Амуре, только он поехал в районную больничку Ленинградской области, уверенный, что будет навещать маму каждые выходные.

К сожалению, быстро выяснилось, что единственный хирург не имеет права надолго отлучаться. Он всегда должен быть доступен, и даже если надумает пойти в ближайший лесок за грибами, то обязан прежде сообщить дежурной смене, под каким именно кустом его искать в случае чего.

А мама не могла навестить его, потому что ей дорога на перекладных была уже тяжела. Сначала электричка, потом старый тепловоз, еле тянувший несколько списанных плацкартных вагонов, почему-то нареченный местным населением «Мичиганский экспресс», и еще четыре километра пешком от станции. Нет, мама уже не могла осилить такой путь.

Вот и получилось, что они, будучи близко друг от друга, не виделись уже несколько месяцев. Мама хотела переехать к нему совсем, устроиться в местную школу учительницей, только тогда они потеряли бы ленинградское жилье, ведь пришлось бы ей прописываться в деревне.

Ну и сельский быт, конечно... Он, молодой парень, и то еле привык, а мама... Семен тряхнул головой, отгоняя ужасное видение – мама, бредущая от колодца с двумя ведрами.

– Сеня, солнышко, ты там не мерзнешь? Не простужаешься? Рейтузики не забываешь поддевать?

– Сейчас в них.

– Умница мой! Ой, чуть не забыла, у нас же Зиночка будет сниматься в кино, представляешь?

– Правда?

– Ну да, она прошла все пробы, и вчера ее официально утвердили на главную роль в фильме самого Пахомова!

– Здорово! Передай мои поздравления. Хоть в кино ее увижу.

– Ларочка, правда, сильно волнуется, как-то, говорит, беспокойно у меня на сердце, но я говорю, не тревожься, дорогая, или у вас нет бабушки, которая подстрахует? Или мы не воспитали чудесную девочку? Да боже мой, где еще вы найдете такого ребенка, я вообще не понимаю, о чем эти киношники думали целых два месяца, это же сразу было ясно, что лучше Зиночки никто не подойдет.

– Конечно, мама!

– И это я говорю совершенно объективно, а не потому что она моя внучка.

Семен улыбнулся. Он обрадовался за племянницу, ведь сняться в кино – мечта каждого ребенка, но еще приятнее была мысль, что мама с головой нырнет во внучкины дела, станет ее возить, помогать делать уроки и отвлечется от тоски по сыну.

Повесив трубку, он потянулся к специальной тетрадке, чтобы записать время разговора и потом оплатить, когда придет квитанция, но Галина Михайловна с улыбкой убрала блокнот за спину.

– Давайте, давайте. А то мне в следующий раз будет неудобно к вам прийти.

– Доктор, в любой момент...

В конце концов он все же записал разговор, а Галина Михайловна вынесла ему старую болоньевую сумку и положила в нее пистолет.

– Вот так, доктор. Только несите осторожно.

Семен оделся и двинулся домой, держа сумку на отлете.

– Спасибо вам, доктор! – крикнула вслед Галина Михайловна. – Дай бог счастья!

– Да не за что, – буркнул он, – просто я ночью спать хочу, а не огнестрел оперировать.

* * *

Ирина еще не привыкла к новой кухне. На ее прежней квартире можно было сварить обед, не вставая с табуретки, все находилось на расстоянии вытянутой руки, а здесь – просто танцкласс. За день несколько километров намотаешь, пока снуешь между мойкой и плитой, по странному капризу архитекторов размещенных в противоположных углах. Вода капает с рук, с продуктов, так что после каждой готовки приходится мыть пол. Неужели нельзя было расположить их хотя бы по одной стене?

Ирина вздохнула. Не ценит она своего счастья, ведь все мечтают жить в старых домах. Тут высокие потолки, просторные коридоры, есть даже настоящая кладовка.

Пеленки приходится развешивать в прыжке – зато они никому не мешают, пока сохнут.

Простор – это прекрасно в том числе и потому, что ей надо больше двигаться. Не набрав вес во время беременности, Ирина быстро наверстала это упущение с кормлением. За месяц она прибавила килограммов пять, а может, и больше. Во всяком случае теперь, нагибаясь или оборачиваясь, она натыкалась на валик жира там, где раньше была пустота. И зеркало в пудренице как-то стало вдруг мало...

Что ж, утрата красоты – не такая уж большая цена за сына, главное, чтобы он был здоров, а это возможно только при полноценном грудном вскармливании, так что Ирина ела для хорошей лактации и была счастлива. Только иногда пыталась взглянуть на себя глазами молодого мужчины – и сразу сердце тревожно екало.

Должно быть, Кириллу противно ложиться в постель с разжиревшей обрюзгшей бабой, обнимать ее и вместо стройной гибкой талии ощущать так называемые спасательные круги.

Внешне он такой же любящий и нежный, как и прежде, но нельзя обманываться и принимать великодушие и деликатность за искреннюю страсть.

Она будет кормить, пока есть молоко, а потом сразу займется собой, во

что бы то ни стало приведет фигуру в порядок, а пока надо быть скромнее и ни в коем случае не кокетничать с мужем, не вынуждать его заниматься любовью через силу. Сейчас она в первую очередь мать.

Ручка мясорубки, и так проворачивавшаяся туго, совсем застопорилась, пришлось открутить кольцо и чистить железные кишочки. Что ж, дорогая Ирина Андреевна, запрещаете мужу покупать на рынке – будьте готовы перекручивать жесткое магазинное мясо. И дешевле, и вы больше калорий потратите.

Белые жилы окутали решетку плотным коконом, пришлось скоблить ножом, чтоб отошло.

– Ира, ну что ты! – войдя, Кирилл отстранил ее, быстро собрал мясорубку и закрутил ручкой так, что даже стол подпрыгивал. – Ты отдыхай, пока Володя спит.

– Да я не устала.

– Кому-нибудь другому расскажи об этом.

Ирина смотрела, как из раструба мясорубки быстро выползают червячки фарша. Кирилл – настоящий богатырь, ему перемолоть килограмм жилистой коровьей плоти раз плюнуть, так же как и пол помыть, и белье развесить. Да и готовит он вкуснее.

Только он муж, отец, глава семьи и единственный кормилец, пока она сидит в декрете. Он много работает и дома должен отдыхать.

Кирилл занят тяжелым физическим трудом и не может, как какой-нибудь младший научный сотрудник, поспать на рабочем месте, как только придет такая охота. Горячий цех, в котором трудится Иринин муж, не прощает рассеянности. Одно неверное движение – и в лучшем случае изделие испорчено, а в худшем – производственная травма.

Кроме профессии, у Кирилла есть еще призвание, он талантливый поэт и музыкант, не последний человек в ленинградском рок-клубе. Правда, его рок-группа распалась, а новую он пока не сколотил, но все впереди. Разве хорошо будет, если он из-за ребенка забросит дело жизни только потому, что жена ленится и устает? Нет уж, как сидел вечерами рука к перу, перо к бумаге, так пусть сидит и дальше.

Ирина хотела кинуть в мясорубку новый кусок, но Кирилл отогнал ее. Техника безопасности. Ирина улыбнулась, вспомнив собственные детские кошмары о смолотых пальцах, которыми ее пугала бабушка. Включив газ под сковородкой, она принялась делать за жарку для супа.

Тут из старенького черно-белого телевизора, стоящего в углу, раздавалась бодрая музыка заставки молодежной программы. Ирина посмотрела на экран – хоть юность ее давно прошла, но передача

нравилась. Она только недавно появилась и была еще мягкая, не закостеневшая, не залакированная, еще дышала и жила, а не превратилась в собственный надгробный памятник, как часто происходит с интересными вещами в поле официальной культуры.

На экране появилась худая (ах, эта вожденная худоба) девушка в глухой черной водолазке и с темными длинными волосами, расчесанными на прямой пробор.

Ирина узнала поэтессу Полину Поплавскую и попросила Кирилла сделать погромче.

Девушке исполнилось всего двадцать два года, а она уже завоевала мировую известность, и, на взгляд Ирины, вполне заслуженно. Стихи Поплавской ей нравились, и она с удовольствием их читала, хотя обычно в толстых журналах пролистывала раздел поэзии, предпочитая прозу.

Кроме публикаций в периодической печати, у Полины вышел сборник, которого, естественно, днем с огнем было не сыскать в книжных магазинах, иногда она выступала с творческими вечерами, и билеты туда тоже было не купить, все известные Ирине девочки от десяти до шестнадцати лет со страстью переписывали стихи Полины в свои песенники, так что Ирина слегка даже удивилась, что ее любимая телепередача настолько хороша, что держит руку на пульсе эпохи и приглашает тех, кого людям действительно хочется видеть.

– Когда я думаю, что мне выпала честь выражать мысли целого поколения, – говорила Полина с экрана, – я чувствую огромный страх и огромную ответственность. Кто я такая, чтобы говорить за всех, но с другой стороны, если природа наделила меня способностями, я не имею права отказываться от своего жребия. На фестивале в Венеции было так волнительно...

– Не волнительно, а волнующе, – перебил Кирилл, так что Ирина не расслышала, что Полина говорит дальше, – уж коли ты поэт, так надо знать такие вещи.

Ирина украдкой поморщилась. Было неприятно, что Кирилл завидует, но его можно понять. Он пишет стихи другие, но, наверное, ничуть не хуже, чем Полина, только она признанный в мире мастер слова, а Кирилл – всего лишь кузнец с нелепыми амбициями, неформал и антисоветчик.

Чтобы не выдать своих чувств, она с преувеличенным вниманием уставилась в телевизор, где теперь показывали пожилую женщину в вязаном берете.

– Полиночка с шестого класса практически была на домашнем обучении, – говорила женщина, волнуясь, – очень ранимая, болезненная,

тонко чувствующая девочка. Мне сразу было ясно, что она что-то пишет, но она много лет стеснялась показать свои стихи. Таким талантливым ребятам вообще приходится нелегко, дети не любят особенных, часто стараются их оттолкнуть, а то и унижить. Мы, педагоги, конечно, шли девочке навстречу, поскольку понимали, что она уникально одарена...

Ирина взглянула на мужа. Бедняга, он даже тяжелым детством похвастаться не может, рос обычным среднестатистическим хулиганом, без всякой непонятности, без «я не такой, как все», что в последнее время стало модным.

Полнокровный уравновешенный мужик, разве может он претендовать на роль великого поэта, даже со всем своим богатым прошлым? Подумаешь, кормил семью с шестнадцати лет, служил на подводной лодке, был ложно обвинен в серии убийств и безвинно сидел в тюрьме, стоял у истоков ленинградского рок-движения и является его признанным корифеем, хоть сейчас и отошел от дел... Но он обычный, простой и понятный парень с нормальными человеческими реакциями. Уникальность с ним даже рядом не ночевала, равно как тонкость и ранимость.

Ирине хотелось посмотреть до конца, но она видела, что у Кирилла портится настроение, поэтому взяла плоскогубцы, с помощью которых они переключали каналы, так как пластмассовый тумблер давно сломался.

– Да смотри, она ж тебе нравится, – сказал Кирилл.

– А тебе нет?

– Не знаю. Что-то в ней фальшивое, как искусственные цветы.

Ирина пожала плечами. На экране появился известный поэт и принялся нахваливать Полину. Слова «открытие», «поколение», «обостренная чувствительность», «обнаженные нервы», «уникальный талант» так и сыпались из его уст.

Муж молчал, но Ирина на всякий случай убрала звук до минимума.

Она согласна с поэтом, но Кириллу, наверное, тяжело сознавать, что про него самого никто из литературного бомонда так никогда не скажет. Молодые ребята переписывают его песни с кассеты на кассету, поют под гитару и дешевое вино, но официально выразителем идей и чаяний поколения является Полина Поплавская, а вовсе не он.

И, конечно, очень хочется думать о ней как о дутой фигуре, которую вынесло наверх волной блата и интриг, и кормить свою самооценку банальностями, что настоящему таланту не пробиться никогда. Вот и выдумывает искусственные цветы. Иренина сестра тоже говорит, что в стихах Поплавской «чувствуется патология», ну так она сама страстно хотела быть поэтессой. Целый чемодан набила своими виршами, недавно

только угомонилась.

Хотелось сказать Кириллу, что завидовать плохо, но тут же вспомнилось, как она сама до замужества люто ненавидела всех счастливых женщин. Такое уж это чувство, не щадит даже хороших людей.

– Не знаю, – промямлила она, – стихи красивые, искренние, страстные и с социальным протестом – все как ты любишь.

Кирилл усмехнулся, отвинтил от стола мясорубку, разобрал и бросил в раковину.

– Меня трудно заподозрить в любви к Карлу Марксу, но не могу не согласиться с ним в том, что нет большей низости, чем разрешенная смелость.

– При чем тут это?

– При том, – пояснил Кирилл, – что легко протестовать, когда знаешь, что тебе за это ничего не будет, и хорошо ругать тех, кто сам попросил тебя об этом, и объяснил, как именно надо это делать. Ира, любой работяга тебе скажет, что при чрезмерном давлении надо стравить пар, но осторожно, через специальный клапан. Вот тебе и пожалуйста – Полина Поплавская, рафинированная девочка из хрустального замка.

Ирина помешала на сковороде лук с морковкой и добавила ложку томатной пасты. Действительно, невозможно уже игнорировать тот печальный факт, что всем хочется ругать советскую власть, и недовольных гораздо больше, чем довольных. И дело не в том, плох коммунизм или хорош, просто надоело думать из-под палки. Самое время немножко умаслить народ, показать инакомыслие и некоторое фрондерство в самой безопасной области – в области культуры. Что плохого, если советское искусство станет не только «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить»? В разумных пределах, конечно.

Но что лучше подойдет для стравливания общественного напряжения – искренний вопль человека, придавленного бетонной плитой, или жеманные возгласы красавицы, желающей привлечь к себе внимание? На крик люди чего доброго сбегутся, да и перевернут плиту, а красавице подмигнут и пойдут дальше по своим делам, только уже в хорошем настроении.

– Слушай, Кирюш, а ты не хочешь с ребятами, кстати, потусоваться?

Кирилл отрицательно покачал головой.

Но Ирина не отстала.

– А то действительно у тебя в последнее время дом – работа, работа – дом. Как у обывателя последнего. Сходи...

– Ира, я туда больше не вернусь.

– Как это?

От изумления она перестала мешать зажарку, которая немедленно пригорела. Ирина отскребла и выбросила пригоревшее, уцелевшую зажарку сгребла в кучку на середине сковороды, выключила газ. Интересно: сбылась ее мечта, муж отрекся от темного прошлого неформала, антисоветчика и гопника, можно с чистой душой избираться в Верховный Совет, как Ирина на полном серьезе планировала, а вместо радости она чувствует только разочарование.

– Но у тебя же так здорово все получалось...

– Ир, я теперь отец семейства.

– Слушай, ты нас кормишь, обеспечиваешь всех, так что в свободное время имеешь право делать все что хочешь.

– В том и дело, что не хочу, – пожал плечами Кирилл. – Постарел, что ли.

– Не выдумывай, – отмахнулась Ирина.

– Пора уже отвинчивать колеса.

– В смысле?

– Помнишь, у Егорки на велике было сзади два дополнительных колесика, а в прошлом году я их снял? Ну так и мне пришло время самому держать равновесие. Не хочу я больше вопить, какая хреновая жизнь, особенно теперь, когда я счастлив. Да и вообще... Жизнь есть жизнь, криками ее не переменишь, только горло надорвешь.

Ирина нахмурилась:

– Ты хочешь сказать, что больше не будешь писать стихи?

– Нет, что ты. Только теперь обойдусь без пластмассовых колесиков музыки и своей дивной красоты. Пусть без этого решают люди, хороши мои стихи или плохи.

– Конечно, хороши!

Вода в кастрюле закипела, Ирина бросила туда зажарку, помешала, убавила газ и стала лепить котлеты.

– Слушай, а как люди узнают твои стихи, если ты больше не будешь петь?

Кирилл признался, что рассылает свое творчество в редакции разных журналов. Ответа пока ниоткуда не получил, но зато поссорился с товарищами из рок-клуба, обвинившими его в приспособленчестве.

Якобы он ради публикации готов предать свои убеждения и писать беззубые идеологически выдержанные вирши.

Напрасно Кирилл доказывал, что отлично зарабатывает в цеху и ему нет ни малейшей необходимости продавать душу ради куска хлеба,

напрасно твердил, что молодость уходит, унося с собой желание бунтовать против несправедливости бытия, и хочется жить уже не против, а ради чего-то.

Все оказалось бесполезным. Старые приятели не желали признавать, что жизнь, в общем, очень даже неплохая штука и предоставляет море возможностей быть счастливым прямо здесь и прямо сейчас.

– Короче, – вздохнул Кирилл, – и от ворон отстала, и к павам не пристала.

– Ничего, Кирюш. Ты, главное, не бросай писать, а там оно как-нибудь образуется.

Он усмехнулся и взглянул на экран. Там снова была Полина, что-то говорила, глядя прямо в объектив.

– Когда я смотрю на нее, то думаю, что, если нас выпустят из подполья, мы погибнем, как водолазы от кессонной болезни при слишком быстром всплытии, – вдруг сказал Кирилл.

– Прости? – подняла бровь Ирина.

– Рок я имею в виду. От резкого падения давления начнется кессонная болезнь, и жизни в нас не станет. Выродимся во что-то такое невнятно-тоскливое, как Полина, и все.

* * *

Проснувшись, Ольга еще долго лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к себе – не удастся ли вновь провалиться в небытие. В коридоре слышались легкие шаги мамы, в кухне шумела вода, с напором бьющая из крана, звякали чашки – уютный домашний шум. Ольга приподнялась на локте, взбила подушки, снова опрокинулась на спину и зажмурилась.

Хоть бы еще десять минут... Только в комнате было слишком душно, чтоб спать, потому что муж все-таки закрыл форточку.

Неотвратимо надвигался новый день.

– А я тебе принес кофе в постель, солнышко, – муж появился на пороге, держа в руках фарфоровую чашку с золотыми петухами.

Ольга растянула губы в улыбке. Муж поставил чашку на столик-торшер и ловко подоткнул подушки, чтобы жене было удобно пить кофе.

– Бутербродик принести? – он нашел под одеялом ее ногу и легонько пожал.

«Какая у него все-таки улыбка, – подумала Ольга, – мягкая, добрая...

Он хороший человек».

- А принеси.
- С колбаской?
- А с колбаской.
- Секунду, солнышко.

Он убежал, а Ольга взяла чашку и подула на дымящийся кофе. По бокам чашки и на блюдечке – четыре петуха, распушили хвосты и воинственно глядят друг на друга. В детстве она так любила на них смотреть, сочиняла сказку, почему они дерутся. Даже имена давала, главному, с крошечным сколом по ободку над хвостом, – Петя, а остальным уж не вспомнить какие.

Она сделала глоток, и тут в комнату вошла мама.

– Что за барские замашки, Оля, вы тут развели?

Она пожала плечами.

– Смотри, прольешь, как будешь отстирывать? Пятна от кофе не отходят, между прочим.

– Это от чая не вывести.

– Я тебя предупредила. И чашку зачем взяли? Разобьете сейчас, а это моя любимая!

Ольга с максимальной осторожностью вернула чашку на столик. А ведь и правда, ей разрешали попить «из петухов» только в самых чрезвычайных ситуациях, когда она тяжело болела и не было гарантии, что выживет. Раза три в жизни всего, а остальное время чашка стояла в горке.

– Все, поднимаюсь.

– Да уж пожалуйста. Прекращай ты это безобразие, серьезно тебе говорю.

Ольга молча поднялась, рывком раздернула шторы и взгляделась в синее утро ленинградской зимы. Голые ветви тополей сплетались в мрачные узоры, а во дворе лежал снег, серый, как алюминиевые ложки в столовой. Вдруг зашумело, захлопало, и на дерево под самыми окнами тяжело опустилась целая стая ворон. Они каждое утро делали здесь привал по дороге на мясокомбинат, поэтому никакого знаменья тут не было, но все равно нахлынула тоска.

– Доченька, я ведь тебе только добра желаю...

– Я знаю, мама, спасибо.

– И не надо со мной сквозь зубы разговаривать, будто одолжение делаешь. Лучше посмотри, как ты зашпыняла своего мужа. Почему он перед тобой на задних лапках должен прыгать?

Ольга пожала плечами:

– Просто любит меня и хочет сделать мне приятное.
– Смотри, заиграешься. В вашей-то ситуации, знаешь, не стоит тебе харчами перебирать.
– Хорошо, мам, не буду перебирать.
– Роди сначала, а потом перебирай.
– Мама, я поняла.
– Соберись вообще, доченька, на тебя последнее время смотреть противно. Кисель, да и все тут.
– Просто настроение плохое.
Мама фыркнула:
– Это тебя жареный петух в попу не клевал! Конечно, в жизни не видела ничего, жила на всем готовом, вот и ходишь, киснешь от всякой ерунды, не знаешь просто, какие мужья бывают. Другой давно бы тебя подбодрил, а Борис вьется: «Ах, кофеечек Олечке, ах, бутербродик!», а ты и рада. Правда, чего ж на шею не сесть, раз подставляют!

Накинув халат, Ольга вышла из комнаты. Муж стоял посреди кухни с тарелкой в руках, ждал, пока мама закончит воспитательный процесс.

Ольга засмеялась.

– Я должна тебя предупредить, что ничем хорошим это не кончится, – прошипела мама.

* * *

Длинный дом из серого кирпича будто по ошибке встал в ряду старинных особняков на набережной. Скупой фасад из однообразных, как соты, окон, первый этаж облицован черным камнем, и на козырьке широченного подъезда вывеска издательства – вот и все украшения.

И все же Полина любила бывать в этом унылом казенном здании. Она прошла сквозь единственную открытую среди множества дверей, миновала турникет, показав вахтеру пропуск, и по широкой лестнице с тоскливыми металлическими перилами поднялась на третий этаж, отвечая на приветствия встречающих сотрудников кивком и улыбкой. Теперь уже с трудом вспоминалось, как четыре года назад она впервые робко переступила этот порог, ежась от страха, что сейчас ее, самозванку, выкинут вон.

Толкнув массивную, но обшарпанную дверь, Полина оказалась в приемной главного редактора.

– У себя?

– Полиночка, зачем спрашивать, – секретарша с улыбкой поднялась ей навстречу, – сами знаете, для вас Григорий Андреевич всегда у себя.

– Не занят?

– Ну что вы, дорогая, как он может быть занят для нашего лучшего автора?

Секретарша нажала на кнопку селектора пальцем с таким безупречным маникюром, что Полина невольно перевела взгляд на собственные руки. Нет, все же красить ногти – невыносимая пошлость.

– Проходите, Полиночка, только можно я вас на секундочку задержу... – Секретарша быстро достала из ящика стола новый номер журнала «Невский факел». – Вы мне книжечку не подпишете?

– Конечно, – Полина открыла журнал на странице со своим стихотворением. Все-таки фотография вышла не слишком удачная, – кому подписать?

Секретарша засмеялась:

– Как кому, Полиночка? Мне.

Полина на секунду растерялась, потому что не помнила, как зовут эту приветливую женщину.

– Вам? – уточнила она, надеясь, что у секретарши хватит такта подсказать свое имя. Увы...

– Мне, конечно! Я же ваша горячая читательница-почитательница!

«Дорогой подруге с наилучшими пожеланиями от автора», – быстро вывела Полина и прошла в кабинет Григория Андреевича.

Главный редактор на удивление органично сочетал в своей внешности художественный беспорядок и партийный лоск.

Жесткий взгляд серых глаз коммуниста смягчался интеллигентной эспаньолкой, а бюрократический костюм – шейным платком в сдержанную крапинку, затейливо повязанным вместо галстука.

Заметив, что сегодня манжеты сорочки скреплены золотыми запонками, Полина усмехнулась. Она знала, чей это подарок.

Григорий Андреевич радушно поднялся ей навстречу, приобнял, усадил на маленький диванчик, стоящий в углу аккуратно под тяжелым малиновым знаменем победителя соцсоревнования, и сам устроился рядом, закинув ногу на ногу и сцепив руки в замок на колене. Обычно в такой позе у мужчин обнажается кусочек ноги, синеватый, пупырчатый, как куриная кожа, и покрытый противными волосами, но редактор умел носить костюм, и Полина увидела только тонкую лодыжку, обтянутую носком цвета маренго. Элегантный мужчина, ничего не скажешь. На безымянном пальце правой руки обручальное кольцо, слишком широкое для мужчины, но кого

это останавливает? Интересно, есть ли у него любовница и кто она? Секретарша для него слишком пожилая, да и зачем связываться, когда в его распоряжении толпы девушек, готовых за публикацию переспать хоть с чертом.

Полина усмехнулась, подумав, что и про нее наверняка ходят такие слухи.

– Ваш авторский сборник выйдет в апреле, – сказал Григорий Андреевич, – на той недельке должны быть готовы эскизы обложки, посмотрите?

– Посмотрю.

– А текст вы уже вычитали после редакторской правки?

Полина кивнула.

– Хорошо вычитали? Нареканий нет?

– Ну что вы, Григорий Андреевич...

– Ладненько тогда. – Редактор легонько похлопал ее по коленке и поднялся, стал рыться в бумагах, горой наваленных на его письменном столе. – А я про вас, дорогая Полина Александровна, дерзнул написать очерк в журнал «Молодость».

– Спасибо.

– Будете читать?

Полина покачала головой:

– Я вам полностью доверяю.

– Вот и ладненько.

Она достала из сумочки сигареты и зажигалку. Григорий Андреевич подал ей тяжелую хрустальную пепельницу с одиноким окурком и галантно поднес огонька. Полина глубоко затянулась.

Редактор нахмурился:

– Полина Александровна, вы бы бросили, пока не поздно. Послушайте меня, все-таки я вам в отцы гожусь, никогда это курение никого до добра не доводило. Вредно и неженственно.

Она пожала плечами и снова затянулась.

– Зачем вы себя убиваете раньше времени? Вы же девушка, будущая мать...

Полина с силой раздавила сигарету в пепельнице. Этого бляения она вдоволь наслушалась в школе и от бабушек на лавочке и знала, что раз уж человек завелся читать тебе лекцию, то остановить его невозможно.

– Вот правильно, бросайте, пока не прирастались, а то вдруг, не дай бог, тьфу-тьфу, как же мы без вас будем, звездочка вы наша. – Редактор, улыбаясь, забрал у нее пепельницу и быстро приоткрыл форточку, откуда

сразу потянуло холодным духом замерзшей реки.

Полина тоже растянула губы в улыбке.

– Что ж, вернемся к нашим баранам. Вы скоро на сессию едете, как я слышал?

Полина кивнула. Ее брали в Литературный институт на очное отделение, но она не видела большого смысла переезжать в другой город и мыкаться там в общежитии ради того, чтобы каждый день слушать людей, которые к своим пятидесяти годам не добились даже половины того успеха, который она имела в восемнадцать. Диплом нужен только ради корочек о высшем образовании, не больше, значит, надо приложить минимум усилий к тому, чтобы его получить.

Достаточно два раза в году появляться на сессии, и хотела бы она посмотреть на того камикадзе, который посмеет сказать, что она не знает его предмет.

– Надеюсь, у вас найдется в Москве свободное времечко для интервью «Литературной газете»?

– Безусловно.

– И еще я договорился в Останкине, они тоже хотят сделать программу о вас.

– Спасибо.

Григорий Андреевич взял у нее телефон маминой двоюродной сестры, у которой Полина жила во время сессий, чтобы журналисты могли с ней связаться.

Решив, что на этом аудиенция окончена, Полина поднялась с диванчика, но редактор мягко придержал ее за талию.

– Не спешите, моя звездочка. До конца года ваш творческий вечер надо провести, осилите?

– Где?

– На Кировском заводе.

– О боже, зачем? Там же пролетариат!

– Полина Александровна, ай-ай-ай! – редактор лукаво засмеялся и погрозил ей пальцем, как ребенку.

– Да я ничего не имею против рабочего класса, только, знаете ли, предпочитаю любить их с максимально большого расстояния. И у них со мной, уверена, та же самая ситуация.

– Ах, Полиночка...

– Пока меня не разливают по пол-литровым бутылкам, я даже не смею надеяться на всплеск интереса с их стороны.

– Ну что вы, дорогая, наш рабочий класс неуклонно повышает свой

культурный уровень.

– Пока его хватает только на пошлые шуточки в пьяном виде.

– Насколько мне помнится, – засмеялся редактор, – этот казус случился во вполне интеллигентном коллективе.

Полина хотела сказать, что хамов везде хватает, но тут Григорий Андреевич поморщился, и она поняла, что пора соглашаться.

– Хорошо, ладно. Будем утешаться мыслью, что для работяг этот вечер окажется таким же наказанием, как и для меня.

– Кстати о работягах. Полиночка, тут у меня есть одна любопытная рукопись... Отличные стихи, просто прелесть, и автор с хорошей биографией. Рабочий, передовик производства... То, что надо. Сейчас, где же...

Редактор стал быстро перебирать бумаги на столе.

– Специально ведь отложил к вашему приходу... А, вот. – Он протянул Полине несколько листков, схваченных большой канцелярской скрепкой. Буквы в машинописном тексте были выбиты неровно, неумело, а точки протыкали тонкую серую бумагу насквозь. Видно, руки тряслись у автора то ли с перепоя, то ли от общей беспросветности бытия.

– Думаю включить в сборник молодых авторов «Невские этюды».

Полина пожала плечами, мол, мне какая разница.

– А вас бы попросил представить начинающего поэта.

– Зачем?

– Сами посудите, не могу же я поставить в серьезный сборник никому не известного товарища без единой публикации! Только к молодежи пока, но среди их графомании он затеряется, что было бы обидно, а ваша рекомендация, Полина Александровна, дорогого стоит.

Она заставила себя скромно потупить. Впрочем, действительно пора завести себе протеже. Все настоящие корифеи опекают молодых. Полина улыбнулась:

– Григорий Андреевич, вы же знаете, что я не могу вам отказать.

– Выберите, пожалуйста, два-три лучших, на ваш взгляд, стихотворения и на полстранички буквально напишите что-нибудь хорошее об авторе – какой он замечательный и талантливый, а краткую биографию мы сами наваяем. Ладненько?

Полина пролистнула коротенькую рукопись и на последней странице заметила данные автора, размашисто написанные карандашом. Адрес, телефон и имя: Мостовой Кирилл Вениаминович.

Она небрежно бросила бумаги в свою холщовую сумку-ягдташ и улыбнулась.

Что ж, посмотрим, совпадение это или судьба.

На обратном пути она заглянула в редакцию толстого журнала, где почти в каждом номере публиковали ее стихи.

Тетки усадили за стол возле окна и захопотали насчет чая, как всполошенные курицы. Такое впечатление, что до ее прихода они изнывали от безделья и обрадовались не столько ей, сколько возможности хоть чем-то занять себя.

На широких подоконниках большой комнаты буйно росли цветы, настоящие джунгли. Вилось по оконной раме, блестя плотными изумрудными листьями, восковое дерево, и бледные лучи солнца застревали в густой листве лимонных деревьев. На другом окне плотно стояли горшки с традесканциями, на шкафу горел пурпурными цветами декабрист, а рабочие столы щетинились маленькими кактусами.

То ли кабинет, то ли оранжерея, так сразу и не поймешь. Присмотревшись повнимательнее, Полина заметила, что земля в горшках совсем сухая, листва поникла, и даже стойкие выносливые кактусы уже не так бодро топорщат свои иголки.

Цветами занималась Наталья Моисеевна, но теперь ее нет, а дополнительные заботы никому не нужны. Так, полиют раз в недельку, но никто не станет удобрять, подкармливать, обрезать и пересаживать, и растения скоро захиреют и одно за другим отправятся на помойку, а комната станет обычным рабочим кабинетом, в котором ничто не напомнит о Наталье Моисеевне. Вот и хорошо.

Полина улыбнулась.

Тем временем тетки извлекли из нижнего отделения шкафа электрический чайник, спрятанный там от пожарного надзора, и сорвали целлофан с коробки шоколадных конфет «Ассорти». При названии, обещающем разнообразие, все конфеты имели одинаковый вкус гуталина, видимо, подношение начинающего робкого автора, не имеющего пока доступа к дефициту.

– Ну что, девочки, садимся, – сказала старшая редакторша, и Полина поморщилась.

Какие девочки, всем по сорок лет, но все еще думают, что кого-то способны привлечь своими подгнившими прелестями. Еще красятся, одеваются, как им кажется, стильно и со вкусом и не видят, что от этого только хуже. Неужели они искренне считают, что мужья все еще их любят? Да нет, понимают, наверное, что мужья живут с ними из чувства долга, преодолевая отвращение, но ни за что не признаются в этом ни им, ни

самим себе. Господи, какая у них у всех жалкая и скучная жизнь...

Ничего не видели, ничего не знали, не любили по-настоящему, так, копошились в грязи повседневности, а сейчас вьются вокруг нее, как попрошайки, чтобы получить хоть крошечку ее таланта и ее счастья.

Полина пригубила отдающего веником чаю, а конфету брать не стала. Пусть видят, что она такую дрянь не ест.

– Может, вам пирожных из буфета принести? – спросила старшая редакторша. – Сегодня чудные буше, хотите, Светочка сбегает?

Подумав, Полина сказала, что не нужно.

– Смотрите, для нас ведь радость за вами поухаживать.

Полина не ответила и посмотрела в угол за дверью, где высилась внушительная башня коробок с письмами. Как знать, не затесался ли среди народного творчества конверт от Мостового? И сколько он будет там лежать, прежде чем попадет на стол редактору, а оттуда, скорее всего, в мусорную корзину.

Кажется, у нее в сумочке лежит не первый экземпляр, да и без этого ясно, что Кирилл рассылает свои стихи во все издательства и редакции журналов по принципу коврового бомбометания, чтобы хоть откуда-то получить ответ. Ведь в редакциях никуда не спешат, будто у гениальных авторов впереди вечность не только в метафорическом смысле.

Судьба благоволила ему, каким-то непостижимым образом стихи попали на стол главреда книжного издательства и включены в сборник, но одного этого мало для признания. Нужно подкрепить публикацией в журнале.

– Девочки, – Полина постаралась, чтобы это прозвучало без сарказма, – а если я вам принесу стихи одного молодого поэта, вы посмотрите?

Тетки сразу загалдели, как старые жирные чайки, наперебой уверяя ее, что мнение Полины Поплавской для них свято и стихи молодого поэта уже считай что опубликованы.

* * *

В операционной Семен не заметил, как рассвело и настал ясный студеный день.

То ли в этом году зима выдалась необычайно морозной, то ли он, живя в городе, просто не знал, как оно бывает на природе.

Семен сел записать протокол операции, но сияющая красота утра

заворожила его, и он приник к окну, почти сплошь затканному затейливым морозным узором. В маленький свободный кружочек были видны заснеженные дома, стоящие рядком вдоль дороги, уходящей в широкое белое поле. Ворона клевала алые ягодки с невысокой рябинки и каркала, по дороге деловито пробежал серый толстый кот, держа хвост трубой. Вдалеке показалась маленькая человеческая фигурка, перехваченная крест-накрест пуховым платком. Семен узнал почтальоншу.

Хватит глазеть, пора за работу, но он никак не мог заставить себя оторваться от окна.

Сегодня он ушил прободную язву, пик мастерства для районного хирурга. По-хорошему надо было сделать резекцию, поскольку после перфорации прошло намного меньше шести часов, но Семен не отважился. В себе он был уверен, но разве можно подвергать пациента серьезной операции, когда тебе ассистирует акушер-гинеколог, а наркоз дает палатная медсестра? Нет, в полевых условиях только минимум.

Так и его жизнь пройдет по минимуму, в самых стандартных и рутинных операциях. Аппендицит, ну, грыжа, ну, спленэктомия... И это еще яркие пятна, пики профессиональной деятельности, а на каждый день панариции и прочие гнойники.

Боже, какая тоска! Ведь он готовился к совсем другой судьбе и уже почти жил ею, почти победил, почти освоился, и видел на много лет вперед, как оно будет, но все перевернул жалкий глоток коньяка.

Оказавшись в глухой деревне вместо кафедры, Семен не то чтобы растерялся, но, грубо вырванный из своей настоящей жизни, никак не мог освоиться в этой и жил будто в полусне, будто понарошку, не сам собой, а словно играя чужую роль, которую навязали ему против воли.

Казалось, что все происходящее – сон и морок, и скоро он вернется домой не только в пространстве, но и во времени, окажется в том роковом дне и все исправит.

Эта надежда, хоть и несбыточная, помогала ему просыпаться каждое утро и не выть от тоски, а отправляться на работу.

Лишь иногда находило острое и мучительное отчаяние, когда он понимал, что все всерьез и по-настоящему. Жизнь проходит именно сейчас и именно здесь. Он навеки отлучен от прекрасного мира большой хирургии и науки и будет гнить здесь, грубеть и деградировать.

Панибратствуя с мужиками, он сам не заметит, как превратится в такое же быдло, от безнадеги воплотит в жизнь самый страшный мамин кошмар, то есть женится на местной медсестре, и тогда совсем конец.

Семен представил себе, как живет с Наташей, и скрипнул зубами.

Прислонился к ледяному стеклу лбом и подышал.

Надо думать о чем-то хорошем, чтобы снять этот спазм отчаяния.

Например, о том, что резекцию желудка ему на кафедре все равно никто не дал бы сделать самостоятельно. Профессор с доцентом стояли бы над душой, подсказывали, а Велемиров обязательно бы вырвал из рук инструмент посреди операции и отправил на место ассистента. На кафедре была толпа няnek и контролеров, а тут он царь и бог. «Угу, – мрачно вздохнул Семен, – царь фурункулов и бог белой горячки. Но хоть бы и в этих узких рамках, а я сам принимаю решения, чего на кафедре не мог в принципе. Наверное, самостоятельность полезна, только сейчас не те времена, когда доктор из глубинки мог своим талантом покорить столицу. Если уж попал в задницу, то шиш выберешься, будь ты хоть Пирогов. Эх, надо было ехать в Комсомольск-на-Амуре... Мама сейчас так занялась Зиночкиными актерскими делами, что про сына и не вспомнит, пока на премьеру фильма не понадобится бы ее вести».

Семен улыбнулся. У него всегда поднималось настроение, когда вспоминал племянницу, такая уж она была радостная девчонка. Интересно, на кинолентке будет видно ее обаяние или пропадет? Да нет, не должно, Пахомов – действительно великий режиссер, и человек, кажется, хороший, Лариса с мамой прямо молятся на него. Мама рассказывает, что и он Зиной очень доволен, говорит, что у нее настоящий талант, и предрекает девочке большое будущее. Слава богу, хоть кого-то в их незадачливой семье ждет успех.

Почтальонша приближалась, неуклюже переставляя ноги в высоких светлых валенках.

День вдруг потускнел, пронзительная голубизна неба полиняла, и душу внезапно затопила серая, как цемент, тоска, даже во рту сделалось горько. Почему-то Семен понял, что почтальонша идет к нему.

Прямо в операционном белье он выбежал на крыльцо, накинув поверх тулуп.

Почтальонша молча протянула ему бланк телеграммы, и Семен взял, уже зная, что там написано. Мама умерла.

* * *

Отправив Кирилла гулять с Володей, Ирина бросилась мыть полы. Пусть она сама пока далека от идеала женской красоты, но хотя бы квартиру надо привести в идеальное состояние. Она взглянула на висящий

за окном термометр. Минус семь, вполне подходящая погода для гуляния, может, она еще и пироги успеет поставить, пока никого нет.

Ирина прополоскала в ведре мешковину, тщательно выжала, согнулась и принялась дальше тереть пол. Хотелось сесть на корточки, но это неправильно. Настоящие женщины моют пол только в положении оленя, пьющего из колодца, а накрутить тряпку на швабру – вообще кощунство. Подобную халтуру могут себе позволить исключительно уборщицы в казенных учреждениях, а «для себя» только так – ручками, ручками.

«Хоть грамм сто сброшу», – вздохнула Ирина, стараясь не чувствовать боли в спине.

Был большой соблазн вместо уборки записаться в парикмахерскую и превратить схваченный аптечной резинкой хвост в нормальную прическу, дома накраситься, надеть красивое платье из тех немногих, которые еще налезают, и так встретить с прогулки мужа и сына. Только с этими валиками жира она сейчас выглядит в халатике просто плохо, а покрашенная и разряженная будет еще смешно и нелепо. Лучше подчеркнуть свои достоинства как матери семейства. Пусть я стала старая и страшная, но я родила тебе сына и веду твой дом, вот что сейчас важно, и ты, Кирилл, должен это ценить больше тонкой талии.

Ирина отвела волосы со лба. От руки шла неповторимая вонь старой дерюги.

Вчера Кириллу звонила какая-то девушка, пока его не было дома. Ирина подняла трубку и, зная, что спрашивать по телефону, кто это, дурной тон, сказала: «Кирилла еще нет, что ему передать?» Девушка ответила так же вежливо: «Спасибо, ничего, я позвоню позже», – и положила трубку.

На девяносто девять и девять десятых процента это совершенно ничего не значило, но Ирина, как ни старалась, не могла выкинуть странный звонок из головы. А хуже всего, не знала, что делать, говорить о нем Кириллу или лучше сделать вид, будто ничего не было.

Наверное, порядочнее сказать, но Ирина боялась, что не сможет произнести «Тебе звонила какая-то девушка» спокойно, без нотки истерики и подозрений, поэтому молчала. В конце концов, незнакомка не просила ее ничего передавать.

Не те проблемы, над которыми должна ломать голову счастливая мать семейства, но почему девушка не сказала, кто она? Сама Ирина, если звонила в семейный дом и попадала на жену, сразу представлялась и говорила, что ей нужно, а тут зачем-то секреты. Не хочешь – не отчитывайся, но имя свое назвать язык не отсохнет. Скажи, звонила Маша Иванова, и все. И муж пусть сам рапортует жене, что Маше Ивановой от

него надо.

Ирина весь вечер была настороже, но телефон молчал. Может быть, случайность? Мимолетный каприз бывшей одноклассницы, которая, положив трубку, решила, что нет и не надо? Или сослуживица хотела узнать чей-то телефон... Господи, какие в горячем цеху сослуживицы? У нас хоть и равноправие, но все-таки женщин среди кузнецов пока еще ничтожно мало.

Может, случайная знакомая, а может, и нет. Не любовница еще, просто девушка, которая решила прощупать почву.

Ирина выпрямилась и поймала свое отражение в зеркальной дверце шкафа. Господи, какой ужас! Толстая, красная, потная бабища в линялом халате. Если сейчас вдруг Кирилл вернется раньше времени и увидит ее такой, его просто стошнит, и очень трудно будет порицать его за это.

Он женился, чтобы спать с интересной привлекательной женщиной, а она распустилась и лишила его такой возможности, так что нечего винить мужа в том, в чем виновата сама.

Ирина почувствовала на глазах злые едкие слезы. Это ей расплата, что была любовницей женатого мужчины и мечтала увести его из семьи. Вспомнить стыдно, как она тогда была готова поверить в бога, лишь бы только вымолить себе любовника в мужья. А чувства жены – что вы, о чем вы, чем хуже и больнее будет этой суке, тем лучше. Пусть знает, как зажимать чужое счастье!

Теперь пришло ее время быть постылой женой, которая всем мешает.

Плача, Ирина домыла пол, развесила тряпку на балконе, потом тщательно умылась, надела новый халатик и заплела волосы в косу-колосок. Стало не намного лучше, ну да ладно. Семья держится не на одной только привлекательности жены. У них с Кириллом общий ребенок, он усыновил Егора, и вообще надо помнить, что мужчины относятся к изменам совершенно иначе, чем женщины. Для женщины роман – это всегда надежда на общее будущее, а для мужчины – просто приятный момент. Когда изменяет мужчина, он чувствует примерно то же, что женщина, когда съест в гостях кусочек торта. Вроде бы нельзя, но если очень хочется, то можно, и, в конце концов, не каждый же день!

Кирилл – поэт, то есть человек творческий, надо ему, наверное, для вдохновения накал страстей и прочее такое. Будет увлекаться, заводить романы, но практика показывает, что если мужчине дома хорошо и уютно, то он никуда не уйдет.

Придется стараться, обеспечивать комфорт и изо всех сил делать вид, что ничего не замечаешь, потому что альтернатива какая? Вот именно.

Развод и одиночество.

Ирина все-таки поставила тесто на пироги, так что, когда Кирилл с Володей вернулись с прогулки, с кухни чуть слышно пахло свежими дрожжами.

Ирина развернула одеяло. Сын сладко посапывал, ручки и пяточки теплые, а подгузник мокрый, но тоже теплый.

Она быстро перепеленала Володю и уложила в кроватку на чистую, пахнущую утюгом фланелевую пеленку. Сын нахмурился, деловито пожевал губами, но продолжал спать. Ирина улыбнулась, и дурные мысли улетучились из головы.

Она села на пол возле кроватки и просто смотрела, как спит ее дитя.

Заглянул Кирилл и трагическим шепотом возвестил, что «лезет тесто», Ирина опомнилась, побежала в кухню, где ноздреватая масса нагло выглядывала из-под крышки, бросилась обминать, потом вспомнила, что надо еще пожарить котлеты и хорошо бы успеть все сделать до прихода Егора из школы, и закрутилась, и почти успела, но бедный ребенок вернулся в таком состоянии, что мысли о еде вылетели у нее из головы.

Егор вошел в кухню понурый и зареванный и, всхлипывая, сказал, что получил двойку по математике.

– И все? – выдохнула Ирина.

– Двойку! Мама, двойку!!!

– Дело житейское, – сказал Кирилл.

– И вы меня не будете ругать?

– А надо?

– Мам? Учительница сказала, чтобы я сразу признался, пусть родители знают, что я плохой сын.

Кирилл засмеялся:

– А какая связь вообще?

– Что?

– Егор, ты же умный человек, сам подумай, какая связь между двойкой и плохим сыном. Ладно, сам скажу, что никакой.

Ирина притянула Егора к себе и крепко обняла.

– Но двойка – это же очень плохо, – всхлипнул Егор ей в плечо.

– В принципе да. Плохо, но неизбежно, – вздохнул Кирилл, – ибо без поражений не бывает побед.

Ирина взъерошила сыну волосы. Господи, двойка означает всего лишь, что ребенок плохо знает маленький конкретный раздел и надо его выучить. Все! Зачем накручивать тут какие-то дополнительные смыслы?

Не успевают дети прийти в школу, как им в нос тут же суют картину

Решетникова «Опять двойка». Очаровательный шалопай стоит, сгорая от стыда, мать бессильно опустила на табуретку, сраженная шокирующей новостью, сестра-отличница сверлит негодника презрительным взглядом, даже младший братик-несмышленок прильнул к матери, давая понять, что ничего общего не желает иметь с этим придурком, и только пес, неразумное животное, радуется хозяину.

– Никто не идеален, Егор, – Кирилл достал из буфета тарелки, – и в жизни получается не все и не всегда, так что ж теперь?

– Не знаю...

– Тоже сессия у меня скоро, и очень может статься, что я ее завалю, так что, придется тебе меня плохим отцом считать? А мама по твоей логике меня вообще из дома выгонит, скажет, не нужен мне муж-двоечник, да и все тут.

Перед мысленным взором Ирины вдруг отчетливо предстала картина «Опять не тот приговор». Она, расхристанная, на пороге дома, из потрепанной дамской сумочки выглядывает горлышко винной бутылки. Чулки гармошкой, глаза долу, на щеках краска стыда.

Кирилл в отчаянии закрыл лицо руками, не в силах смириться с тем, что жена вынесла слишком мягкий приговор хулигану, Егор с ненавистью смотрит на мать, и даже маленький Володя тихо хнычет в ужасе, что безалаберный аист принес его в руки такой непрофессиональной женщины.

Ирина расхохоталась в голос.

Господи, рабское сознание укоренилось в нас так глубоко, что даже любовь к родным мы превращаем в кнут надсмотрщика!

Ну двойка, ну по математике, ну и ладно. А вдруг Егор вообще туповат, так что ж теперь? Сердиться на него, чтобы он был не только глуп, но и глубоко несчастен? Поставить ультиматум – или соответствуешь стандартам хорошего сына, или ты для меня не существуешь? И это, Егор, запомни, только ради твоего же блага!

Ирина снова засмеялась и расцеловала сына.

– Ты учишься не ради оценок, а ради знаний, понял?

– Еще бы это понимали педагоги, – проворчал Кирилл себе под нос.

Ирина принялась разливать суп по тарелкам. Что правда, то правда, телега всегда должна стоять впереди лошади, и отчетность прежде всего. Функция учителя – оценить и наказать или поощрить, а для получения знаний придуманы учебники. Полезнее, конечно, пол-урока пытаться ребенка, как фашист партизана, выбивать из него крупницы знаний, чтобы поставить двойку, или «вытянуть на троечку», чем увлекательно объяснять детям новый материал или решать с ними трудную задачу.

Повеселевший Егор унесся мыть руки, а Кирилл обещал после обеда напрячь свой гуманитарный ум и объяснить ребенку неусвоенный материал.

Ирина вдруг подумала, что все ее спасательные круги на талии и щеки – это тоже всего лишь двойка, которая ничего не значит. Просто она похудеет, и все, а даже если и нет – все равно они с Кириллом муж и жена, самые близкие люди, принимающие друг друга со всеми недостатками. А девушка звонила, так бог с ней. Всего лишь легкий пинок по Иринуному спокойствию, расплата за ее собственные былые грехи. Подозревать Кирилла в изменах – это оскорбить его.

* * *

Ольга листала записную книжку. Опять придется все делать самой.

Потрепанные страницы испещрены телефонными номерами, где-то на правильную букву записано, где-то нет. Кто по имени, кто по фамилии, а есть и по роду занятий. Жаль только, что на «В» ни одного врача.

Листок с «К» выпал, спикировал на пол, Ольга подняла его и сунула, кажется, не на место. А, наплевать, давно пора переписать в новую, а то некоторые номера так выцвели от старости, что еле разберешь, а края тоже осыпаются, того и гляди ветхость украдет последние цифры.

В столе лежит прекрасная новая книжка в мягком переплете из кожзама, черная, с золотым тиснением. Муж урвал ее на какой-то международной конференции. С тех пор уже два года прошло, а руки так и не дошли ни у кого переписать.

Ольга привсталала, чтобы этим заняться, да и опустилась назад в кресло-качалку. Наплевать.

Странно, все приличные люди имеют собственную, индивидуальную записнушку, а она – нет. С детства так повелось, что телефоны всех своих подруг она должна была записывать в эту книгу, лежащую на тумбочке в коридоре, а дублировать было лень. Вот и приходится продираться сквозь каких-то Валериев Петровичей и тетя Надей в надежде найти нормального врача.

– Еще раз повторяю, ей надо идти в районную поликлинику, – муж наставительно поднял палец, – именно там несут за нее ответственность!

Ольга пожала плечами.

– Нужно сделать полное обследование, – продолжал муж, – взять анализы, флюорографию пройти, так где этим заниматься, как не в

поликлинике по месту жительства? Там такие же врачи, и они именно за это деньги получают.

Чувствуя, что от словоблудия мужа у нее сейчас голова лопнет, Ольга с силой прижала кончики пальцев к вискам.

Муж в своем репертуаре. Неделю назад мама попросила его, юристконсульта крупной больницы, устроить консультацию своей близкой подруге по поводу болей в колене.

Муж, естественно, ни с кем не договорился, зато теперь фонтанирует ценными советами.

– Что ты изображаешь? Я говорю, что надо делать и как будет лучше.

– Узнаю почерк мастера.

– Что?

– Ничего.

Да, это вполне в стиле мужа. Когда возникает проблема, неважно, касается она консультации врача, ремонта крана или чего-то посерьезнее, муж раздражается тирадой о том, насколько это актуальный вопрос, и как необходимо его решить, и как здорово они заживут после того, как все будет сделано. А после вдохновляющей речи совершает ряд бестолковых и вялых движений, которые нисколько не приближают к результату, дай бог, если не делают хуже. На следующей стадии муж перекладывает ответственность на других – медицину, коммунальные службы, жену, тещу и всех остальных, кто только попадет под руку, и получается, что либо проблему решить невозможно в принципе, либо это не его дело.

В общем, это и не страшно, все советские женщины примерно так и живут и радуются, что не пьет. Только вот незадача: у Ольги с мужем одна специальность, и он любит потрещать с супругой о своих рабочих буднях, пожаловаться на тупое начальство, глупые законы и вообще на злых людей, у которых в жизни один интерес – подставить бедного юристконсульта.

Увы, Ольга хорошо разбиралась в своей профессии. Вслух сочувствовала, кивала, утешала, но отчетливо видела, что проблема как раз в муже, который не радуется сотрудников особенно ничем, кроме словесного поноса и головной боли.

Нерешительность удивительным образом сочетается в нем с упрямством. Когда руководитель, устав от его творческих метаний, прямо приказывает выполнить то и то, муж начинает юлить и уворачиваться, лишь бы только не подчиниться.

Первое время Ольга наивно думала, что раз муж с ней делится, то ее мнение ему интересно, и в большинстве ситуаций она, неплохо помнившая хозяйственное и трудовое право, понимала, как лучше поступить, и

говорила об этом мужу, но он по-детски делал все наоборот, и она поняла, что ему хотелось просто поплакаться, а не получить разумный совет.

Все попытки убедить его, что он неправ, заканчивались ссорой, и постепенно Ольга перестала вникать, только утешала мужа и втихомолку сочувствовала главврачу, вынужденному терпеть не слишком умного, светливого и нерешительного подчиненного.

– Ладно, я сама все устрою.

– Ей надо идти в поликлинику, и все, – повторил муж, и это попугайское упорство вдруг взбесило Ольгу.

Долдонит ей прописные истины, а маме боится сказать, что ничем не может помочь. В общем, понятно, потому что страшно представить, что мама с ними сделает, если они не решат проблему ее подруги. Это он с женой рассуждает про поликлинику, потому что знает, что она в конце концов все решит и казнь не состоится.

– Когда тебя просят что-то сделать, это значит надо сделать, а не обделаться! – выпалила она.

– Оля, что ты говоришь!

– То и говорю, что две вещи только ты умеешь – зассать и обосраться! – как можно более грубо постаралась крикнуть Ольга, бросила в лицо мужа записную книжку, отчего та разлетелась по всей комнате ворохом листков.

И выскочила в кухню. Руки тряслись то ли от ненависти, то ли просто от злости.

Ольга схватила с полочки сигареты, распахнула форточку и закурила, сломав о коробок штук пять спичек.

Глубоко вдохнув, она закашлялась с непривычки.

Как тяжело, когда хочешь опереться на человека, а рука соскальзывает в пустоту.

И злобно на душе, и стыдно, что не сдержалась.

Муж заглянул в кухню, только когда она докурила почти до фильтра.

– Ты уж слишком...

– Да, прости.

– Но я все понимаю.

Он обнял ее, притянул к себе, погладил по макушке.

– Я не сержусь, Олечка. Ты просто еще не пришла в себя.

– Прости меня. Я постараюсь.

Все-таки он добрый человек и любит ее. Понимает и прощает эти безобразные вспышки. Ну а что не слишком хороший специалист – пусть об этом волнуется его руководство, а Ольге и дела нет. Главное, они вместе,

муж и жена, и он никогда ее не бросит, будет с нею и в горе и в радости. Он принимает ее такой, как она есть, со всеми недостатками, которых наверняка гораздо больше, чем ей кажется, и Ольга обязана сделать то же самое для него.

* * *

Полина пробежалась по квартире. Все чистенько, нигде не пылинки, Зоя Михайловна прибралась на славу. Она еще приготовила обед на два дня, но борщом и котлетами потчевать гостя, естественно, не будем.

Скромно, по-европейски, печенье, сыр и кофе. И позже по бокалу вина. Сразу надо задать правильный тон.

Никаких кухонных посиделок, долой эту пошлость, примем гостя в рабочем кабинете, ведь это деловая встреча, а там уж как пойдет.

Полина усмехнулась. Как все-таки прекрасно, что мать уехала в ГДР передавать тамошним танцовщикам премудрость русского балета. Хорошей девочке полагается тосковать, скучать по маме, а она так и не загрустила, хоть мама уехала полгода назад. Заставляет себя, а никак, потому что без вечно поджатых губ матери и упреков, что «жизни не видела из-за твоих болезней», реально легче дышится.

Она посмотрелась в зеркало. Стройная девушка в черных брюках и черной маечке, волосы расчесаны на прямой пробор. Это ее стиль еще со школы, и менять она ничего не собирается хотя бы потому, что люди, не способные оценить этот аристократический шик, ей неинтересны.

Кирилл Мостовой должен все понять правильно.

Полина склонила голову на плечо, кинула своему отражению короткий ускользящий взгляд и облизала губы.

«Ах, Кирилл, сколько лет судьба вела нас к этой встрече», – прошептала она. Нет, рано. Пока рано.

Полина влюбилась в Кирилла Мостового даже не по фотографии, а по карандашному рисунку. В четырнадцать лет она в очередной раз лежала в больнице Раухфуса с очередной непонятной болезнью. Палата была большая, как спортзал, коек на десять, занятых в основном малышней, но одна соседка оказалась очень интересной.

Эли, как она предпочитала себя называть вместо банальной Лены, была уже сформировавшаяся девушка с горбоносым лицом, которое могло быть красивым, если бы не густо усеивающие его юношеские прыщи. Она

тоже одевалась во все черное, но вообще уделяла очень мало внимания своей прическе и одежде. Целыми днями напролет она читала, как Полина сначала думала, свои дневники, но вскоре выяснилось, что это роман «Мастер и Маргарита», полный текст которого Эли собственноручно переписала в несколько тетрадок по девяносто шесть листов.

На следующий день родители передали принадлежности для рисования, и Эли принялась изображать то Азazelло, то Воланда.

Рука у нее была твердая, Полине нравилось наблюдать за ее работой, и Эли, поначалу отнесшаяся к мелкой соседке презрительно, оттаяла и стала рассказывать про дальнейшие приключения героев любимого романа. Это было немножко странно, потому что, увлекшись, Эли причислила себя к действующим лицам, но интересно.

Потом она нарисовала очень красивого молодого человека, Полина залюбовалась и спросила, кто это, решив, что очередной плод фантазий Эли, но неожиданно та сказала, что парня зовут Кирилл Мостовой и он существует, поет в рок-группе и страстно влюблен в Эли.

Полина развесила уши и до выписки слушала рассказы про ленинградский рок-клуб, почти правдивые, и про роман Эли и Кирилла, что было наглым и абсолютным враньем. Полина все понимала, но делала вид, что верит, и Эли тоже делала вид, что принимает этот вид за чистую монету, словом, между девушками воцарилась полная гармония.

Проведя в больнице почти две недели, девочки подружились. У них на самом деле оказалось много общих интересов, обе любили читать, писали стихи, а что Эли жила в мире своих фантазий, так это только веселее.

Они стали видеться, Эли повела Полину на несколько квартирников, но на Кирилла удалось посмотреть только издали. Сам он не подозревал, что Эли его возлюбленная, и никто другой не взял на себя труд представить ему девочек.

И все же Полина влюбилась крепко, пользовалась любой возможностью показаться ему на глаза, просиживала вечера в «Сайгоне», но как-то ни с кем не нашла общего языка и не сумела закрепиться в тусовке, а через год родители Эли получили работу в другом городе и семья уехала. Эли писала подруге длинные письма, но Полина ленилась отвечать. Зачем, ведь теперь Эли никуда не могла ее взять с собой.

Она сунулась как-то одна, но косматые мужики в косухах обозвали ее «малой» и прогнали. Так и сказали: «Слышь, малая, чеши отсюда».

Приходилось вечерами шлифовать тротуар Невского возле кафе в надежде на случайную встречу, но случая не представлялось.

Ах, как она была влюблена тогда, как замирало сердце... Как она

мечтала о прекрасной минуте, когда Кирилл заметит ее и подойдет, влюбившись с первого взгляда точно так же, как и она в него. И все плохое сразу станет неважным и отпадет, как хвост у ящерицы, и начнется только счастье и блаженство.

Мечта о любви подарила ей способность писать. Полина излила свою тоску по Кириллу в стихи и быстро сделалась знаменитой.

Творчество и признание заполнили ее жизнь до краев, и первая любовь не прошла, но потеряла остроту и уже не могла так больно ранить ее сердце.

Самое время воскресить ее, только теперь уже на своих условиях.

Полина тряхнула головой. Волосы красиво переливались в свете настольной лампы. «Нет, я хороша. По-настоящему хороша, женщина, а не тупая матрешка».

Теперь Кирилл точно не сможет смотреть сквозь нее. Правда, говорят, он женат. Полина пожала плечами. Кто знает, насколько правдивы слухи, но, даже если и так, разве это важно? Жена – это что-то скучное и обыденное, пропахшее тоской и борщами, ненужная обуза, которую приходится терпеть. Пусть будет жена. Главное, это поцеловаться с Кириллом хотя бы раз, и тогда уж он от нее точно никуда не денется.

Звонок раздался в точно назначенное время. Полина впустила гостя, с легким разочарованием отметив, что он без цветов, и пригласила в кабинет, категорически запретив снимать обувь.

Зоя Михайловна завтра будет ворчать, что наследили, но она деньги получает за мойку полов.

– Пожалуйста, располагайтесь, – Полина указала на диванчик, – а я пока сделаю кофе. Вы, наверное, пьете крепкий, я угадала?

– Может быть, сразу к делу? – Кирилл мялся в дверях.

– Нет-нет, когда вы попробуете мой кофе, то сразу поймете, что отказываться было настоящим преступлением.

Мостовой пожал плечами. Высокий, широкоплечий, чем-то похожий на Штирлица, он был так же красив и притягателен, как прежде, но все же не такой, как она его помнила. Раньше он ходил как настоящий металлист, а теперь обычный скучный вид – пальто, брюки со свитером, стрижка под машинку. Все – советский ширпотреб. Только эта серость удивительным образом не портит его, а делает еще интереснее.

Полина вышла на кухню и возилась с туркой нарочно долго, чтобы Кирилл освоился на незнакомой территории.

Когда она вкатила сервировочный столик, Мостовой чинно сидел на

краю дивана, будто аршин проглотил.

Полина наполнила из турки чашечку и подала ему. Фарфоровое изделие Ломоносовского завода смотрелось крохотным в его большой руке с длинными крепкими пальцами.

– Кофе необычайно вкусный, Полина Александровна. Действительно, я бы себе потом не простил, если бы отказался.

– Сахару?

Он покачал головой.

– Так, Полина Александровна, чему, как говорится, обязан?

Она, смеясь в нужных местах, рассказала, что была в редакции и там случайно сунула нос в неостребованные рукописи и выудила стихи Кирилла Мостового. Они сразу привлекли ее внимание, а когда она увидела фамилию автора и вспомнила, как глупенькой несмышленной девчонкой фанатела от группы «Мутабор», то сразу заинтересовалась. Она и подумать не могла, что рокер пишет такие глубокие лирические стихотворения...

– Я у вас была на нескольких квартирниках и на даче... Но вы меня, конечно, не помните...

– Простите, Полина Александровна, – покачал головой Кирилл, – но нет.

Улыбнувшись, Полина развела руками:

– Тем не менее в память о бесшабашной юности мне хотелось бы вам помочь, Кирилл. Вероятно, я могла бы положить ваши стихи на стол главному редактору.

– Спасибо.

– Не хочу хвастаться, но мое мнение имеет определенный вес в этих кругах. Надеюсь, у меня получится уговорить Григория Андреевича включить ваши стихи в альманах «Невские этюды»...

– Я был бы вам очень благодарен, но мне, право, неловко, что вы тратите на меня свое время.

– Талантливые люди должны поддерживать друг друга, но это еще не все, Кирилл. Кроме публикации в альманахе, которая может пройти незамеченной нашими любимыми народными массами, я надеюсь составить вам протекцию в журнале, где публикуюсь сама.

Кирилл снова поблагодарил и осторожно поставил пустую чашку на столик.

– Может быть, по бокалу вина за грядущие успехи?

– Простите, думаю, что это лишнее.

Полина засмеялась, с удовольствием наблюдая, как Мостовой становится неловким и скованным. А глазки-то разгорелись, уже небось

предвкушает славу и успех. Сейчас главное – не показать своего интереса. Наживку он заглотил, теперь никуда не денется.

Она запрокинула голову, давая ему возможность оценить свою тонкую длинную шею без единой морщинки.

– Ну, раз выпить не хотите, придется нам с вами как следует поработать.

На это Кирилл охотно кивнул.

Полина выпрямилась и нахмурилась, как строгая деловая женщина:

– В первую очередь нужно выбрать четыре лучших стихотворения, два я положу на стол редактору и два передам в журнал. Потом надо довести их до совершенства, чтобы у редакторов руки затряслись от вожделения. Ну и наконец вы напишете краткую автобиографию, а я – небольшой вам панегирик. Согласны вы с таким планом?

Кирилл все так же деловито кивнул.

Полина встала:

– Недели вам будет достаточно?

– Вполне.

Кирилл поднялся, рассыпаясь в благодарностях. Полина протянула ему руку ладонью вниз, надеялась, что поцелует, но он ограничился быстрым рукопожатием.

На пороге Полина не удержалась, быстрым, почти неуловимым жестом смахнула несуществующую пылинку с его шарфа. Кирилл в сотый раз сказал: «Спасибо, Полина Александровна», – и ушел.

«Обещал позвонить, как будет готово, – пробормотала Полина, упав навзничь на мамину кровать, – и что-то мне подсказывает, что ты несильно станешь с этим тянуть. Главное ты понял, Кирюшенька, что я – твой пропуск в мир славы и народного признания. Не угодишь мне, так и останешься чернорабочим на заводе, или где ты там пашешь. Спасибо, спасибо... Знаешь, свои спасибо куда засунь? Взрослый вроде бы человек, должен понимать, что за любовника женщина будет впрягаться, а за чужого мужика – ни при каких обстоятельствах. Даже за тысячу спасибо! Даже за миллион! Ладно, будем считать, что ты первый и последний раз тут дурака из себя строил».

Интересно, о чем он вообще думал? На... сколько там ему? На тридцатом году жизни еще верит, что когда девушка приглашает молодого человека пить чай, то на самом деле хочет чаю? Неужели бедняга Кирилл настолько наивен, что верит, будто кто-то реально станет суетиться исключительно ради умножения славы великой русской поэзии?

А если она ему не нравится? Полина засмеялась. Ничего, главное –

лечь с ним в постель, а там уж она подарит ему такое наслаждение, от которого он никогда в жизни не сможет отказаться.

* * *

Старый хирург из ЦРБ, вызванный замещать Семена, пока он ездил на похороны матери, не спешил уезжать. Молча сидел в ординаторской в накинутом на манер бурки тулупе и курил, стряхивая пепел в старую чашку Петри. Отчитываться ему было не в чем, за три дня, которые Семен провел в Ленинграде, никто не заболел и не поправился.

Семен думал, что этот тощий жилистый старик найдет в его работе кучу недостатков, но хирург, возвращая пачку историй, сказал только: «Добро, добро...»

Заглянул механизатор Калюжный и стал канючить, что хочет домой.

– В палату иди, – цыкнул хирург.

– Но я нормально себя чувствую.

– Так, Калюжный, здесь я врач и я решаю, кто здоровый, кто больной.

Вихрастая голова исчезла.

– Завтра выпишешь его. Леня было с эпикризом возиться, – сказал старик и глубоко затынулся. – Ты что сидишь-то? Доставай давай.

Семен заглянул в шкаф. Местные были люди благодарные, носили ему то десяточек яиц, то молочко, то шматочек сала, то картошку, но алкоголь дарили редко, сами испытывая в нем острую потребность. К счастью, с лета стояла на верхней полке бутылка хорошего коньяка – благодарность дачников за ущемленную грыжу.

– Летучий пленник, запертый в стекле, – улыбнулся он, – напоминает в стужу и мороз, о том, что лето было на земле^[1].

– Наливай, шекспировед. Больно ты культурный для этих мест.

У Семена не было рюмок, и он сходил на пост, взял две мензурки толстого зеленого стекла. От них тянуло лекарством, но Семен решил, что ничего страшного.

– Ну, помянем, – сказал старик, – пусть земля пухом.

Семен молча выпил, зная, что это не поможет.

– Ты как вообще, держишься?

– А куда деваться? Вы уедете, так кто-то должен здесь остаться.

– Вот и правильно.

Хирург быстро наполнил по второй, заметив, что с этим делом вообще надо быть поаккуратнее.

– Да я уж понял.
– Смотри, не увлекайся, горе не заливай.
– Не буду. Я вообще как-то не верю, что это по-настоящему и ничего уже не исправить.

– Понимаю тебя.
– А вы еще раз сможете подменить? – спросил Семен. – Не сейчас, ближе к весне?

Хирург пожал плечами и устался в окно:

– Не знаю, парень. Не буду обещать. Через пару недель – пожалуйста, а дальше не знаю. А что тебе?

– Да вот машину хочу на рынке купить. Мне мама, оказывается, копила, – Семен глубоко вздохнул, чтобы не расплакаться, – надеялась, что буду возить ее сюда на выходные... Деньги собрала и умерла. Так тут и не побывала.

Старик молча покачал головой.

– И я не успел. Все думал, что как-нибудь отпрошусь, подменюсь, может, и все откладывал, откладывал... И вот не успел.

– Да, без машины тут тяжело, – невпопад вздохнул дед.

– А с другой стороны, теперь зачем? Теперь мамы нет, можно ехать работать куда хочешь. В Комсомольск-на-Амуре вот звали... Просто никак не пойму, что больше меня здесь никто не ждет.

– А ты хочешь отсюда уехать?

– Ну конечно! Здесь будущего нет.

– А, ясно, – старик ухмыльнулся и снова налил.

Семен взял из его пачки папиросу, почему-то решив, что если покурит, то не так быстро опьянеет.

– У меня рак, Сеня, – сказал хирург, – три операции я перенес, можно сказать, бежал от смерти, как от голодной собаки, кидая ей куски своего тела, но сейчас уже неоперабельно. Поэтому я и не уверен, что смогу тебя подменить ближе к весне, так что про «будущего нет» это ты кому другому расскажи.

– Извините, – смутился Семен.

Но хирург бодро махнул рукой:

– Осталась мне пара месяцев, наверно, но сегодня я жив точно так же, как и ты.

– А я, с другой стороны, завтра могу поскользнуться и шею себе сломать.

– Вот именно. Будущего, Сенечка, нет вообще ни у кого. Есть настоящее, им и живи.

Они подняли свои мензурки и сильно, от души чокнулись.

– Женись на хорошей девушке, и найдешь счастье даже в этой глухомани. Я ведь тоже сто лет назад подавал большие надежды. Тоже был мальчик из хорошей семьи, наукой занимался, а потом война, и полетел я на нее заурядврачом. После победы хотел восстановиться, доучиться шестой курс, в ординатуру поступить, но куда там... Новая поросль подошла, и оказался я в деревенской больничке, и ни одного дня об этом не жалел.

– Хотел бы и я так. Но только у меня уже диссертация была написана! Почти.

– А защититься не дали?

– Не дали.

– А дали бы – что изменилось?

Семен озадаченно взглянул на старика.

– Третий глаз у тебя открылся бы? Или что? Да ничто, только в заднице бы засвербило, что пора докторскую писать. А тут ты настоящее дело делаешь.

– Угу, – хмуро буркнул Семен. – Алкашам слюни утираю.

– Однако ж ты не мог просто так взять и уехать. Меня прислали.

– И что?

– Стало быть, нужен ты здесь. А на кафедре – сваливай хоть на месяц, никто и внимания не обратит.

Выпив, Семен подумал, что дед, пожалуй, прав. Завтра он протрезвеет и снова станет с тоской заглядывать в свое безнадежное будущее, жалеть об упущенных возможностях, и пытаться понять, что мамы больше нет, и терзаться, что упустил эти последние полгода, когда мог быть рядом с нею. Будет злиться на Полину Поплавскую, из-за которой произошла их разлука, словом, отчаяние снова зажмет его в свои тиски.

Но это все завтра, а сегодня он понимает, что у него ничего нет, кроме этой минуты.

* * *

Володя заплакал, и Ирина дала ему грудь. Это было, конечно, неправильно, все авторитеты, включая ее собственную маму, твердят, что кормить надо строго по часам, а в остальное время вообще не подходить к ребенку. Пусть плачет, привыкает, что жизнь – суровая штука. Ирина слушала, теоретически соглашалась, но делала по-своему. Жизнь действительно не пряник, так что нечего самой прибавлять этой жизни

суровости.

Сын ел, а Ирина смотрела на спящего мужа. В отблесках уличных фонарей лицо его казалось незнакомым, будто кто-то чужой прилег на ее постель.

Да и постель не ее, здесь все чужое. Дом, в котором она не росла, мебель, которую не покупала. Просторная кладовка забита старым хламом, как у всех, но это хлам Кирилла, а не ее. Свой она вынесла на помойку при переезде.

Ей некуда отсюда уйти. Ирина вздохнула.

Володя уснул, выпустил грудь и засопел, сосредоточенно хмурясь. Ирина осторожно положила его в кроватку, а сама вышла на кухню – попить чаю с молоком для лучшей лактации. Ну и с печеньем, что уж стесняться. Уже все равно.

Хоть и не было тому никаких прямых доказательств, но Ирина почти не сомневалась, что муж ей не верен. Влюбился в кого-то и или уже изменяет, или только собирается. Снова звонила девушка, просила Кирилла, и по тому, как издевательски она растягивала слова, Ирина поняла: она прекрасно знает, что его нет дома, просто хочет поиздеваться над обманутой женой.

И только удалось убедить себя, что это ничего не значит, как Кирилл задержался якобы на работе и пришел домой поздно, явно пахнущий духами «Пуазон», отвратительными, но модными.

И это можно было бы как-то объяснить, только Кирилл всегда был с нею честен, не привык обманывать, поэтому не сумел произнести «я задержался на работе» хоть сколько-нибудь правдоподобно.

Ирина сделала вид, что верит, и молча накормила мужа, а потом легла рядом с ним, но ничего не случилось. Кирилл нежно поцеловал ее, отвернулся и уснул.

Все эти поздние возвращения, следы чужих духов, звонки... Сами по себе они ничего не значат. Нормальная женщина на них и внимания не обратит, если не чувствует древним первобытным инстинктом, что муж к ней переменялся. Неверный муж может соблюдать конспирацию не хуже Штирлица, но нельзя скрыть от жены, что больше ее не любишь и мысли твои заняты другой.

Последнюю неделю Кирилл сам не свой. Хмурый, рассеянный... После рождения Володи муж, вернувшись с работы, сразу включался в хозяйство, так что Ирине приходилось гнать его на диван или за письменный стол, а теперь он дежурно спрашивает, нет ли для него поручений, и уходит сидеть над своими бумагами.

Допустим, Кирилл врет, потому что снова ходит в свой рок-клуб и не хочет, чтобы она об этом знала. Но зачем скрывать, если Ирина тысячу раз говорила, что не против, а, наоборот, очень даже за. Да и пахло бы от него после сейшена, прямо скажем, совершенно по-другому.

Она налила себе чайку, щедро добавила молока из бумажной пирамидки и протянула руку к вазочке с сухарями.

Все равно уже. Потеряла привлекательность, так и без разницы, сколько весить, восемьдесят килограммов или сто.

У нее двое детей, так что выступать со сценами ревности нельзя. Егор привязался к Кириллу, относится к нему как к отцу, кто знает, как в нем отзовется новое мужское предательство? Родной папа бросил, а новый мамин муж сначала стал родным папой, а потом тоже бросил... Нет, такие перегрузки не нужны детской психике.

Придется терпеть, изо всех сил не замечать очевидного, потому что если она ткнет Кирилла носом в доказательства его неверности, то тут два варианта. Или он с облегчением предложит развод, или просто перестанет стесняться. Детям нужен отец, поэтому будем жить как жили, но от любовницы я отказываться не собираюсь. Терпи.

«Дорогая Ирина Андреевна, – усмехнулась она, – а ведь когда вы сами валялись с женатым мужиком, вы же его нисколько не порицали. Наоборот, он казался вам очень умным и порядочным, это жаба-жена была во всем виновата. Так и оставайтесь объективны, не катите теперь бочку на своего мужа».

* * *

Наконец до Ольги дошла очередь читать сборник зарубежного детектива. Улегшись в кровать, она с нетерпением раскрыла слегка потрепанный томик, но буквы оставались буквами, слова – словами, и в текст не получилось окунуться, как в море.

Ольга попробовала другую повесть – и снова ничего.

Неужели она навсегда утратила способность погружаться в книгу? Если так, тогда беда.

Вошел муж, театрально поежился и направился к окну:

– Милая, давай все-таки закроем форточку!

Ольга закатила глаза. Она не понимала, как это человеку может не хватить одного «нет», зачем снова и снова возвращаться к тому, что решено?

Сама она с детства приучена, что нет – значит нет. Спасибо маме, которая никогда ни при каких обстоятельствах не поддавалась на уговоры. Как сказала, так и будет. В детстве Ольга страдала, зато теперь никогда ни перед кем не унижается и не канючит. Чужое решение – такое же обстоятельство, как погода, надо его учитывать, а менять бессмысленно.

Наверное, именно это качество помогло ей быстро продвинуться по карьерной лестнице.

Другое дело муж. Вроде бы тихий, неконфликтный человек, со всем соглашается, а на самом деле глаз высосет, пока своего не добьется. Даже помирашки устраивает, как бабка старая.

– Мы же договорились, что спим при свежем воздухе, – буркнула Ольга.

– Ну да, но все-таки холодно и сквозняк, – продолжил канючить муж. – Нас продует, дорогая.

Бабка и есть бабка.

– Не выдумывай, там щелка три миллиметра.

– И через нее очень сильно сифонит.

– Слушай, но мы же решили! – рассердилась Ольга. – Самому ведь приятнее проснуться со свежей головой.

Муж кивнул, но от окна не отходил.

– Научными исследованиями доказано, – начала Ольга, стараясь держать себя в руках, – что в спальне должно быть не выше четырнадцати градусов, тогда происходит максимально здоровый сон. И мы, кажется, выяснили, что ты можешь взять дополнительное одеяло, если тебе холодно, а если мне душно, то я ничего с этим сделать не могу, поэтому справедливо спать при открытой форточке.

Помолчав немного, муж шмыгнул носом, потом еще раз. Получалось не слишком убедительно.

– Похоже, я уже простыл. Давай все-таки закроем, дорогая? Ты же не хочешь, чтобы я разболелся?

Ольга захлопнула книгу и отвернулась, бросив: «Да подавись!»

Раздался стук затворяемой форточки, и Ольгу затрясло от злости. И слово это дурацкое «простыл»... Из лексикона бабок, нормальные люди говорят «простудился». Нет, так нельзя. Надо быть настоящей женщиной, доброй и уступчивой, и заботиться о своем муже. А что было, то прошло, и пора вырвать все воспоминания, как вредоносный сорняк.

Забравшись под одеяло, муж прижался к ней с вполне определенными намерениями.

– Боря, я не хочу.

– А мы легонько. Я буду очень осторожным, не бойся.

– Я еще не готова.

– А тебе не кажется, что пора?

– Нет.

– Но уже достаточно времени прошло...

– А тебе не кажется, что это мне решать?

Муж обиженно засопел:

– Иногда я думаю, что ты меня просто не любишь.

Ольга не ответила.

– И никогда не любила.

Она села на кровати.

– Я, в конце концов, тоже человек, и у меня тоже есть потребности, но это, похоже, никого не волнует! Может, тебе было бы легче, если бы меня убили?

Ольга знала, что надо немедленно обнять мужа, сказать, что любит его, и отдаться, но она словно окаменела.

...Отпуск им, как бездетным, дали в ноябре, и они взяли путевки в Пицунду, уговорив себя, что это еще не безвременье, а самый конец бархатного сезона.

Впрочем, Ольга так вымоталась на работе за год, что ей и не нужно было никаких купаний и прочих летних радостей. Трехразового питания и долгих прогулок вполне хватало.

Как только заселились, она сразу пошла в местную библиотеку и набрала там кучу книг.

Целых десять дней она была не то чтобы счастлива, но совершенно безмятежна, пока не решила вытащить мужа на романтическую прогулку. Темная южная ночь, плеск волн, Млечный Путь и ковш Большой Медведицы – что может быть лучше, чтобы вспомнить, что они еще молоды и любимы?

И забрели-то они не в самое глухое место, но нарвались на троих подонков, то ли пьяных, то ли, того хуже, одурманенных наркотиками.

Борис отдал им деньги и часы сразу, но мужики схватили Ольгу и повалили на песок. Ночь, темно и пусто, стесняться некого.

Она отбивалась из последних сил, орала до хрипоты, и, в конце концов, ее услышали. В самый последний момент, когда она уже ни на что не надеялась, появились какие-то ребята, кажется, их тоже было трое, и насильники убежали.

Ей должно было быть очень страшно и больно, но Ольга чувствовала

только ужас оттого, что муж, самый любимый и родной человек, стоит неподвижно, с белыми от страха глазами. Он ничего не сделал, чтобы защитить ее, не попытался даже ударить, просто стоял, как замороженный глядя на нож, которым перед ним помахивал один хулиган, пока другие двое заваливали Ольгу.

Он даже не кричал.

Потом он утешал ее, жалел, опекал с нежностью родной матери, а Ольга снова ничего не чувствовала, кроме тошноты от кислого запаха страха, исходившего от него.

Все оставшиеся до отъезда дни она пластом пролежала в номере, потому что хулиганы помяли ее довольно сильно. На теле живого места не осталось от синяков, и голова тоже была какая-то чугунная, не своя.

Муж носил ей чаек, мазал мазью «Арника» и ворковал, что иначе, чем он, поступить было никак нельзя. Куда бы он попер один против троих? Его бы сразу убили, прежде чем он бы что-то успел, а потом и с ней бы не стали церемониться. Пролитая кровь развязала бы негодьям руки, и ее они тоже не оставили бы в живых. Он очень хотел уберечь ее и обязательно бы вступился, если бы напали не трое, а хотя бы двое.

Ольга слушала и думала, что он, пожалуй, прав. Одиночка против стаи не имеет шансов. Потом, бандиты – примитивные существа, не способны думать дальше своих инстинктов. В тот момент их обуял половой инстинкт, они хотели бабу, а муж был всего лишь досадным препятствием. Пока тихо стоит, не мешает, пусть живет. Сразу трое все равно на бабу не залезут, один может и покараулить. А вот муж сопротивляющийся не дает никому приступить к делу, надо его уговорить. Ну а уж раз мужика пришлось кончить, то и бабу порешим.

К отъезду она уговорила себя, что муж действительно не мог поступить иначе. Да, она билась и боролась, но ей не приставляли ножа к горлу.

И вовсе он не оцепенел от страха, а проявил разумную выдержку и поступил абсолютно правильно, иначе они оба были бы уже мертвы.

А потом был так ласков, так предупредителен и нежен с нею, как не может плохой человек. Он мог бы чувствовать к ней отвращение, как к сломленной, оскверненной женщине, но он ни на секунду не показал, что стал относиться к ней как-то иначе, чем раньше.

Через ее руки прошло столько уголовных дел, когда человека убивали за то, что он защищался, что она просто не имеет права осуждать собственного мужа. Герои-победители бывают только в книгах и фильмах, а в жизни они гибнут до того, как совершают подвиг.

Ее муж – обычный человек, со своими достоинствами и недостатками, просто из-за пережитого потрясения она видит в нем только плохое, но скоро это пройдет.

* * *

Полина не любила Дом писателей. Ей казалось, что в этом светлом здании, снаружи и внутри походящем на торт, нельзя создавать настоящие произведения, все должно выходить веселенькое, кудрявенькое и в розочку. Наверное, когда тут ходили пропахшие порохом революционные матросы, царапая мрамор штыками своих винтовок, то зефирные интерьеры только подчеркивали величие перемен, а теперь бродят скучные, унылые люди, вслух восхваляющие советскую власть, а украдкой лелеющие в себе жиденькие дворянские корни, и красота оборачивается невыносимой пошлостью.

По этой же причине Полине не нравилось бывать и в Эрмитаже, и в Кировском театре: будто проваливаешься в небытие, в эпоху, которая прошла и больше не существует.

Исключением был Дворец пионеров: там почему-то не чувствовалось, что это бывший императорский дворец. Полина несколько раз приходила туда выступать в литературном клубе «Отвага» перед юными дарованиями. Приятно было видеть, с какой глупой серьезностью они слушают, с какой нелепой восторженностью рассуждают, и понимать, что сама она никогда такой дурочкой не была, в двенадцать лет уже видела жизнь как она есть.

Надо будет после каникул туда наведаться...

Отдав шубку гардеробщику, Полина направилась в конференц-зал. Сегодня праздничный вечер по случаю наступающего Нового года, и на торжественную часть не прийти нельзя, а на банкет Полина никогда не оставалась. Надо хранить свой образ воздушной девушки не от мира сего, а не хлестать водку вместе со всякими колхозниками от литературы.

Она зашла в туалет. Перед широким зеркалом поправляли макияж две тумбообразные тетки, затянутые в бархат. На Полину они даже не взглянули – серьезные жены серьезных мужей. Чего стоит какая-то там поэтесса по сравнению с их номенклатурными возможностями.

Полина подошла и встала между ними. Получился неплохой триптих – две размалеванные пестрые кучи и посередине она – тонкая, как веточка. Талию можно двумя пальцами обхватить.

Даже ради праздника она не изменила черному цвету. Любимый

бадлон, только сегодня вместо черных джинсов – прямая черная юбка, неохотная уступка общественному мнению. Ну да ладно, пусть посмотрят в кои-то веки на ее изящные лодыжки.

Никаких башен из лака она на голове вертеть не стала, как обычно, расчесала волосы на прямой пробор. Перед выходом надела тонкую золотую цепочку с кулоном в виде цветка, и этого достаточно.

Полина отвела прядь волос за ухо и чуть пожевала губами, чтобы стали ярче. Нет никакого обмана зрения – зеркало отражает элегантную девушку, очевидно, самую красивую в Доме писателей сегодня. Почему же Кирилл не соблазнился?

Поморщившись от неприятного воспоминания, Полина вышла в коридор и уловила легкий запах кофе, доносящийся из буфета, что ж, сегодня она чуть не рассчитала время и приехала раньше, чем собиралась, так что успеет выпить чашечку до начала нудной говорильни.

Возле прилавка змеилась очередь, но это, конечно, не являлось препятствием для нее. Как только Полина вошла в буфет, так отовсюду сразу замахали, закричали: «Идите к нам!», но проворнее остальных оказался Григорий Андреевич. Он словно материализовался из воздуха и захлопотал, так что через секунду она уже сидела за круглым столиком, накрытым длинной белой скатертью, и цедила ароматный, но кислый кофе.

– Как хорошо, что мы встретились, – редактор заглянул ей в глаза, – а то я уж думал вам домой звонить.

– Что-то не так с моей рукописью?

– Нет-нет, все отлично, не беспокойтесь. Я о другом. Помните, я вас просил представить публике одного молодого поэта?

Полина нахмурилась. Еще бы она не помнила!

Прошла оговоренная неделя после их встречи, но Кирилл не давал о себе знать, а первой звонить было никак нельзя. Ты никогда не делаешь шагов к человеку, чья судьба в твоих руках, это он должен ползать перед тобой на коленях.

Несколько дней Полина провела, вздрагивая от каждого телефонного звонка. Порой ожидание так утомляло ее, что она уходила из дома специально, чтобы думать, что вот он сейчас звонит, а ее нет.

Странно, обычно волнения и любовные переживания вдохновляют на творчество, но ей писать совершенно не хотелось. Ни мыслей, ни образов, только сосущая пустота внутри.

Зато она написала два длинных программных стихотворения о комсомоле, давным-давно заказанных ей журналом и кои редактор уже

почти отчаялась из нее выбить.

Полина не удержалась, все-таки два раза позвонила Кириллу в те часы, когда он заведомо был на работе. Отвечал молодой женский голос, один раз Полина расслышала плач младенца, и настроение сразу испортилось.

Потом она вспомнила популярную пословицу, что жена не стена, можно отодвинуть, и повеселела. Пусть Кирилл киснет возле своего душевного домашнего очага, а она подарит ему настоящее чувство.

Наконец он позвонил и сказал, что, кажется, сделал четыре стихотворения, за которые не стыдно. Полина выдержала паузу, во время которой переворачивала листы воображаемого ежедневника, и пригласила его в гости «скажем, послезавтра в восемь».

Только Кирилл не с восторгом согласился, а сказал, что ему неловко доставлять ей лишние хлопоты, поэтому он принесет рукопись куда-нибудь на ее маршрут или кинет в почтовый ящик.

– Но я хотела бы обсудить ваши стихи, прежде чем положу их на стол редактору.

– Давайте я в редакцию подъеду или приглашу вас в кафе.

– В редакцию вас не пропустят, а в советский общепит я, извините, брезгую.

В конце концов удалось втолковать Кириллу, что нигде не будет ей удобнее, чем у себя дома.

Кирилл пришел с дежурными розовыми гвоздиками, подал пластиковую папку с рукописью, которая на этот раз была отпечатана аккуратно и чистенько, и снова сел на краешек дивана, как аршин проглотил.

Полина устроилась рядом, под предлогом того, что они оба должны видеть строчки, прислонялась к его плечу, чувствовала жесткие мускулы, и ей было глубоко плевать, что написано на этой жалкой бумажке.

– Может быть, добавить немного энергии? – спросила она наобум. – От этого произведение только выиграет.

– Полина, – спокойно, но уверенно возразил Кирилл, – я много работал над этими стихами, и мне кажется, что довел их до того состояния, когда надо или оставить как есть, или выбросить.

– Согласна, идеальность убивает жизнь. – Полина засмеялась и положила руку ему на колено.

Еще секунда, и он не устоит, набросится на нее, и тогда все, можно праздновать победу.

Кирилл поднялся:

– Извините, Полина Александровна, мне пора идти.

- Куда же вы так торопитесь?
- Надо купать ребенка. Сами понимаете, режим...
- Но мы ничего толком не обсудили!

Он пожал плечами:

– Что обсуждать? Я свою работу сделал, а дальше вы сами решайте, показывать ли рукопись.

– А моя статья о вас?

– Я вам полностью доверяю, Полина Александровна. Еще раз спасибо, что заинтересовались моей скромной персоной.

Полине удалось продержаться на лице любезную улыбку до того момента, когда за Кириллом закрылась дверь. Но потом она отошла в глубь квартиры и разрыдалась горько, как в детстве, когда казалось, что это еще может помочь.

Она не плакала с тринадцати лет, наверное, поэтому ей стало легче.

Полина готовилась к трудной ночи, полной отчаяния, но неожиданно крепко заснула, видела хорошие сны, а утро принесло спокойствие. «Обойдусь», – прошептала она и вдруг поняла, что действительно обойдется.

...Григорий Андреевич заглянул ей в глаза:

– Так что, Полина Александровна?

Она нарочито медленно поднесла чашку к губам и сделала крохотный глоток.

– Откровенно говоря, я надеялась, что вы сами выяснили это недоразумение.

– Простите?

– О, так вы до сих пор не знаете? Во всяком случае, я верю, что не знали, когда предлагали мне поставить свое имя рядом с именем этого фашиста.

Умильная подобострастность мгновенно сошла с лица редактора, взгляд серых глаз сделался суров:

– Вам точно это известно?

Полина тяжело вздохнула и развела руками.

– Надо же... А я был уверен, что это примерный рабочий.

– Григорий Андреевич, о таких вещах люди обычно в автобиографии не пишут.

– Но, судя по его стихам, это вполне зрелый, тонко чувствующий человек.

– Мне тоже так показалось, но, к счастью, я навела справки, и

выяснилось, что этот тонко чувствующий на самом деле матерый неформал, фашист, который многократно пытался опубликовать свои произведения на Западе. Григорий Андреевич, если вас это не смущает, то это ваше дело, но лично я не хочу иметь с фашизмом ничего общего. Просто абсолютно ничего!

– Конечно, Полиночка, – пробормотал Григорий Андреевич.

Она смотрела на него пристально и строго. Пусть как следует осознает, что едва не подставил лучшую молодую поэтессу страны. Рок-клуб, металлисты, остальная система – это, конечно, отребье, мусор, но в крайнем случае можно запятнать поэтический сборник продуктом их мутного сознания. Но фашизм – это табу.

Насладившись вдоволь смущением редактора, Полина растянула губы в улыбке, настолько фальшивой, насколько это вообще было возможно, и проговорила:

– Надеюсь, это маленькое недоразумение не испортит нашего дальнейшего сотрудничества.

С жаром заверив, что ни в коем случае, Григорий Андреевич поднялся и, бросив своих дам и друзей, сопровождал Полину в зал и подвинул ей неудобный стул, обтянутый красным бархатом.

Полина снова улыбнулась. Вот так, Кирилл. Я-то без тебя обойдусь, а ты без меня – нет. У меня есть все, а ты немножко еще побултыхаешься на дне, позахлебываешься в жижке народного творчества, а через пару лет превратишься в простого пьющего работягу, такого скучного, что к тебе даже белая горячка не придет. И проведешь остаток дней в унылом полусне, раз в месяц залезая на жену, после того как она упакует свои жирные тела в шелка и бархат. А когда царапнут по душе полумертвые надежды юности, пойдешь в гараж пить пиво с мужиками. Набубенишься до пьяных слез – да и отпустит. Умрешь ты – никто не заметит. И мир не узнает, какие хорошие стихи ты мог писать. Так что кто из нас проиграл – еще очень большой вопрос.

* * *

Время шло, лютые холода сменились затяжной оттепелью, а Семен ходил как замороженный. Иногда он, скользя по ледяной каше, в которую превратилась центральная улица, доходил почти до калитки Эдмундыча, прежде чем вспоминать, что мама умерла и звонить никому не нужно. И тогда его настигала не боль еще, а только предчувствие боли, которая

наступит, когда он поймет, что мамы больше нет.

Семен получил права еще в школе и водил очень прилично, но к идее покупки машины быстро охладел. Все-таки здесь такие дороги, что лучше сразу танк. Он сказал сестре, чтобы взяла себе эти деньги, но Ларка отказалась, ибо большой грех нарушать последнюю волю матери. За нее теперь беспокоиться нечего – Зина снимается в кино и зарабатывает дай бог каждому, а великий режиссер Пахомов ею очень доволен, вообще благоволит и предрекает большое будущее. Когда узнал, что у юной артистки умерла бабушка, то отнесся с такой добротой, что Лара, женщина, в общем, циничная, как любая мать-одиночка, прослезилась. Режиссер оказался настолько чутким человеком, что специально передвинул график съемок, чтобы юная артистка пришла в себя.

Кроме того, Пахомов по своим каналам достал подержанный, но вполне приличный «уазик» за смешную цену, Лариса купила его, выписала на Семена генеральную доверенность, так что ему осталось только съездить забрать.

Немного коробило, как быстро сестра вернулась к привычной жизни, как скоро погрузилась в обыденные хлопоты, но это, наверное, так и надо. Мама всегда хотела, чтобы ее дети были счастливы и радостны.

Вспоминалось, как мама рассказывала ему о бабушке, которой он совсем не помнил, хотя она умерла, когда ему исполнилось уже целых пять лет. Мама сказала, что это самая прекрасная любовь – к внукам, когда ты отдаешь свое сердце человеку, который не будет помнить о тебе. Так смерть целует жизнь и отпускает ее в дорогу.

Лариска – молодец, родила в девятнадцать, а он так и не успел порадовать мать внуками. Все ждал великой любви, а когда дождался, то оказалась она не просто химерой, а черт знает чем. Мутотой какой-то.

А вообще старый хирург прав, надо жениться на хорошей девушке. Так, чтобы добрая жена и жирные щи, другого счастья не ищи. В Ленинграде он был незавидный кавалер, а точнее говоря, «обсос», хрупкий интеллигентный мальчик из хорошей, но бедной еврейской семьи. Мелкий, щуплый, ручки маленькие, а лицо хоть и не славянское, но лишенное чувственного семитского обаяния, увы. В такого ни одна девушка просто так не влюбится, не позовет ее природа смешать его гены со своими, чтобы получилось красивое здоровое дитя.

Избранница ответила ему благосклонностью, только когда он поступил в аспирантуру и стало ясно, что после защиты останется на кафедре. А иначе без шансов было, и Семен прекрасно это понимал. Все предусмотрел, не учел только двойной эффект от соединения кровной

обида и армянского коньяка. Гремучая получилась смесь!

Но теперь другое дело. Что в Ленинграде неликвид, то первый парень на деревне. Врач с высшим образованием – поистине звезда среди местных алкашей, любая за него пойдет, только свистни. Можно даже конкурс устроить по типу телепередачи «А ну-ка, девушки».

Семен усмехнулся. А теперь у него еще и собственная машина есть, так вообще принц с заоблачных высот.

И он мечтал, как влюбится в хорошую девушку и как приведет ее знакомиться с мамой, и не сразу вспоминал, что мамы больше нет.

Работы в эти дни было немного. Весть о его утрате быстро разнеслась по деревне, и односельчане очень трогательно оберегали покой своего доктора, старались лишней раз не обращаться. Просто так заглядывали, приносили то круг домашней колбасы, то банку варенья, говорили: «Ты держись!», спрашивали какие-то житейские вещи, типа сколько маме было лет, отчего умерла, где похоронили и какой памятник он будет ставить, и Семен сначала страдал от их назойливости, а потом внезапно заметил, что действительно становится легче. Горе не ушло, но стало как-то яснее и проще, превратившись из его личной трагедии в грустный, но неизбежный ход жизни.

Вечерами заходил Эдмундыч, сосредоточенный, чистенький и просветленный, как все алкоголики в завязке.

Они подолгу пили чай с дареным вареньем и разговаривали на отвлеченные темы, причем участковый оказался удивительно интересным собеседником.

Семен считал себя широко образованным, но оказалось, что до Эдмундыча ему очень далеко. Феликс Константинович происходил из дворянской семьи, своевременно примкнувшей к революционному движению. Дед и отец были видными советскими юристами, и назвали младенца Феликсом в честь Дзержинского в полной уверенности, что он достойно продолжит дело революционного правосудия вообще и их династию в частности.

До тридцати лет парень оправдывал ожидания, а потом, как выразился Эдмундыч, поднял хвост на кого не надо. Обошлось бы, но Эдмундыч не сдался, а упорствовал в своей ереси, вот и загремел в эту глухомань, где из перспектив впереди маячила только могила на уютном сельском погосте.

– Как-нибудь расскажу тебе суть дела, – туманно обещал Эдмундыч, а Семен не настаивал.

Проводив участкового, он с грустью думал, что тот обязательно развяжет, как только воспоминания о болях в животе потеряют яркость. Тут

дошло уже до такой стадии, когда недостаточно просто желания не пить. Сам Эдмундыч говорил в минуту откровенности, что у него в душе будто черная дыра, которую приходится заполнять алкоголем, прекрасно зная, что дна там нет, но иначе жажда становится невыносимой.

Человек слаб и, бывает, не в силах обуздать свои страсти. Ему легко осуждать Эдмундыча, но у него самого нет в сердце этой черной сосущей дыры, и он просто не знает, каково это – с ней бороться.

* * *

Полина не боялась сессии, напротив, любила это время. Ей нравилось гостить у тетки, купаться в лучах восхищения теткинских детей, бродить одной по уютным заснеженным московским улочкам и мечтать о счастье. Приятно было ловить на себе пристальные взгляды прохожих: ее узнавали, но подходить не решались.

В магазины она специально не заглядывала, чтобы не казаться самой себе провинциалкой, чьи интересы не простираются дальше тряпок. Да и зачем, весь дефицит ей достают нужные люди, толкаться в очередях нет никакого смысла.

Из-за нелюбви к очередям Полина никогда не бывала в Мавзолее. Когда ездили классом на экскурсию, она болела, и потом не пришлось. Даже как-то неудобно, похоже, что она единственный советский ребенок, не видевший главного советского мертвеца.

Она честно приходила на лекции, читавшиеся заочникам, но редкий день могла высидеть до конца. Убегала с середины, шаталась по городу без всякой цели, но это все равно было интереснее, чем слушать нудную наукообразную заумь.

Учебники тоже лежали нетронутые – чтобы сдать предмет, знания Полине были не нужны. Когда она протягивала зачетку, преподаватель расплывался в улыбке и сразу выводил «отлично». Максимум, что у нее спрашивали, это когда выйдет новый томик стихов и как там поживает тот или другой старый ленинградский друг.

Полина обещала передать привет и выходила из аудитории, посмеиваясь над взволнованными студентами, лихорадочно листающими конспекты.

Но в этот раз все с самого начала пошло как-то не так. Тетка встретила ее радушно, только с порога принялась учить жизни. Оказалось, жена отца, уразумев наконец, что прямая атака бесполезна, решила действовать

окольными путями. Она дозвонилась до тетки и попросила «повлиять на девочку», ну а та и рада стараться. Какая же тетка упустит возможность повлиять? Это ж одно удовольствие – ездить по ушам молодому поколению.

Вместо приятных светских разговоров тетка все вечера напролет ныла, что отец есть отец, и родная кровь, и родителей не выбирают, и надо понимать, и надо прощать, и жалеть, и жизнь есть жизнь, и кто его знает, как оно дальше повернется...

Когда концентрация банальностей на кубический сантиметр воздуха превысила допустимую дозу, Полина сказала: «Он меня бросил. Как балласт сбросил, как ненужную ветошь. Бросил всю целиком, а теперь хочет вернуться и подобрать только приятные кусочки. Разговоры по душам, муси-пуси. Нет, тетя. Он сделал свой выбор, какие теперь претензии ко мне?»

Тетка малость поутихла, но продолжала проповедовать пользу таких добродетелей, как всепрощение и миролюбие.

У Полины хватало ума не спорить с нею. Отец ушел к другой женщине, когда Полина училась в пятом классе, и она очень надеялась, что папа заберет ее с собой. Жить с вечно недовольной мамой, каждое второе предложение начинавшей со слов «а вот другая бы...», совершенно не хотелось. Папа был, как не уставала повторять мама, безвольный и мягкотелый, тряпка, ничтожество. Да, может быть, но зато с ним всегда было весело и уютно.

Но мама ее не отдала, да и, наверное, новая жена отца не захотела себе новую обузу, в общем, Полина осталась со своей родительницей, у которой и так был тяжелый характер, и развод не сделал его легче.

В воскресенье девочка, как положено, пошла к отцу в новую семью, и у него было так хорошо, что вечером ей показалось, что он выбросил ее на холод, как надоевшего щенка. Он же знал, что ждет ее дома, и все равно отпустил. И этого предательства Полина не простила.

Вернувшись, она заявила, что отец больше ей не отец и она не желает его видеть, и впервые в жизни заслужила полное одобрение матери.

Друзья родителей, принявшие сторону мамы, тоже одобряли Полину, восхищались, «какая у тебя растет преданная дочка», и жали ей руку, как взрослой.

Тогда она была права, а теперь вот выясняется, что надо прощать. Родителей не выбирают, это да. А им кто тогда дал право выбирать детей, отбрасывать надоевшего ребенка? Папаша плевать на нее хотел, а теперь она должна о нем заботиться, потому что он, видите ли, стареет. Видите ли,

совесть ее потом замучает. Только когда она была ребенком, то тоже нуждалась в заботе, а получила фигу. И папина совесть спокойна, иначе бы он не донимал ее своими ностальгическими призывами.

Растолковывать эти очевидные вещи тетке было лень, поэтому Полина или гуляла допоздна, или врала о трудных экзаменах и вечера проводила в отведенной ей комнате, якобы готовясь.

Она думала, что забыла про Кирилла, но вдруг, когда она вышла к серой глыбе центрального телеграфа, появилось острое, до мурашек, желание позвонить ему. Прямо сейчас зайти в междугородний автомат и признаться в любви. Что она в конце концов теряет?

Она же нравилась ему, не могла не нравиться, просто он молодой отец и запрещает себе поддаваться соблазнам. Но против настоящей любви нельзя устоять.

Открыв кошелек, Полина обнаружила, что мелочи нет. Пошарила по карманам – тоже ноль, ни одной пятнадцатикопеечной монетки.

Можно разменять или заказать разговор у телефонистки, но будем считать, что не судьба.

Если бог предназначил им быть вместе, то он соединит их сам, когда придет время.

Вернувшись домой, она покосилась на модный плоский телефон цвета лютика, стоящий у тетки в коридоре. Можно и с него позвонить, просто оставить тетке рубль, да и все.

Полина сняла трубку и долго слушала монотонный гудок, пока он не сменился раздраженным прерывистым пиканием.

Нет, унижаться она еще не готова. И все-таки как было бы здорово прямо сейчас услышать, что он тоже ее любит и хочет быть с ней!

А исправить ее маленькую пакость ничего не стоит! Да, после ее разговора с Григорием Андреевичем у стихов Кирилла столько же шансов попасть в ленинградскую печать, как у книги Гитлера «Майн кампф», но пока она в Москве, можно договориться с местными. Ее послушают...

Полина легла на диван и немножко помечтала, как Кирилл понимает, что она – его половинка, и срывается за ней в Москву, и мерзнет возле входа в институт, а ее все нет, и тогда он спрашивает в деканате, где найти Полину Поплавскую, и все замирают от этой романтической истории...

Только в институте ее ждал сюрприз совсем другого рода. Полина приехала сдавать историческую грамматику, зная об этом предмете только то, что он нудный и трудный.

Принимала ассистент кафедры, модная молодая женщина, одетая с

броской элегантностью.

Полина подала ей зачетку, но женщина отложила ее в сторону и сказала:

– Тяните билет и идите готовьтесь.

Опешив от такой наглости, Полина подчинилась и села за парту, хоть смысла большого в этом и не было. Материала она не знала, а судя по заумным терминам в вопросах, это был не тот предмет, на котором можно выехать за счет хорошо подвешенного языка и общей эрудиции.

За полчаса выудив из глубин памяти жалкие обрывки знаний, она села отвечать.

Слушая ее бляение, преподавательница хмурилась и качала головой, и Полина не вытерпела, спросила:

– А вы вообще знаете, кто я?

Ассистентка засмеялась:

– Вопрос тут не в том, что знаю я, а в том, чего вы не знаете, – она захлопнула Полинину зачетку и подала ей, – через три дня жду вас на пересдаче.

Кипя от ярости, Полина еле добежала до ближайшей почты и позвонила Василию Матвеевичу. К счастью, он оказался дома, иначе ее, наверное, просто разорвало бы.

– Вы представляете, эта тварь посмела мне пару поставить! – закричала Полина.

– Успокойся, деточка, с кем не бывает, – мягко проговорил Василий Матвеевич. – Ты же умница, за три дня выучишь и сдашь, какая проблема?

– Нет, пусть эта сука знает, на кого можно тьявкать, а на кого нет! – бушевала Полина, не заботясь, что ее могут слышать через хлипкую дверь кабинки. – Она должна ко мне на карачках приползти с пятеркой в зубах! Только так, и никак иначе!

– Какая ты кровожадная, Полечка, – засмеялся Василий Матвеевич, – прямо страшно делается тебя слушать!

– Эта гнида ничтожная, плесень кафедральная будет тут еще передо мной выдываться! «Жду на пересдаче»! Как же, сейчас, шнурки поглажу и приду!

– Эк приложила! Ты все-таки настоящий мастер слова, Полечка, – засмеялся Василий Матвеевич. – Ну что страшного, не сориентировалась немножко девушка в обстановке... Может быть, завидует твоей славе, вот и подумала: а дай-ка я хоть слегка ущипну мировую знаменитость. Вдруг это у нее вообще будет самое яркое воспоминание в жизни, внукам станет рассказывать, как она не поставила зачет самой Поплавской. Не волнуйся, я

позвоню и все улажу, на пересдаче она тебе выведет «отлично». Только и ты поучи хоть немножко для блезиру.

– Нет, Василий Матвеевич, не на пересдаче, а завтра! И пусть извинится передо мной!

– За то, что ты ничего не знаешь?

– Пусть извинится, – с нажимом повторила Полина, – и так, чтобы я видела, что она знает, что если мне не понравится, как она извиняется, то она вылетит к чертям собачьим в свой Псков, или откуда там эта лимита взялась!

Василий Матвеевич вздохнул:

– Деточка моя, а тебе не кажется, что это слишком?

– Нет, Василий Матвеевич, мне так не кажется, – отчеканила она.

* * *

Время шло. Ирина, хоть и старалась есть поменьше, а ходить побольше (теперь она, гуляя с ребенком, не садилась на лавочку в скверике, а исправно наматывала круги), нисколько не худела, даже наоборот. Зато неизвестные девушки им больше не звонили, Кирилл приходил с работы вовремя и с энтузиазмом занимался детьми. Казалось, он счастлив, как и прежде, но Ирина чувствовала, что муж изменился. В чем выражалась эта перемена, она и сама затруднялась определить и сочинила поэтическую историю, что он влюбился в прекрасную даму и она ответила взаимностью, но в последний момент он решил остаться с семьей, а великое чувство конвертировать в не менее великую поэзию.

Улики у нее были не то чтобы косвенные, а вовсе даже не улики, но Ирина решила, что в целом версия стройная и правдоподобная. И почему бы такому не быть на самом деле? Если она хотела голубиной верности, так надо было выходить не за красавца-богатыря с тонкой душой, а за какого-нибудь сморчка. Но вот рискнула, что ж, теперь волнуйся и терпи.

Ирине не нравилась роль постылой жены, с которой живут из жалости, но так о своем позоре знает она одна, а разведется – узнает весь мир.

Занятая детьми и мужем, она почти забыла, что совсем еще недавно работала судьей городского суда, поэтому, когда вдруг позвонил председатель, она не сразу сообразила, кто это такой и что ему может быть от нее нужно. Павел Михайлович не стал ничего объяснять, а просто взял и сам себя пригласил в гости.

Положив трубку, Ирина заметалась по квартире. Как назло, она утром

разнежилась, повалялась с книгой, вместо того чтобы заняться полным тазиком детского белья. Если сейчас не постирать, до завтра может и не высохнуть, а надо еще квартиру вылизать и приготовить что-нибудь вкусненькое для гостя. Почему-то Ирине казалось, что председатель внимательнейшим образом осмотрит ее хату на предмет пылинок и соринки, чтобы потом поведать коллективу, какая же судья Мостовая, бывшая Полякова, грязнуля, лентяйка и неряха.

Конечно, это паранойя, председателю глубоко плевать, как она живет, но Ирина, оставив Володю играть в кроватке, истово драила кухню, чтоб, не дай бог, ни одного жирного пятнышка не осталось. Она знала, откуда ноги растут у этого страха. В детстве мама постоянно пугала, что кто-то придет и увидит, что у них с сестрой не убрано, – и тогда всё, станут они для этого кого-то конченными людьми. По ее тону становилось ясно, что лучше сразу умереть, чем упасть в чьих-то глазах. Если это не действовало, мама грозилась пойти в школу и там всем рассказать, что девочки совсем не такие хорошие, как притворяются перед одноклассниками и учителями, на самом деле они не помогают маме и живут в грязи.

Ирина понимала, что это пустые угрозы, но страх как-то укоренился и остался на всю жизнь. Она лучше повесится, чем приведет гостя в неубранную квартиру. А у сестры, наоборот, возникло такое стойкое отвращение к домашним делам, что она ползарплаты отдает соседке, чтобы та прибиралась у нее. Главное, сестра очень энергичная женщина, работает как лошадь, на полторы ставки, и еще вяжет на продажу так, что за ее свитерами очередь по полгода, а вот убирать не может.

Холодильник радовал пустотой. Нет, борщ и котлеты на месте, но не потчевать же этим председателя! Была бы хоть копченая колбаска, но увы...

Ладно, в углу валяется пачка маргарина, испечем печенье, заткнем им рот Павлу Михайловичу – и не сможет он клеветать, что у Ирины дома шаром кати.

Целый день Ирина не присела, устала как собака, на чем свет стоит проклинала председателя, но вечер неожиданно удался на славу.

Павел Михайлович пришел с букетом, погремушкой для Володи и томиком «Библиотеки приключений» для Егора, с порога заявил, что Ирина выглядит «роскошно», Егор «вымахал», ну а младенец, естественно, прелесть.

Неуклюже посюсюкал, но Ирина быстро повела его пить чай на кухню, извинившись, что из-за малыша не может принять в комнате.

Егор приглядывал за младшим братом, Кирилл, кажется, был рад

гостю, беседа текла оживленно, а вскоре оба мужчины и вовсе завелись по какому-то важнейшему международному вопросу, и Ирине, не разбиравшейся в политике, оставалось только подливать чаек и догадываться, зачем явился председатель. Не потому же, что у него острый дефицит общения, в самом-то деле!

Выяснилось это, только когда печенье было съедено и Павел Михайлович, заметив, что давно не проводил так хорошо время, откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел Ирине в глаза:

– А я ведь к вам по делу, Ирина Андреевна! Вы только сразу меня, пожалуйста, не выбрасывайте из окна.

– Хорошо, не будем.

– Дослушайте до конца, ибо положение безвыходное.

– Павел Михайлович, я сделаю все, что в моих силах.

– Ирина Андреевна, вы не могли бы выйти на работу? Не навсегда! На чуть-чуть! Недели на две, максимум на месяц!

– Нет, как это... – опешила Ирина, – вы же сами видите...

– Да, конечно! Но я все сделаю, проведу приказом, выпишу премию двойную!

– Пятерную, – хмыкнул Кирилл.

– Да какую скажете!

– А ребенок?

– Могу в лучших яслях договориться...

Ирина покачала головой.

Павел Михайлович тяжело вздохнул и сказал, что тогда придется вообще остановить отправление советского правосудия в отдельно взятом городе Ленинграде. Ситуация выглядела действительно катастрофически. Одна судья, ровесница Ирины, тоже готовилась в декрет, ветеран Малышев пару месяцев назад подцепил у кого-то из своих подсудимых туберкулез и теперь проходил длительное лечение, но это было еще не критично. Беда подступила, когда два наиболее работоспособных члена коллектива, неразлучные друзья Иванов и Табидзе, решили отправиться на зимнюю рыбалку, их закрутило на скользкой дороге, и в результате оба сейчас находились в Институте скорой помощи. Врачи их спасли, но восстанавливаться оба будут очень долго. Председатель выдержал и этот удар, призвал уцелевших товарищей крепить оборону, справедливо распределял нагрузку, не забывая и себя, и надеялся продержаться до выхода Табидзе, который пострадал меньше Иванова.

Но тут судьба нанесла ему новый удар. Судья Демидова получила известие из Института Бакулева, что подошла ее очередь на операцию. Не

отпускать старушку было бы просто бесчеловечно, она ждала этой очереди несколько лет.

Институт Бакулева слишком солидное учреждение, чтобы там можно было договориться о переносе сроков операции. Не хочешь сейчас – иди на все четыре стороны.

Демидову надо отпускать, но тогда, чтобы не парализовать работу городского суда, надо брать кого-то на временную ставку.

– А вы сами знаете, дорогая Ирина Андреевна, что нет ничего более постоянного... Придет какая-нибудь лиса из сказки про ледяную избушку, и все. Демидова вернется здоровенькая, а ей бац! Иди-ка ты, бабушка, на заслуженный отдых!

Ирина покачала головой. Она знала Демидову еще со студенческих времен и считала ее своей наставницей. По-настоящему мудрая и опытная женщина, такого специалиста нельзя терять. Да и для нее самой работа – это все. Муж погиб на войне, детей не было... Для нее пенсия – это смерть.

– А если хорошего человека?

Председатель поморщился:

– Да хоть святого! Сами знаете, должность соблазнительная, чего только не сделаешь, чтобы ее занять! Ирина Андреевна, солнышко вы мое, ну хоть на пару неделек! А там кто-то из них выпишется.

– А не проще выездные заседания в Институте скорой помощи организовать? – буркнула Ирина. – Иванову с Табидзе все равно делать нечего, пусть судят себе помаленьку без отрыва от больничной койки.

– Очень остроумно.

– Но ваше предложение, простите, не намного лучше. Или вы хотите, чтобы я выносила расстрельный приговор, кормя грудью?

– Что вы, Ирочка! – Павел Михайлович замахал руками. – Никаких расстрелов! Лично вам дела буду подбирать самые конфетки!

– Знаем мы ваши конфеты. Павел Михайлович, я все понимаю и очень сочувствую, только у меня сейчас на первом месте ребенок. Я не могу, просто не имею права рисковать его жизнью и здоровьем даже ради очень благой цели.

Кирилл, до этого молча пивший чай, вдруг откашлялся.

– А когда ваша бабуля уезжает на операцию? – вдруг спросил он.

– Через три недели.

– Хорошо, – Кирилл улыбнулся, – я могу взять отпуск и дать жене немного поработать.

– Ты? – изумилась Ирина.

– А у тебя есть еще мужья?

– Но ты же отгулял.

– Возьму за свой счет, ничего страшного. Деньги у нас пока есть.

– Кирилл Вениаминович, есть совершенно законные способы отцу сидеть с маленьким ребенком, – воодушевился председатель, – я вам объясню, как все грамотно оформить, так что вы ничего в деньгах не потеряете.

– Подождите, подождите! Как это ты будешь сидеть? Во-первых, тебя на заводе не отпустят.

Кирилл приосанился:

– Я специалист такого уровня, что сделаю все, как я скажу. Иначе я уволюсь и перейду на Кировский завод, куда меня давно переманивают. Ира, ну что делать, если надо? Если без тебя вот прямо вот никак?

– Никак, никак, – быстро подтвердил председатель.

– Но я же кормлю еще.

– Станешь сцезивать, а в обед я тебе буду Володьку привозить.

– В суд, к уголовникам. Очень мило.

– Ну ты тогда приезжай. Попросим, чтобы тебе перерыв на обед подольше сделали.

Ирина подумала, что в принципе и за час успеет обернуться, ведь квартира Кирилла ближе к суду, чем ее старое жилье.

Она наполнила чайник и подожгла под ним газ. Кирилл зря озвучил свою готовность помочь. Все, путь к отступлению отрезан. Теперь председатель будет вести себя как отец Федор у инженера Брунса, то есть не уйдет, пока не добьется своего.

– Кирилл, но ребенок должен быть с матерью, – проямлила она.

Муж пожал плечами:

– Знаешь, Ир, когда критическая ситуация, надо думать не кто что должен, а кто что может. Я могу тебя подменить, и даже без особого напряжения.

Ирина нахмурилась. Ей с трудом верилось, что через три недели она сможет вынырнуть из этого моря ползунков и сосок, но тогда в него с головой погрузится Кирилл. Как знать, не станет ли это последней каплей в чаше романтики их отношений? Мужчины ой как не любят превращаться в домохозяек.

– Ир, ты боишься, что я не справлюсь?

Она энергично покачала головой:

– Господи, конечно, нет! В смысле, не боюсь. Ты отличный отец.

– Ну и все.

– И ты согласишься ради... Черт, даже не ради меня, а в интересах

моего коллектива?

– Ну да. Кстати, чтобы вам мой нимб глаза не резал, скажу, что я тоже не внакладе. Курсовиком хоть займусь.

– Ну-ну, – хмыкнула Ирина, – флаг тебе в руки.

– А что?

– Я вижу, ты просто не представляешь себе пока, на что подписался.

* * *

Упросив акушера-гинеколога подстраховать себя без надежды на ответную услугу (роды Семен принимать не умел и боялся), он съездил в Ленинград за своим железным конем.

Встреча с сестрой оставила тягостное впечатление, Лариса, казалось, совсем примирилась с потерей и жила как раньше.

Эти пару часов, на которые ему удалось вырваться, Семену хотелось говорить о маме, перебирать детские воспоминания, рассказывать Зине, какой была ее бабушка, когда девочки еще не было на свете.

Он настроился на грустный, чуть сентиментальный вечер, но Зина уехала на съемки, а Лариса сразу завела разговор о комнате, потому что нельзя, чтобы она пропала. Семен пожал плечами.

Устраиваясь на работу в деревню, он счастливо обошел этот скользкий момент. Полагалось прописаться на новом месте, то есть автоматически потерять ленинградскую прописку, которая сохранялась только при выезде на Крайний Север и приравненные к нему районы. Однако в деревне так мечтали заполучить нового хирурга, что выделили ему одну из пустующих изб, в которых в отличие от специалистов недостатка не наблюдалось. Заселяйся в любую и живи.

Семен иногда ощущал, что это надо как-то уладить по закону, потому что казалось, что мама вечна и всегда будет ждать его в их комнате, и он ничего не оформлял скорее от безалаберности, чем из прагматизма.

Теперь он прописан в этой комнате один, и ушлые соседи мигом составят акт о непроживании, опровергнуть который будет очень трудно, и Семен оглянуться не успеет, как его комнату займут, да еще и навесят ему какое-нибудь несоблюдение паспортного режима.

Надо срочнейшим образом искать ему работу в Ленинграде, а пока Лариса поживет сама, чтобы у соседей не загорались глаза от вида пустующего помещения.

Семен сказал, что сам не в восторге от своей пасторали, но в

Ленинграде шансов у него нет. Никому неохота связываться с человеком, ухитрившимся вылететь из аспирантуры. От такого можно ждать любого подвоха. Лариса обещала поговорить с Пахомовым.

– Он для тебя прямо как золотая рыбка, – хмыкнул Семен.

– А что? Надо пользоваться, пока есть возможность! Или у тебя много влиятельных знакомых в жизни было?

Он покачал головой.

– Вот и у меня нет. Все своим лбом пробивали, так если судьба раз в жизни подкинула козырь, надо брать.

Возразить на это было нечего. Он только сказал, что у сказки про золотую рыбку не очень счастливый конец, поэтому злоупотреблять расположением Пахомова не стоит.

Лариса засмеялась. Что-что, а чувство собственного достоинства у нее имеется, и оно подсказывает, что никакой не грех попросить за родного брата.

– А вообще, – она таинственно закатила глаза, – за мной ухаживает директор картины, а это, конечно, не та фигура, что Пахомов, но тоже ничего.

– Прямо ухаживает?

Она кивнула.

Семена покорило, что сестра думает о любви и о всяких житейских делах, когда еще не прошло сорока дней после смерти мамы, и он нарочно не стал расспрашивать.

А Лариса как ни в чем не бывало рассуждала, какие драгоценности мамы возьмет себе, а какие оставит для его будущей жены, и как он думает, мамину каракулеву шубу есть еще смысл отдавать на переделку, и что может получиться, манто для нее или только девичий полушубочек для Зины. Сейчас очень модно полушубки, но все-таки каракуль не для девочки, это мех генеральских жен.

– Ты тоже не генеральская жена, – буркнул Семен.

– Что нет, то нет.

Они не поссорились, но расстались прохладно. Лариса заявила, что он бы не развалился нормально поблагодарить ее за машину, он упрекнул сестру в равнодушии, она парировала, что кислая рожа – это еще не скорбь.

Удовольствие от обладания колесами было испорчено, Семен ехал, не сильно радуясь, что впервые за долгое время сидит за рулем, да еще и такого серьезного аппарата.

Добравшись до дому, с непривычки едва не завязнув на разбитой дороге, он заглянул к Эдмундычу – обмыть машинку чаем, но тот как раз

развязался и пребывал в совершенно непотребном состоянии.

Ночью у бедняги заболел живот, он дотерпел до утра, и в восемь жена буквально на руках притащила его в приемное отделение.

Семен назначил капельницу, целый день караулил приятеля, а после работы собрался к Галине Михайловне поговорить о ее непутевом супруге. Ситуация сложилась довольно щекотливая. В этот раз, к счастью или к сожалению, измученная поджелудочная не позволила участковому допить до белой горячки, но долго этот орган антиалкогольную оборону держать не может. Либо Эдмундыч помрет от острого панкреонекроза, либо поджелудочная железа тихо отомрет, кальцифицируется и уже не станет подавать болевые сигналы. Эдмундыч совсем перестанет просыхать и вслед за железой отомрет весь целиком от цирроза или миокардита. А может, и не доживет до этих благородных диагнозов, ведь среди местных мужиков наиболее популярны два вида смерти: «пошел за водкой, провалился в сугроб и замерз» и «по пьяни повесился в сарае».

Сейчас он покрывает алкоголизм Эдмундыча, чтобы того не выперли из милиции, но не медвежья ли это услуга? Бедняга не просто пьет, а реально болен, причем в такой стадии, когда на одних морально-волевых качествах уже не выкарабкаешься. Ему нужна помощь специалиста. Только как это осуществить практически? Можно позвонить в местную психушку, описать ситуацию, и Эдмундыча примут с распростертыми объятиями, только это ничего не даст, кроме увольнения из органов, а работа хоть как-то удерживает его личность от полного растворения в водке. Надо искать какого-то нормального нарколога, но у наркологов как – если неофициально, то платно, и очень платно.

Это только кажется, что у них простая работа. Всего делов – вшить торпеду, закормить таблетками или при остром запое поставить капельницу. Только как избавить человека от мучительной зависимости, которой он сам не рад, но не имеет сил сопротивляться? Это трудная и тонкая работа, и специалистов таких мало, но если в принципе возможно вылечиться от алкоголизма, то Эдмундычу надо дать этот шанс.

Заодно Семен хотел позвонить сестре и попросить прощения за свою резкость. Фальцман знал за собою эту черту: он физически страдал, когда ссорился с кем-то из близких, и шел мириться первым, даже если чувствовал, что кругом прав.

Ларка тоже не умела долго дуться, и они поговорили очень душевно, несмотря на плохую связь.

Повесив трубку, Семен заглянул к хозяйке, деликатно оставившей его одного.

Галина Михайловна сидела перед стареньким черно-белым телевизором, на экране которого шли широкие мутные полосы, но сквозь них можно было разглядеть силуэт диктора. Звук был ничего, и Семен довольно быстро понял, что это «Кинопанорама» и речь идет как раз о творческих успехах режиссера Пахомова.

Галина Михайловна хотела выключить, но он махнул рукой, мол, давайте послушаем.

– Вам нравятся его картины? – спросила она сухо.

Семен пожал плечами.

– Кино хорошее, но у меня личный интерес.

– Надо же...

– Да, моя племянница снимается в его новом фильме.

Галина Ивановна тяжело поднялась из кресла:

– Давайте, доктор, я вам чаю налью.

* * *

От исполнения супружеского долга больше нельзя было уклоняться. Ольга терпела, стиснув зубы и сжав до боли кулаки, и удивлялась, как это муж не чувствует ее отвращения. Раньше она любила заниматься любовью, и хоть не достигала того пика наслаждения, о котором по страшному секрету шептались подружки, ей нравился сам процесс.

Муж всегда был деликатным любовником, а теперь стал еще ласковее и нежнее, только ей казалось всякий раз, будто она снова на том злосчастном пляже и снова ее насилуют хулиганы.

Горло сжималось от ужаса и стыда, но надо терпеть. Муж не может отказаться от своих потребностей, и, главное, без этого никак не получится ребенок, а они же хотят ребенка больше всего на свете. Они оба здоровы, просто пока не получалось, но главное, не терять надежды, и все будет хорошо. Родится малыш, и все наладится, старые страхи утонут в новых заботах, и Боря будет отличным отцом.

Женщина меняется после беременности и родов, так что все ее нынешние, как говорит мама, закидоны отпадут, как змеиная кожа, и она станет счастливой.

Поэтому надо терпеть.

На днях Ольга заметила, что у нее появился нервный тик, или как там это называется по-научному. Вдруг начинала подергиваться верхняя губа, а потом так же внезапно переставала. В зеркале это было практически

незаметно, и Ольга решила, что это происходит оттого, что она слишком сильно сжимает рот во время секса. Но иначе не получалось.

Борис ликовал, что они наконец преодолели это, как он выражался, «наше обстоятельство» и зажили полноценной жизнью, но Ольга чувствовала, что с каждым днем становится тяжелее. Не хуже, не больнее, нет. И хулиганов она уже не так ненавидела, и мужа простила, только все труднее становилось вставать по утрам, все с меньшим желанием она бежала утром на работу, а вечером ноги совсем не несли ее домой. Не хотелось ничего.

Ольга терпеть не могла болеть, а сейчас обрадовалась легкой простуде, взяла больничный и почти неделю пролежала пластом в кровати, вяло перелистывая книгу. Она радовалась, что высокая температура немного дурманит ум, искажает реальность, и думала, что было бы неплохо остаться в гриппе навсегда.

Хорошо, что они живут с мамой, которая не даст раскиснуть окончательно, а иначе страшно подумать...

Возникло такое чувство, что она существует словно под водой, плавает в ней, ни на что не может толком опереться, а другие люди видят только слабую ее тень, и она тоже едва различает их смутные силуэты. Есть такое выражение – «как в воду опущенная», будто специально для нее придумано.

Только ребенок сможет спасти ее из этого полусна-полусмерти, но беременность все не наступала.

На службе заметили ее состояние. Коллектив в основном мужской, поэтому дух царит строгий, уважительный, не особенно принято лезть друг другу в душу, но она, очевидно, была так плоха, что даже прокурор поинтересовался, не случилось ли с ней чего и не требуется ли помощь.

Прокурор был человек хороший, ему не хотелось врать, что все в порядке, и Ольга призналась, что переживает из-за того, что никак не забеременеет. Прокурор сочувственно покачал головой и как бы в пространство заметил, что в критической ситуации можно выйти не только через дверь, но и в окно.

Ольга улыбнулась. Дамы-сослуживицы тоже считали, что ради дела не грех, а муж никогда ничего не узнает хотя бы потому, что не захочет знать, и даже советовали ей того или другого коллегу в качестве самца-производителя, и до «нашего обстоятельства» Ольга не то чтобы всерьез задумывалась об измене, но держала ее про запас, как огнетушитель.

Теперь мысль о том, чтобы пережить прикосновения чужого мужчины, вызывала в ней физическое недомогание.

...Муж наконец отпустил ее. Ольга осталась лежать, чтобы увеличить шансы оплодотворения.

Борис улыбнулся и поцеловал ее в щеку неприятно влажными губами, зашептал, как ему с ней хорошо, а Ольге хотелось только одного – чтобы он поскорее шел курить.

А ведь есть же еще один прекрасный выход, вдруг озарило ее. Можно просто развестись.

Надо признать, что муж сделался ей противен, и развестись. И неважно, мог он на пляже поступить иначе или не мог, прав или виноват, простила она его или не простила. Это неважно. Бывает, люди разводятся просто так, без веских причин, лишь потому, что надоели друг другу. Женщина теряет в глазах мужа привлекательность, и все. И пошла отсюда вон. При этом его не тошнит, не выворачивает наизнанку от ужаса от ее прикосновений, ничего подобного. Просто не так с ней приятно стало, как раньше. Морщины высыпали, фигура погрузнела – этого достаточно, чтобы бросить старую жену и взять молодую. Общество за это, конечно, порицает, но не так чтобы прямо позор-позор.

Ольга вздохнула, повернулась поудобнее. Нет, мама ее со свету сживет, если она только заикнется о разводе.

Надо рожать во что бы то ни стало, а пока заняться работой. Она же умная, эрудированная, энергичная, то есть перспективная, но она такая не одна. Сколько еще ей позволят изображать из себя вареную макаронину, прежде чем задвинут на задний план?

Каждый за себя, и нянчиться с ней никто не станет.

И что в итоге? Постылый брак без детей и такая же постылая работа? Нет, надо преуспеть хоть в чем-то.

Необходимо взять себя в руки, завтра накраситься поярче, уложить волосы и попросить у прокурора какое-нибудь интересное дело, чтобы он увидел, как у нее горят глаза и что она рвется в бой.

* * *

Вернувшись с сессии домой, Полина затосковала по Кириллу с новой силой.

Она тяжело переживала крушение своих надежд. Подруг у нее не было, с мамой делиться абсурдно, и она проводила дни в полном одиночестве.

Она не включала телевизор, не читала газет, жила как на необитаемом острове, погрузившись в воображаемый мир, где они с Кириллом вместе. Чтобы не разрушать иллюзий, она уходила из дому в те часы, когда Зоя прибиралась. Сталкиваться с грубой домработницей и слушать народные мудрости было выше ее сил.

Иногда она покупала билет в кино, но от этого было только хуже. Чужие фантазии вырывали из собственных, но ни на секунду не давали забыть, что она не возлюбленная Кирилла и никогда ею не станет.

Так в грезах и отчаянии прошло недели три, пока в одно прекрасное утро Полина не проснулась будто от толчка. Привычные звуки приятно будоражили, в окно било яркое, почти весеннее солнце, и, потянувшись в постели, она включила магнитофон, уже не помня, какую кассету там оставила. Аль Бано и Ромина пропели «Феличита», что по русски означает «счастье».

– Вот именно, – мрачно сказала Полина и спустила ноги с кровати.

Хватит страдать! Главное, она наказала его, справедливость восторжествовала, и можно жить дальше.

Полина усмехнулась. Все-таки как хорошо, когда ты что-то собой представляешь и способна ответить ударом на удар. Вот в чем настоящее счастье, в возмездии, а не в колбасе и импортных шмотках.

Она вспомнила, как подобострастно улыбалась ей та преподша исторической грамматики, выводя «отлично», как бляяла: «Полина Александровна, мы с вами вчера просто не поняли друг друга», и в груди разлилась приятная теплота.

Вчера суровая принципиальная училка, а сегодня ползает у тебя в ногах – разве что-то может сравниться с этим чувством торжества?

Хорошо бы и Кирилла заставить пресмыкаться, только пока неясно как. Может быть, сделаться главредом? А почему бы, собственно, и нет? Как выражается советская интеллигенция, пуркуа бы и не па? Год доучится, а там Василий Матвеевич все устроит.

Вполне реально. Она – главная поэтесса Советского Союза... Ну да, есть еще разные бабуськи-стихоплетки, коммунистические мумии, а она – прогрессивная и молодая. Любому журналу пойдет на пользу, если она его возглавит. Давно отошла в прошлое мода на самозабвенных коммунистов, руководство страны хоть и старое, но понимает, что эпилептическими припадками с розовыми пузырями на губах никого не вдохновить. В моде другие герои – сложные, сомневающиеся, даже слегка прибитые пыльным мешком. Странный мальчик из «Доживем до понедельника» вырос в «Того самого Мюнхгаузена», вместо того чтобы просто жить и действовать по

обстановке, прозревает тайный смысл и создает всем кучу проблем ради... да ради ничего! Что ж, она как раз такая, и протеста в ней ровно столько, сколько нужно.

Полина засмеялась, представив, как обрадуются ее назначению все завистники, а особенно те, кто имел наглость что-то вякать против ее творчества. Прецедент-то есть, чтобы люди понимали – миловать и прощать она никого не станет.

Идея стать главным редактором толстого журнала пришлась ей по душе, и она решила обсудить ее с Василием Матвеевичем, чтобы уже сейчас начинал готовить почву.

Умывшись и позавтракав двумя яблоками, Полина протянула руку к телефону, но передумала. Пусть человек отдохнет, наглеть тоже не надо.

Она села за письменный стол и положила перед собой лист бумаги. Хотела что-нибудь написать, но унеслась в своих мечтах в кабинет Григория Андреевича и представила, как сидит за его столом. «Попробуйте убедить меня в том, что это стоит напечатать». Или «сомневаюсь, что ваше творчество будет интересно кому-нибудь, кроме вашей мамы».

Василий Матвеевич считает, что она мстительная, просто внучка графа Монте-Кристо. Упрекнул, когда началась эта чехарда с Натальей Моисеевной. Целую проповедь прочитал, ах, надо прощать, надо быть терпимее. А как хорошо она ему тогда ответила! Вспомнив, Полина засмеялась от удовольствия. «Василий Матвеевич, во-первых, есть месть и есть возмездие, а во-вторых, сами выбирайте: или я мщу с вашей помощью, или я мщу вам». Сразу все христианские позывы как ветром сдуло.

Лист бумаги раздражал своей девственной белизной, и Полина написала на нем нехорошее слово.

Как жаль, что нельзя позвонить своему покровителю и потребовать Кирилла! Отличный ультиматум: «Или вы делаете так, чтобы Мостовой стал моим, или сами знаете, что будет». Что ж, это нереально, но хорошенько попортить жизнь ему и его суке – почему бы и нет? Возможности-то имеются. Она постаралась, распустила нужный слух, но это шито на живую нитку, а вот если подключится Василий Матвеевич, то стихи Кирилла точно не выйдут в свет никогда и ни при каких обстоятельствах. Он трудится на заводе, так что тут очень трудно сделать хуже, чем есть. Полина презрительно сжала губки. Трудно, но возможно. И жене можно устроить такую жизнь, что семейное счастье покажется не в радость.

Прощать надо, видите ли. Ага, сейчас!

Немного еще посидев в ожидании рифмы, Полина вдруг спохватилась,

что ей давно никто не звонил, между тем нерешенных рабочих вопросов выше крыши. Обложку авторского сборника давно пора согласовать, да и в журнале тоже нужно было кое-что обсудить. Последнюю редактуру она еще не видела, кажется.

Полина нахмурилась. Да, точно, не видела, а после Натальи Моисеевны тетки строго блюдут это дело. Никому не хочется получать головомойку. Неужели забыли?

Решив, что надо давать людям шанс, Полина потянулась к телефону.

– Это Полина Поплавская, – сказала она.

Обычно вслед за этими словами трубка разражалась восторженными воплями, но сейчас в ней сухо молчали. Новенькая, что ли? Взяли на должность редактора дремучую бабу из колхоза, которая не знает, кто такая Поплавская?

– Ирму Борисовну позовите, пожалуйста.

В телефоне хмыкнули, и сразу раздался характерный стук, как бывает, когда трубку кладут на твердую поверхность.

– Ирмуня, тебя Макака спрашивает, – услышала Полина и пошатнулась от изумления.

«Скажи, что меня нет!» – ответила редакторша со своего места, но слышно было отчетливо. «А что так?» – «Да по телефону не то удовольствие». – «И то правда». Снова послышалось дружное хихиканье, а вслед за ним голос Ирмы Борисовны: «Скажем, когда придет, а пока пусть наша любимая Макака еще покачается на своей пальме».

Трубку снова взяли:

– Ирмы Борисовны нет на месте, – сухо сказал голос, который Полина от бешенства была не в состоянии идентифицировать. – Позвоните позже.

Перед тем как полетели в ухо короткие гудки, Полина услышала дружный редакторский смех.

Она вскочила и заметалась по квартире. Макака! Ну ладно, она сейчас позвонит Василию Матвеевичу, и он им покажет такую макаку, что они не опомнятся до конца жизни! Или нет. Пусть эти жирные дуры порадуются, поржут еще, повизжат, как чайки над помойкой. А она потом посмеется, последней.

* * *

Аргументов за и против того, чтобы выйти на работу, было много, но Ирина стеснялась самой себе признаться, что главное, почему она

склонялась к «против», это нежелание показаться коллегам в своем нынешнем утолщенном виде. Хотя и коллег-то почти не осталось в строю, но основные красотки на месте, и злорадству их не будет предела, когда они увидят бесформенный колобок вместо изящной дамы.

Это представлялось Ирине таким позором, что она отнекивалась до последнего и даже ущипнула Кирилла за ногу, чтобы заткнулся, но он только повторял, что будет очень рад посидеть с детьми и помочь торжеству справедливости хотя бы косвенным образом. Вот и получилось, что отказаться от предложения Павла Михайловича значило выставить себя вздорной стервой, которой плевать на все, кроме своих прихотей.

Накормив Володю, Ирина распахнула шкаф и задумчиво уставилась в его глубины. Старинные дверцы мерно поскрипывали, чуть слышно пахло нафталином и сухим деревом. Платья печально свисали с плечиков, будто намекали, что больше ничем не в состоянии помочь своей хозяйке. Ирина всегда любила облегчающие модели, самонадеянная дурочка.

Ни на что не надеясь, она перебрала вешалки. Нет, нигде нельзя ничего распустить и надставить, придется идти в черных трикотажных брюках, которые ей когда-то сестра привезла из ГДР, и в единственной просторной вещи – мохеровом свитере. Господи, она и так потеет из-за лактации, а в свитере вообще ужас будет. Тут взгляд упал на половину Кирилла, и Ирина вспомнила, как слышала на детской площадке, что прогрессивные женщины делают из сорочек мужей элегантные блузки. Отрезают обшлага рукавов, воротник, оставляя что-то похожее на стоечку, и пожалуйста вам дивная красота, можно так носить, а можно и навывпуск с тонким пояском, а что застежка на мужскую сторону – так это только придает пикантности.

Ирина примерила сорочку Кирилла. Да, до размеров мужа ей еще толстеть и толстеть, не дай бог, конечно. Этот аварийный вариант не годится, так что же делать?

Казалось бы, все просто – если нет в гардеробе подходящей вещи, надо ее купить. Но это для слабаков с гнилого Запада, а у нас жизнь – борьба.

В залах универмагов годами пылится никому не нужное убожество. Или фасон жуткий, или цвет, или фактура ткани такая, что начинаешь чесаться и потеть, только взяв вещь в руки, или сшито криво, а чаще всего все эти параметры счастливо совпадают.

За чем-то приличным приходится стоять километровые очереди или доставать у нужных людей. Знакомствами с работниками торговли стремились обзавестись все, а Ирина стеснялась. Во-первых, лицемерить неловко вообще, а когда твой объект прекрасно понимает, ради чего ты

перед ним расстилаешься, вдвойне противно. Но главное, она судья и должна быть свободной в своих решениях, а это не так просто, когда ты попал в паутину нужных знакомств. Сегодня тебе по дружбе сделали импортную стенку, а завтра попросят оправдать или назначить слишком мягкое наказание. А как же иначе, ведь первое правило дружбы – это взаимовыручка.

Ирина усмехнулась. Почему-то правило «ты мне – я тебе» объявлено мещанским, его высмеивают в фильмах, фельетонах и даже мультиках с незатейливой моралью: «Надо быть бескорыстным». И как бы особо и не возразишь, конечно, надо. Только игра в одни ворота тоже не должна вестись. Еще Пушкин говорил, что нет ничего безвкуснее долготерпения и самоотверженности.

А у нас хоть Пушкин и наше все, два этих качества возведены в ранг величайших добродетелей. Если дружба, то отдай последнюю рубашку, если любовь – то под ноги ляг, чтобы другому мягко ходить было, ну и работать ты должен ради людей, естественно. Есть такое слово – призвание, если кто не в курсе.

Попробуй отступи от этой модели, и сразу ты эгоист, мещанин и торгаш, пьешь чай из блюдечка и живешь низменными интересами.

Ирина сама долго не понимала, как правильно. На работе всегда выручала, разбирала трудные дела, помогала коллегам найти правильное решение, а после никто даже не вспоминал о ее вкладе. Будто и не она придумала изящный выход.

Сидела с чужими детьми, устраивала чужих родственников в больницы и хорошие школы, одалживала деньги – словом, выручала. Сама просить не любила, но когда пришлось, то реальность оказалась немножко не той, как она ожидала. Выяснилось, что слово «нет» произносится людьми очень легко и непреодолимых препятствий, оказывается, очень много.

На переезд им с Кириллом никто денег не одолжил, в хороший роддом тоже не устроили, ту кровать, которую она хотела, не отдали, в общем, знакомые решили, что раз она и так хороший человек и всегда выручает, то ради нее можно не напрягаться.

Ирина страшно разозлилась тогда, особенно из-за кровати. Ведь она же подарила этим людям на рождение ребенка целых двадцать пять рублей, потому что знала об их трудном материальном положении, а они теперь жалеют ей им самим ставшую ненужной кровать, купленную на те самые деньги!

Злость была острой и мучительной. Но тут в голове что-то щелкнуло,

и Ирина поняла, что то был подарок, а не вложения. Она хотела сделать приятное людям и радовалась их радости, и все, тема закрыта. Про тот четвертной надо забыть и не ждать на него никаких дивидендов, а то, что эти люди превратились в последних жлобов, жалеющих кровати для лучших подруг, это их личное дело, и нечего обижаться и тем более судить.

Свои деньги, усилия и чувства – все это надо дарить, а не вкладывать. Сделал и забудь, не жди награды. Только помни, что дар – это когда ты даешь то, чем сам хочешь поделиться, а не то, что вырвали у тебя силой.

Любишь человека – приласкай его, обними, утешь, накорми и попарь в баньке, но потому, что тебе это хочется для него сделать, а не в мрачной надежде, что благодаря твоим танцам вокруг него он изменится и станет таким, как ты хочешь.

Нравится работа – трудись, решай непростые задачи, сиди допоздна, но когда этого требует душа, когда распирает от азарта. Например, врач. Он может сказать себе – я гуманист и подвижник, поэтому буду всю ночь стоять по колено в крови у операционного стола, и спасенная жизнь будет мне наградой. Но общество не может ничего требовать от него, когда у врача кончилось рабочее время. Не имеет права оно сказать: «Ты гуманист и подвижник, поэтому топай к операционному столу, а наградой тебе будет спасенная жизнь». Только одно может общество – заплатить врачу огромные сверхурочные, чтобы у него оставался стимул при необходимости задержаться на работе, если вдруг моральные устои резко упадут.

Ирина улыбнулась. Хорошо, что вспомнилось это правило: или дари, или не давай. С ним ситуация становится попроще. Хочется ей выручить коллектив? О да! Хочется обеспечить Демидовой душевное спокойствие, чтобы она лечилась, зная, что никто ее не подсидит? Безусловно. Строго говоря, это получится как раз не дарить, а отплатить за науку.

А хочется ли ей снова разбирать сложные дела? Стыдно признаться, но да. Кормящая мать, надо думать исключительно о ребенке, а ей вот прямо не терпится нырнуть в хитросплетения доказательств.

А Кирилл? Любит ли он жену и детей? Наверное, да, что бы там она себе ни придумывала, и согласился просто потому, что хочет подарить возможность супруге вернуться к любимому делу и поддержать коллектив.

Что ж, кто хочет дарить, должен уметь и принимать дары, а не бояться, как всполошенная курица, что Кириллу быстро надоеет, с половником в руках он почувствует себя униженным и морально кастрированным, психанет и уйдет к другой женщине.

Распахнутые дверцы шкафа заскрипели сильнее, и Ирина поспешно

закрыла его.

Ладно, минутка эзотерики – это хорошо, но проблему «что надеть» не решает. За оставшиеся до выхода на работу две недели нужно или срочно похудеть, что нереально, или ехать в Гостиный Двор и брать там наименее ужасный ужас. Если вдруг выкинут что-то приличное, стояние в очереди будет продолжаться дольше, чем перерыв между кормлениями, и она не успеет.

Как жаль... Председатель обещал расписать ей дело об убийстве знаменитого кинорежиссера Пахомова, которое следователь готовил к передаче в суд стахановскими методами, чтобы умаслить возмущенную творческую интеллигенцию.

Дело ясное, без подводных камней, с чистосердечным признанием. Учитывая, что потерпевший был звездой мировой величины, к его гибели проявили интерес не только советские люди, но и международная общественность, в прокуратуре работали просто на износ, стремясь поскорее привлечь к ответственности негодяя, выбившего из-под советской культуры одного из ее самых прочных столпов.

Пахомов был, что называется, живой классик, обласканный властями лауреат Государственной премии, Герой Соцтруда, орденосец, член КПСС, депутат Верховного Совета, словом, крупная фигура, которая должна отойти в мир иной «после долгой и продолжительной болезни» в окружении родных и близких и плеяды учеников, а не глупо погибнуть в пьяной драке.

Несмотря на близость к правящей верхушке, Пахомов снимал не какие-то безжизненные агитки, а по-настоящему хорошие и глубокие фильмы, которые получали призы на международных кинофестивалях и становились популярны за рубежом.

Ирине нравилось, что он не только не прогибался перед властью, но и не заискивал перед народом, не ерничал в своих фильмах насчет беспросветной жизни совка, не использовал любимый художественный прием творческой интеллигенции – фиги в карманах.

Правда, Кириллу с его тонким взыскательным вкусом фильмы Пахомова не нравились. Ему вообще трудно было угодить, а Ирина, всегда считавшая себя культурной женщиной, рядом с мужем выглядела какой-то примитивной особой без духовных запросов.

Перед самыми родами они с Кириллом вдруг спохватились, что сто лет не были в кино, и надо срочно идти, потому что потом неизвестно когда получится. Егор отпустил их, невероятно гордый, что ему доверили остаться дома одному. Поехали на Невский, там между Аничковым мостом

и площадью Восстания почти в каждой подворотне кинотеатр, и хоть в одном обязательно идет что-то интересное.

Ирина затормозила у «Художественного», где как раз крутили премьеру двухсерийки Пахомова, но Кирилл вдруг заартачился. Видите ли, в фильмах этого режиссера чувствуется какая-то червоточина, и после просмотра ему всегда делается тоскливо и гадко. Ирина тогда постеснялась признаться, что а ей вот нет, не делается, и в итоге они отправились на какую-то легкую и удивительно пустую для советского фильма комедию, пару раз посмеялись, но на этом все. Ну хоть в фойе мороженого поели, и на том спасибо.

Пожалуй, среди ее знакомых Кирилл был один такой придиричивый, да и не только среди знакомых. Когда по телику показывали фильмы Пахомова, улицы пустели. Люди искренне его любили, и это как раз тот случай, когда смерть известного человека становится как будто личной утратой.

Он столько раз с помощью своих фильмов приносил в твой дом радость и грусть, подсказывал, где правда, наставлял, утешал, давал надежду на лучшее... Разве можно остаться равнодушным к тому, что его больше нет?

Увы, нельзя, и ей непросто будет судить убийцу Пахомова из-за симпатии к жертве. Только она судья и обязана быть беспристрастной. Если бы пришлось судить Дантеса, то и тут она должна была бы внимательно изучить все обстоятельства в его пользу.

Ирина снова распахнула шкаф в тщетной надежде на чудо. Вдруг выпадет какая-нибудь хламида, о которой она давно забыла?

Очень стыдно, но при всем сочувствии Пахомову она гораздо больше переживает о том, что ей не в чем судить его убийцу. Ведь процесс будет громким, требовать возмездия явится весь бомонд, наверняка зал наводнят корреспонденты, возможно, даже иностранные.

Сливки сливок соберутся – и что они увидят на месте судьи? Ах, думать не хочется. Скажут: что, вот эта вот бабища будет судить убийцу нашего любимого Пахомова? Да вы серьезно?

Нет, надо во что бы то ни стало привести себя в божеский вид.

* * *

Добравшись до издательства, Полина подумала, что в метро ей ездить уже несолидно. Такси поймать не удалось, и Полина решила: ну ладно,

тогда метро, всего-то три станции. К счастью, она вольная птица и может выбирать такое время, чтобы не попадать в час пик и не толкаться с любимым народом, но все равно машина престижнее. И не будет возникать таких ситуаций, когда нет такси – ну хоть ты лопни. И всегда чистая обувь. Ведь ни на кого не произведешь нужного впечатления в замызганных и покрытых белесыми разводами сапогах. Сейчас придется забегать в дамскую комнату и приводить себя в порядок с помощью туалетной бумаги, а с машиной ее финские сапожки и так выглядели бы как новенькие. Надо срочно встать на очередь и записаться в автошколу.

Энергично поплевав на клочок туалетной бумаги, Полина принялась оттирать особенно упорный белый след. Надо позвонить Коле, пусть достает новые сапожки, эти уже поднадоели.

Наконец грязь отошла. Полина быстро оглядела себя в зеркале. Обернулась. На джинсах сзади несколько грязных брызг. К счастью, они отошли легко, почти насухую.

– Ну вот, теперь и не подумаешь, что из метро, – пробормотала она, сполоснула руки и быстро поднялась наверх.

В приемной Григория Андреевича секретарша неожиданно преградила ей путь.

– Он занят, – сказала она.

– Хорошо, я подожду, – процедила Полина и уселась на стул, закинув ногу на ногу.

– Он занят, – с нажимом повторила секретарша.

Полина тоже повторила, что подождет.

– Григорий Андреевич вас сегодня не примет.

Это было так неожиданно нагло, что Полина даже не разозлилась.

– Может, вы доложите обо мне?

– Еще раз говорю: он вас не примет.

– А вы не слишком много на себя берете? – Полина встала, подошла к столу секретарши и нависла над ней. – Кто вам дал право решать за Григория Андреевича?

Секретарша пожала плечами:

– Как угодно.

Она взяла трубку селектора и включила громкую связь.

– Григорий Андреевич, тут Поплавская.

– Скажи, что я занят, – раздался искаженный динамиком голос.

– Она настаивает.

– Очень занят.

– Григорий Андреевич, она скандалит.

В динамике захихикали:

– Света, ты же все можешь, неужели у тебя нет навыка укрощения диких макак?

– Боюсь, придется вызывать милицию.

– Ну зачем сразу милицию? Лучше ветеринаров из зоопарка. Ладно, пусть заходит.

Полина вошла, кипя от ярости.

Григорий Андреевич поднялся ей навстречу, но в этот раз не приобнял, не взял под локоток, а всего лишь преградил дорогу к стульям, чтобы она не могла сесть и осталась на пороге.

– Полина, у меня нет к вам вопросов, требующих личного обсуждения, – отчеканил он.

– Зато у меня есть.

– И какие же?

– Например, когда будет утверждена обложка?

Редактор засмеялся.

– Ах, это! Я поручал нашему редактору сообщить вам, но он, видно, запамятовал или не смог... Набор ваш рассыпан, дорогая Полина.

– Что?

– Книга не выйдет.

– Но это просто невозможно!

– И тем не менее.

Это было так абсурдно, что Полине на секунду показалось, будто она спит.

Она тряхнула головой.

– А почему? – спросила и поморщилась, так жалко это прозвучало.

– У издательства изменились планы, и в них, кстати, в принципе не входит дальнейшее сотрудничество с вами.

– Что?

– Вы меня слышали. А по старой дружбе дам совет: пащите какую-нибудь другую ниву, потому что тут вам больше ничего не светит.

– Вы вообще понимаете, с кем разговариваете? – с трудом сдерживая себя, проговорила Полина.

– Ну, конечно, Полиночка, я же в своем уме.

– Вы в этом уверены? Потому что мне кажется, что вы не отдаете себе отчет в возможных последствиях.

– Слушай, девочка, ты радуйся, что я у тебя не требую назад аванс, – Григорий Андреевич шагнул к ней и наконец взял за локоть, но не нежно, а грубо, – за это скажи спасибо, а не права качай тут, поняла? Все, иди, и

чтобы больше я тебя не видел.

Он довольно грубо вытолкнул Полину из кабинета. Секретарша одарила ее змеиной улыбкой:

– Ну что, убедились?

Полина быстро прошла мимо нее, вздернув подбородок.

Злость и обида душили ее, но сильнее всего было недоумение. Как они посмели так разговаривать с нею? Неужели не понимают, кто такая Полина Поплавская и кто за ней стоит?

Планируя утром свой визит в издательство, Полина собиралась заглянуть еще и к журнальному редактору Ирме Борисовне, но сейчас была не в силах ни с кем общаться.

Она быстро спустилась вниз, вырвала у гардеробщицы из рук свою шубку и, на ходу одеваясь, вылетела на улицу.

Мокрый холодный воздух немного успокоил ее. Полина подышала глубоко и зашагала к метро, размышляя, что должно было произойти, чтобы Григорий Андреевич со своей секретаршей так обнаглели? Решили, что внезапно наступила свобода слова и можно гавкать теперь на всех подряд? Ну ничего, один звоночек – и этот миг триумфа над Полиной Поплавской им будет отзываться очень горько и очень долго. Набор они, видите ли, рассыпали! Ничего, как рассыпали, так и соберут. Григорий Андреевич лично будет ползать, буквы с пола подбирать.

Спустившись в метро, Полина хотела ехать прямо к Василию Матвеевичу на работу и встала на перрон, но поезд долго не шел, и она сообразила, что это будет тактически неверно.

Василий Матвеевич не очень любит, когда она приходит к нему, но не в этом даже дело. На работе его вечно дергают, он занят и не может сосредоточиться на ней. Ради какой-нибудь ерунды можно его отвлечь, но тут дело посерьезнее.

Едва дотерпев до восьми вечера, она набрала домашний номер и поморщилась, услышав женский голос. Прислуга Клава.

На самом деле женщину звали как-то иначе, но Полина решила, что она похожа на Клаву, и не видела необходимости запоминать ее настоящее имя. Почему-то она растерялась, заохала в трубку, а через несколько секунд Полина услышала мелодичный голосок хозяйки:

– Да, слушаю вас.

– Мне нужен Василий Матвеевич, – повторила она.

– Это ты, Полина?

– Да. Позовите, пожалуйста, Василия Матвеевича.

– А ты что, не знаешь? Василий Матвеевич умер.

– Что? – Полина опустилась на табуретку.

– Нет его больше, поняла?

– Но как же...

– А вот так же! И если ты, дрянь подзаборная, еще раз посмеешь позвонить мне, если хоть где-то что-то вякнешь, хоть на секунду нос высунешь из своей навозной кучи, пеняй на себя, поняла, подстилка поганая? – жена Василия Матвеевича говорила тихо и размеренно. – Я тебя раздавлю, как вошь.

Полина молчала, пытаясь осознать, что все кончено. Повесила трубку, не сказав ни слова, и побрела в кухню, где в буфете стояло вино, которое они с Кириллом так и не пили.

Штопор затерялся в ящике с кухонной утварью, среди щипцов для сахара, круглого чайного ситечка, ложки для вырезания шариков из тыквы и множества столь же бесполезных предметов. Крепко зажав бутылку между колен, она вкрутила штопор в пробку, стараясь не отклоняться от середины, и сильно потянула вверх, особо не надеясь на успех предприятия, но пробка вышла неожиданно легко.

– Случай-то особый, – сказала Полина, доставая из горки хрустальный бокал. Наполнила его вином, отчего в квартире запахло дрожжами. Полина отсалютовала темному окну и выпила.

Надо пожелать земли пухом и поахать, что совсем молодой, еще шестидесяти не исполнилось, жить бы да жить, и заплакать, и все такое прочее.

– Вовремя же ты сдох, скотина, – фыркнула она, подливая себе еще, – после того, что я для тебя сделала, мог бы подождать, пока книга выйдет.

* * *

Днем народу в метро немного, Ирине удалось даже сесть, а главное, оставались еще свободные места, то есть не придется подскакивать, как только в вагон войдет старушка или беременная женщина. Старикам она не уступала после того, как один из представителей этой породы сурово ее отчитал. «Никогда не уступайте мужчинам место! – сказал он и гневно потряс перед сидящими девушками своей палкой. – Ни при каких обстоятельствах! Как бы ни хотелось!»

Она потом спросила у мамы, и та подтвердила: действительно, нельзя. К старому мужчине нужно относиться как к молодому и оказывать услуги, только если он попросит.

Просили редко. Знакомые порой жаловались на обнаглевших ветеранов, которые всюду лезут без очереди, размахивая удостоверениями, и в общественном транспорте сгоняют людей с мест, но Ирине эти мифические персонажи никогда не попадались. А с другой стороны, если ты заслужил и висит табличка, где черным по белому написано, что имеешь право, почему тебе должно быть стыдно им воспользоваться? И кто дал людям право возмущаться? Да потому что прицелы сбиты. Одни равны, другие еще равнее, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Социальное расслоение не такое огромное, как в Америке, например, но барьеры между слоями гораздо непроницаемее, и с помощью одних только денег их не одолеть. Вот и выплескивается бессильная злость на заслуженного ветерана, почему это ему можно, а мне нельзя. И не хочется думать, что он воевал, рисковал жизнью.

Ирина вздохнула. Собираясь в первый день на работу, она так волновалась, что не захватила книжку, так что пришлось развлекать себя в дороге бесплодными умствованиями.

Если днем в метро всегда так свободно, то она успеет не одну любимую книгу перечитать, когда будет мотаться в обеденный перерыв кормить Володю.

Вагонное окно напротив отражало не самую истощенную даму, но все-таки и не бесформенную гору жира.

Ирина улыбнулась. За пару дней до выхода на работу в местный галантерейный магазин завезли очень приличные пуловеры индийского производства, она засекала это, когда очередь только-только начала формироваться, и ухватила.

А Кирилл, хоть и отрекся от своего неформального мира, все же достал ей через старых приятелей отличные джинсы, настоящий «Леви Страусс». Ирина побоялась спросить, сколько это стоило.

Восхитительно-синие штаны еле налезли, и железная пуговица врезалась в живот, когда Ирина слишком глубоко дышала, но это только радовало. И сейчас сидят хорошо, а как она похудеет – будут вообще прекрасно. А потом она похудеет еще больше, и постирает свои «левики» в горячей воде, и станет просто конфетка.

Пуристы могут возразить, что джинсы – это рабочие штаны американских фермеров и совершенно не подходят для судьи. Все так, но в том-то и прелесть ее нынешнего положения, что она снисходит и выручает и в любую секунду может нахмурить бровь и спросить: «Что-то не нравится?», и всех критиков как ветром сдует.

Главное, что когда она сегодня утром пришла на работу, то не увидела

в мужских глазах ужаса, а в женских – злорадства.

...Механический голос объявил станцию. Ирина вздохнула – еще три остановки. Надо было хоть газету купить, чтобы не терять даром редкие минуты, когда она предоставлена самой себе.

Ладно, подумаем о деле, которое вскоре придется рассмотреть. Даже как-то горько понимать, что она станет знаменитой не потому, что оправдала, например, двух хороших людей, обвиненных в страшных преступлениях, а потому что судит убийцу известного кинорежиссера, в деле которого нет подводных камней и белых пятен.

Она не солнце юриспруденции, а луна, сияющая отраженным светом.

Ирина фыркнула, и женщина, сидящая рядом, удивленно покосилась на нее.

Итак, Василий Матвеевич Пахомов был убит в собственном доме. Режиссер жил с женой в небольшом особнячке на Крестовском острове. Вокруг не было других построек, и, наверное, Пахомов чувствовал себя английским лордом в собственном поместье. Может быть, им с женой бывало страшно в таком уединении, но с другой стороны, не опаснее ли гулять по густонаселенному Купчино? В дом был проведен телефон, в километре располагалась лодочная станция и спортивная школа, чуть дальше – больница. В общем, Ирина бы тоже не отказалась жить так.

В тот роковой вечер жена Пахомова уехала к дочери с ночевкой, и режиссер остался один. Около девяти он позвонил супруге, отчитался, что поужинал и собирается ложиться.

Жена простилась с ним и тоже улеглась, не испытывая никаких дурных предчувствий.

А в полшестого утра в местное отделение милиции явился некий гражданин Фельдман и сообщил, что в драке случайно убил режиссера Пахомова.

Информация эта звучала не слишком правдоподобно, и дежурный сначала решил, что гражданин Фельдман тронулся умом и просто бредит так нестандартно, с творческой искрой.

В самом деле, где Пахомов и где Фельдман? Ничего общего. Семен Яковлевич – сублильный молодой человек, а Василий Матвеевич – солидный мужчина, уже скорее пожилой, чем средних лет. Фельдман – простой докторишка из сельской местности, а Пахомов – звезда мировой величины.

Только Фельдман никуда уходить не собирался, и слегка раздраженные его настойчивостью милиционеры сунули предполагаемого убийцу в

обезьянник, а сами «метнулись в адрес».

Увы, там действительно обнаружился труп кинорежиссера.

Фельдман утверждал, что мирно ехал по своим делам на машине, как вдруг заглох. Хоть Крестовский остров находится в самом сердце города, место глухое, темное, вокруг ни души, ни телефонного автомата, только одинокий домик, в котором призывно горит свет. Когда ты темным вечером бродишь один по промозглым улицам, всегда кажется, что за освещенными окнами живут добрые и счастливые люди.

Фельдман не стал долго ориентироваться на местности, а сразу постучался в дом Пахомова, чтобы попросить помощи. Он надеялся, вдруг хозяин окажется более опытным автомобилистом или просто даст фонарик, чтобы посмотреть, что там творится под капотом.

Хозяин впустил его, вежливо предложил чаю, и завязалась беседа двух культурных людей, в результате которой представитель самой гуманной профессии завалил представителя творческой интеллигенции.

Осмотр места преступления и судебно-медицинская экспертиза в основном подтверждали слова Фельдмана. На теле Семена Яковлевича обнаружены синяки и ссадины, свидетельствующие о том, что была драка, а Пахомов умер, упав головой на тяжелую бронзовую статуэтку, когда Фельдман сильно его толкнул.

В принципе, имея хорошо подтвержденную явку с повинной, дело можно было хоть на следующий день передавать в суд, но опытному следователю вся история показалась бредом сивой кобылы.

Первое, что насторожило, – это отсутствие следов чаепития. Ничто не указывало, что Фельдман преломлял с хозяином хлеб. Ни чашек на столе, ни рюмок – ничего. В крови убийцы алкоголя не обнаружено, а у жертвы – жалкие следы, не тянущие даже на легкую степень опьянения. С чего бы два трезвых мужика так завелись, что дело дошло до рукопашной? Кстати, о причине драки Фельдман тоже темнил. Якобы заявил, что фильмы у Пахомова – говно, а тот обиделся. А ведь в той ситуации довольно трудно представить, что разговор примет такое направление. «Простите, у меня машина заглохла, не посмотрите, в чем дело? Ой, кстати, давно хотел сказать, что ваши фильмы – говно!» Так, что ли?

Ладно, чего только между людьми не бывает, но почему тогда заглохшая машина прекрасно завелась сразу после убийства режиссера? Во всяком случае, Фельдман как-то на ней приехал в отделение в пять утра, а до этого якобы кружил по городу, пытаясь осознать содеянное. И это тоже подозрительно. За несколько часов волнение должно бы поутихнуть, разум – вернуться на свой престол и подсказать, что никто его не видел на месте

преступления, а поскольку он раньше не был знаком с Пахомовым, то и в поле зрения милиции никогда бы не попал. Шансы разоблачения практически равны нулю, так зачем каяться? Вот если бы он в ужасе от только что совершенного убийства прямо из дома режиссера позвонил по ноль два, тогда все объяснимо.

Следователь решил копнуть поглубже и не прогадал. Выяснилось, что деревенский хирург в институте подавал очень большие надежды, его даже оставили на кафедре в аспирантуре, где он радовал своих наставников остроумными научными идеями и трудовым рвением, пока в один прекрасный день не выкушал коньячку и не устроил пьяный дебош на творческом вечере поэтессы Полины Поплавской. Среди прочих оскорбительных замечаний в адрес ее самой и ее литературных произведений заявил, что строка «свет месяца стекает на асфальт», вероятно, описывает менструальный цикл и что это вообще прекрасная тема для вдохновения. Придут – не придут, какой накал страстей, какая интрига! В общем, довел бедную девушку до слез, она убежала, и мероприятие оказалось сорвано. Скорее всего, парень отделался бы выговором, а может, и так бы обошлось, но тут за Полину обиделся Пахомов, бывший старым другом семьи Поплавских. Он настоял, чтобы хулигана Фельдмана вышвырнули из аспирантуры, а заступаться за молодого доктора никто не решился, несмотря на то что Василий Матвеевич никакого отношения не имел ни к здравоохранению, ни к науке.

Такие вещи делаются неофициально, в кулуарах, но о них быстро становится известно всем. Парень в одночасье сделался тем самым Фельдманом, на которого зуб у самого Пахомова. Талантливый – может быть, трудолюбивый – допустим, но на всякий случай связываться с ним не будем. Мало ли что.

Вот и вышло, что бедняге, имея ленинградскую прописку, пришлось устраиваться в области, в самой ее глухомани.

В свете новой информации вырисовывалась совсем другая картина. Фельдман затаил злобу на режиссера, но держал себя в руках, пока не умерла мать. Свидетели единогласно утверждают, что мать и сына связывали на удивление теплые и доверительные отношения, вынужденная разлука стала мучительной для обоих и очень возможно, что ускорила смерть пожилой дамы.

Вероятно, Фельдман тоже так считал. Порушенную карьеру он еще был готов простить Пахомову, но разлуку с матерью и ее преждевременную смерть вдали от сына – нет.

Он приехал разбираться, скорее всего, действительно не хотел убивать,

просто высказать наболевшее, но не сдержался, полез на режиссера с кулаками, и случилось то, что случилось.

Следователь отлично потрудились над делом, вскрыл истинные мотивы преступления, в чем, в сущности, не было особой необходимости. И в версии Фельдмана, и по правде это убийство без отягчающих и без смягчающих обстоятельств, так называемое простое.

Только благодаря добросовестной работе следствия дело стало по-настоящему ясным, даны ответы на все вопросы, и Ирине осталось только одно – решить, дать бедному мстителю по максимуму или по минимуму.

Возбужденная общественность требует самого сурового приговора. Семен Яковлевич ведь грохнул не какого-нибудь бесполезного дядю Васю, а великого творца в самом расцвете сил, не только человека лишил жизни, но и мир оставил без прекрасных фильмов, которые Пахомов мог бы еще снять. Просто не доктор Фельдман, а реинкарнация Герострата. Варвар и вандал, и наказание для него должно быть таким же варварским и вандалским – четвертовать, колесовать, привязать ноги к двум резвым скакунам и пустить их в разные стороны.

Но, во-первых, явка с повинной. Не такая, когда тебя уже обложили со всех сторон менты и готовы результаты экспертизы, а настоящая. Если бы Фельдман сам не пришел сдаваться, никогда бы его не нашли. Свидетелей-то не было. Чтобы замести все следы, Фельдману достаточно было протереть дверную ручку, да и то... Ну обнаружили бы его отпечатки, так в базе его нет, а оперативным путем никогда в жизни бы на него не вышли.

Да, Пахомов нагнул кого надо, чтобы Семена выгнали из аспирантуры, но это выяснили тоже у Фельдмана. Мало ли кого он там нагибал с его-то возможностями! Семен Яковлевич оказался бы явно не в первой сотне.

Только фантастическое стечение обстоятельств вывело бы следствие на Фельдмана, поэтому его явка с повинной дорогого стоит, причем в буквальном смысле тоже. Он сэкономил людям много сил и средств, избавил от лишних проверок и дорогостоящих экспертиз, которые проводились бы пачками, лишь бы только показать, что не сидим на месте, землю роем, в общем, последнюю рубаху снимем, а душегуба найдем.

Семен Яковлевич здорово облегчил работу следствию, и за одно это уже нельзя давать ему максимальный срок.

По-человечески его ярость тоже вполне объяснима. Да, с одной стороны, убийца обделил человечество, которое никогда не увидит новых фильмов Пахомова, и это грустно, но с другой стороны, с Фельдманом Василий Матвеевич поступил не как великий творец, а как обычный номенклатурщик, как барин, из прихоти ломающий жизни холопам.

Кроме того, Фельдман в целом человек приличный, раньше ни в чем дурном, кроме пьяной выходки на поэтическом вечере, не замечался, по месту нынешней работы характеризуется сугубо положительно.

В других обстоятельствах Ирина дала бы по минимуму, только тогда высок риск, что высокопоставленные товарищи Пахомова добьются пересмотра дела и вышестоящая инстанция вlepит бедняге по полной.

Придется серединку дать. Когда вернется с обеда, надо не забыть сказать Павлу Михайловичу, чтобы подобрал ей нормальных заседателей, которые никакого отношения не имеют к культурной сфере. И обязательно мужиков, они понимают, что такое стычка двух самцов. Ирина засмеялась, подумав, что идеально подойдут два судимых гопника. В их глазах тут вообще нет состава преступления, просто два мужика решили побазарить по-пацански и что-то пошло не так.

Задумавшись, она чуть не проехала свою станцию и вскочила в последний момент.

Встав на эскалатор и увидев пустую ленту впереди, она подумала, не пойти ли наверх. И быстрее, и полезнее, но с другой стороны, вспотеет, а душ принимать некогда. И переодеться не во что, так что физические упражнения придется отложить до вечера. Ирина взглянула на часы и обнаружила, что в пути всего двадцать пять минут. Еще пять, и она дома, и целых тридцать минут можно посвятить сыну и себе. А то и все сорок, потому что она выторговала себе обед полтора часа с возможностью слегка опоздать.

Как же здорово работать, когда ты – единственный выход из безвыходного положения, все тебе прощают, потакают и дела дают одно другого лучше. Дело Фельдмана просто игрушечка, все логично, все объяснено, завязано-подвязано. Вообще думать не над чем, кроме, пожалуй, одного мелкого вопросика: а какого, собственно, дьявола Пахомов открыл Фельдману дверь?

Семен Яковлевич в своей явке написал, что перелез через забор, нажал на звонок у входной двери особняка, и хозяин отворил ему. Экспертиза подтвердила, что замок не сломан.

Ирина представила, что живет в собственном доме в безлюдной местности и к ней вдруг среди ночи стучится какой-то мужик. Откроет она? Да ни за что в жизни! Она и днем-то не откроет, и даже в людной местности.

Грабят, насилуют, помогите, умираю? Ну да, аргументы, но для того, чтобы вызвать милицию или «Скорую», а не пустить смерть на свой порог.

Пахомов – мужчина, но он был уже немолод и не богатырь. Зачем

связываться, особенно если нет явных признаков, что человеку за дверью угрожает опасность? Потом, он известная персона, его осаждают поклонники и просители, так что за долгие годы славы и силы давно выработался иммунитет.

«Здравствуйте, вы меня случайно не помните? Я тот самый Фельдман, которого вы вышибли с работы. А теперь у меня мама умерла, и я хочу просто об этом поговорить, откройте, пожалуйста!» Только debil откроет, да и то подумает.

Ирина передвинула руку на черном резиновом поручне, двигавшемся медленнее, чем лента эскалатора. Да нет тут никакого подвоха, просто Пахомов наверняка решил, что это жена вернулась, вот и все. И поспешил открыть, чтобы любимая супруга не стояла в темноте и на холоде.

Или еще мудрее поступил, приоткрыл посмотреть, кто там, а захлопнуть уже не получилось.

В такт ее размышлениям Кирилл распахнул дверь, как только она позвонила.

– Почему не спрашиваешь кто?

Кирилл повел широкими плечами и засмеялся:

– Об этом пусть волнуются с той стороны двери.

– А ты напрасно, – завелась Ирина, – понятно, что тебе нравится быть сильным, но одной богатырской статью ты пистолет не одолеешь.

– Ирина, у нас мало времени. Разговоры потом. Руки!

Кирилл подтолкнул ее в ванную. Ирина тщательно вымыла руки с мылом и, задрал пуловер, ополоснула грудь.

– На позицию.

Муж усадил ее на диван, накрыл чистой простыней и подал спящего Володю. Ребенок, не просыпаясь, принялся сосать. Кирилл ушел в кухню, откуда через секунду послышалось шипение масла на сковородке.

Покормив Володю и подержав его столбиком, чтобы отрыгнул, Ирина нехотя положила сына в кроватку. В кухне уже было накрыто, как в столовой хорошего санатория: суп, второе и компот, а кроме этого, Кирилл еще сделал ее любимый морковный салатик.

Ирина села за стол:

– Ты так за мной ухаживаешь, как я о тебе никогда не заботилась, – смущенно сказала она.

– Системный подход и интенсификация, – улыбнулся Кирилл. – Ешь давай. Тебе через десять минут выходить. Выигрыш времени важен для нас, много минута каждая весит!

– Что, прости?

– Сэкономишь за смену час, за неделю – день, за полгода месяц! – засмеялся Кирилл. – Такой лозунг у нас на проходной висит.

– Двусмысленное вообще воззвание.

– На том стоим. Ешь давай.

Быстро заработав ложкой, Ирина покосилась на мужа. Веселый, довольный, и не скажешь, что на домашней каторге. Под потолком висят ползунки и пеленки – это он постирал, хотя она не просила. Как только она доела суп, Кирилл поставил перед ней стакан, наполненный густой жидкостью янтарного цвета, в которой плавала одинокая изюминка.

– Что это?

– Компот.

– Откуда вдруг?

– Ир, я ж бывший подводник, для меня компот – это святое.

Краска стыда залила ее лицо. В ее семье обходились чаем, и она не только ни разу не варила мужу компот, но и не знала, что он его любит! Не жена, а недоразумение.

– А что ж ты раньше не говорил? – проямлила она.

– Ир, это в походе святое, а в мирное время можно обойтись.

– Кирюша, – взмолилась Ирина, – пожалуйста, ты говори мне, что тебе хочется, и я сделаю. А то я очень боюсь, что ты...

– Буду отдаваться поварихе в школьной столовой за стакан компота? – смеясь, перебил Кирилл. – Ты за кого меня держишь вообще?

Ирина вдруг решила:

– Слушай, Кирюш, а у тебя под Новый год ничего не случилось?

– А?

– Ты ходил как в воду опущенный, а я постеснялась спрашивать тогда.

Кирилл поморщился:

– Черт, я надеялся, что ты не заметишь. Не хотелось бы рассказывать, потому что это меня вообще не красит...

– Ладно, как знаешь.

Он невесело усмехнулся:

– В общем, Ир, я поступил как жиголо, что ли.

– В смысле? Переспал с кем-то?

– Да ну ты что! Но поступил все равно непорядочно. Мне тогда позвонила Полина Поплавская собственной персоной и сказала, что в мусорной корзине издательства нашла мои стихи, впечатлилась и хочет обсудить со мной возможность публикации.

– Так здорово же!

– Я тоже так подумал, вернее, очень хотел думать, что она, приглашая меня в гости, имеет в виду именно это. Но оказалось, что публикация – это просто предлог, чтобы меня затащить в койку.

– Да ну ладно!

– Нет, она не так чтобы прямо кидалась-кидалась, но намерения ее быстро сделались мне ясны. Это же сразу чувствуется, Ир.

Ирина кивнула. Ошибочно мнение, что женщины ощущают тончайшие вибрации, а мужики ни во что не врубаются, пока их носом не ткнут. Просто женщине нравится, когда ее хотят, а мужчина хочет, когда ему нравится. И, чтобы не оскорблять женщину отказом, он до последнего будет притворяться, что ничего не понимает.

– Царицей соблазняли, значит, – усмехнулась она.

– Угу. Но я так мечтал напечататься, что совсем забыл, что есть большая разница между тем, как есть, и тем, как хочется, чтобы было. Я себя убедил, что мне просто показалось и Поплавская играет в богему, изображает из себя роковую женщину типа из Серебряного века русской поэзии, а лично ко мне у нее узкопрофессиональный интерес, и поперся к ней еще раз – но тут уж стало ясно, что цена вопроса – это секс.

– А ты?

– А я человек семейный, у меня этого нет.

Ирина улыбнулась. Хотелось спросить, а переспал бы он с Полиной, если бы не моральные обязательства, но и так ясно, что он ответит. А уж правда это или нет, поди знай.

– А с публикацией что?

– Ничего, – Кирилл развел руками, – но я себя чувствую все равно какой-то проституткой, будто унизился или в грязи извалялся. Знаешь, я ведь когда от нее ушел, еще ждал, что мне позвонят из издательства, надеялся на что-то. И вот этого ожидания я себе простить не могу. Будто холоп.

Ирина улыбнулась:

– Это она дура озабоченная, а ты просто хотел использовать шанс, которых не так-то много тебе подкидывала до сих пор судьба.

– Вот это и противно.

– Ну не знаю... Другой бы переспал.

– Ир, а можно было сразу с ней не связываться.

Она посмотрела на часы. Пора бежать, а она ведь еще хотела помыть посуду, чтобы совсем не опускать Кирилла в домохозяйство. Ирина встала, сгрузила тарелки в раковину и потянулась за тряпкой, но Кирилл отстранил ее.

- Сам, сам.
 - В общем, Кирюш, важен результат. Ты с ней спал? Нет! Стихи твои напечатаны? Тоже нет! В чем проблема?
 - Ну если так примитивно, то ни в чем.
 - Вот именно.
- Она побежала в прихожую одеваться. На пороге Кирилл крепко обнял ее.
- Слушай, Ир, а мне реально полегчало, как мы поговорили!

На обратном пути Ирина осмысливала информацию, что ее родного мужа пыталась соблазнить известная поэтесса. В общем, ничего удивительного: Кирилл – парень красивый, и группа «Мутабор», в которой он пел, стала популярной во многом благодаря его мужскому обаянию. Поклонниц у него было хоть отбавляй, да и сейчас женщины бросают на него заинтересованные взгляды, и так будет, пока он не состарится.

Кто-то воспитан в скромности, но есть и другие, готовые бороться за свое счастье. Лобовые атаки у мужчин не вызывают большого энтузиазма, но есть и тихая война, исподволь, исподтишка.

Что ж, придется смириться, что не иссякнут желающие увести от нее мужа. Ирина усмехнулась. Глагол-то какой! Увести... Свести со двора, будто он бессловесный осел, а не человек. Увы, такое понимание мужской сути укоренилось среди женщин. Неполноценное существо, обделенное целым куском хромосомы, примитивный разум с двумя триггерными зонами: пожрать и потрахаться, безвольный маменькин сынок – вот какие настроения, и нельзя сказать, что они напрочь оторваны от реальности. Только и слышно: «мужчины нынче измельчали», «нет рыцарей», «перевелись настоящие мужики». Поэтому в случае измены вся ярость обрушивается на соперницу, ведь с убогого какой спрос? Ему сиськи показали, он и пошел, как осел на веревочке. А если не пошел, то не потому, что не захотел, а злыдня жена слишком крепко его привязала. Надо к ней идти и требовать, чтобы «отпустила».

Может, великая поэтесса так и собиралась поступить, для этого и звонила в их семейный дом.

Настоящая советская женщина возненавидела бы Полину Поплавскую, но Ирина испытывала к ней только слабую неприязнь за те несколько тягостных часов, что она провела, подозревая мужа в измене.

Тут вообще не в Полине дело. Когда мужчина хочет погулять, он сам себе прекрасно находит даму сердца, вот и все.

А хочет он гулять потому... А вот черт его знает почему. Ирина

вздохнула. Стыдно вспомнить теперь, как она терзалась во время своего развода, как перебирала каждую секунду совместной жизни, силясь понять, что сделала не так, где недодала, где передала, где обидела, где была недостаточно хороша, а надо было одним махом скинуть с себя груз ответственности. Я – идеал, просто появилась мерзкая разлучница, наглая хищница, и увела мужика, украла, как цыган – лошадь.

Неправильно они с Кириллом живут, ищут причины в себе, а надо – в других, как все приличные люди.

Если совсем по крупному счету, то совесть Кирилла в чем-то права. Не ходи к девушке в дом, если не планируешь с ней переспать. Нужно было настаивать на встрече в нейтральных водах, Полина бы поняла, что никакой романтики не будет, и вопрос бы закрылся до стадии неловкой ситуации. Наверное, Кирилла ввел в заблуждение ее статус великой поэтессы, он решил, что она прежде всего литературный работник, а потом уже молодая и красивая девушка.

Ирина усмехнулась. Надо будет ему как-нибудь помягче сказать, что не видать ему теперь публикаций, пусть возвращается в свое подполье. Отвергнутая женщина безжалостна и непреклонна. Во всяком случае, она бы на месте Полины костями легла, но не допустила в печать ни одной строчки человека, который ее отверг.

Ладно, это все лирика, а в первую очередь ей надо решить такой вопрос: не следует ли отказаться от дела Фельдмана, ибо там фигурирует Поплавская?

Поразмыслив, Ирина решила, что это не обязательно. Полина – известная личность, и у каждого человека в Ленинграде наверняка найдется родственник или знакомый, который как минимум знает родственника или знакомого родственника или знакомого Поплавской.

Полине не посчастливилось стать яблоком раздора между Фельдманом и Пахомовым, но ее за это никто не судит и на ее судьбу исход процесса никак не повлияет. Равно как и ее показания или их умышленное искажение ничего не меняют. Даже если Ирина возненавидит девушку из всех своих сил, то никак не сможет нагадить ей в рамках этого процесса.

Тут нет конфликта интересов.

Подумаешь, муж судьи знаком со свидетельницей! А как тогда отправлять правосудие в маленьких городах и сельской местности, где все друг с другом если не в родстве, то в свойстве?

Какой-то ехидный голосок со дна души нашептывал, что это демагогия, но Ирина укротила его, напомнив, что они и так работают на пределе и перераспределение нагрузки под таким надуманным предлогом

ни к чему хорошему не приведет.

* * *

Не нашлось ни единого повода задержаться на работе, а домой ноги не несли, и Ольга заглянула в кафетерий при универсаме. Взяла молочный коктейль за одиннадцать копеек и встала возле окна за высоким круглым столиком. Вкус напомнил детство, но не так остро, как обычно. Странно, жизнь стала унылой и серой даже в воспоминаниях, будто кто-то стер невидимым ластиком все хорошее, что с нею было.

Раньше вспыхивали в памяти искорки счастья, а теперь будто никогда не происходило с нею ничего радостного. Она заставляла себя думать, восстанавливать хорошие моменты, но будто читала книгу о какой-то посторонней женщине.

Жизнь воспринималась как в кривом зеркале. Мамина строгость виделась самодурством вздорной старухи, забота мужа казалась угодливостью, а его внешность, всегда нравившаяся ей, сделалась физически неприятна.

Когда-то, еще до замужества, мама сказала, что у него пустое лицо и безвольный подбородок. Ольга тогда обиделась, решила, что мама просто хочет расстроить ее брак, а теперь видела, что она права.

Вообще мама – женщина суровая, но оказывается права гораздо чаще, чем надо для счастья. Посоветоваться бы с нею, но это исключено. Получишь только хорошую взбучку, а рецепт у мамы один на все случаи жизни: держать себя в руках и не раскисать.

Ольга сделала еще маленький глоток, стараясь не столько растянуть удовольствие, сколько иметь повод подольше задержаться в этом неудобном месте. На нее поглядывали удивленно: молодая женщина, должна бежать к домашнему очагу, а не торчать в заведении для студентов и школьников. Впрочем, плевать.

Дома муж, он-то никогда не задерживается, в шесть уже дома, встретит ее ласково, поохает, что она совсем себя не щадит, обнимет мягкими руками, посмотрит заискивающе, в каком она настроении... Бррр! Потом начнет рассказывать, какие свиньи окружают его на работе, а ей придется слушать да кивать.

«Наверное, это просто стадия такая, – уговаривала себя Ольга, – все говорят, что на определенном этапе брака наступает отторжение, когда ты видишь только недостатки своего спутника жизни, да еще и в

преувеличенном масштабе. Невозможно постоянно пребывать в любовной эйфории, рано или поздно розовые очки падают, и нужно учиться жить с человеком, а не со своим представлением о нем. Так случилось, что тот случай на берегу немножко ускорил у меня эту стадию, сорвал с носа очки прежде, чем они упали сами, вот и все. Надо это пережить, перетерпеть, как грипп. Мама рано овдовела, поэтому по ее примеру трудно судить, но все известные мне супружеские пары с большим стажем прошли трудный путь, а не бежали вприпрыжку, взявшись за руки по усыпанной цветами дорожке. Надо быть зрелой личностью и принимать жизнь как она есть».

Надо бы зайти в универсам, вдруг там выбросили что-нибудь, например сосиски.

Допив коктейль, Ольга заглянула в зал. Народ кишмя кишит, возле прилавка с сырами настоящий водоворот, к кассам змеятся очереди.

Хочется ей нырнуть в эту гущу событий? Нет! Пусть муж рыщет, а ей все равно, что есть, она и хлебом поужинает.

Тут кто-то тронул Ольгу за плечо. Обернувшись, она увидела оперативника Саню Черепанова, плюгавого мужичка примерно ее лет с ногами кавалериста и хитрой калмыцкой физиономией.

Саня был из той категории страшеньких людей, которые притягивают взгляды больше красавцев, и пользовался у женщин бешеным успехом. Ольга признавала в теории, что подобное, да, бывает, но сама предпочитала представительных мужчин, а не недомерков.

Поскольку Саня ничего плохого ей не сделал, она заставила себя тепло поздороваться с ним.

– Ты в магазин, Оль?

– Да вот думаю... А ты?

Саня потряс перед ее носом авоськой, во все стороны ощетилившейся острыми белыми углами от пачек с пельменями, а в центре, как артиллерийские орудия, торчали горлышки пивных бутылок. Ольга вспомнила, что Саня недавно развелся, отсюда этот незамысловатый рацион.

– Я тогда не пойду, – вяло сказала она, – за компанию еще можно было бы...

– Домой подвезти?

– Давай.

Саня водил небесно-голубой «Москвич» и считался прекрасным шофером. Устроившись на переднем сиденье, Ольга, хоть и не имела водительского опыта, почему-то после первого перекрестка поняла, что это правда.

Мимо проносились темные вечерние улицы, из-под колес грузовиков летела снежная каша, а ей хотелось так и ехать рядом с этим даже не приятелем, а шапочно знакомым человеком.

– Слушай, Оль, а ты ведь будешь поддерживать обвинение по убийству Пахомова?

Замечтавшись, Ольга не сразу сообразила, о чем речь, а потом кивнула.

– Ну правильно, лучше тебя никто не справится.

– Почему это?

– Ну ты такая дама... – Саня запнулся, – такая аристократка, что ли... Не посрамишь родную прокуратуру перед всей этой шоблой.

– Спасибо. Надеюсь, что нет. Дело в общем-то совершенно ясное.

– Так-то так.

Она покосилась на Саню, который глядел вперед с преувеличенным вниманием. Ситуация на дороге явно не требовала такой сосредоточенности.

– Совершенно ясное дело, – повторила она.

– Да...

Саня закатил глаза, и Ольга не выдержала.

– Да что такое?

– Может, зайдем куда-нибудь?

– Давай просто покатаемся.

Саня кивнул и вырулил на Обводный.

– Знаешь, как-то я к подсудимому этому прикипел. Он Сеня, я Саня, почти тезки. Тоже мелкий он, как я.

– Это аргумент, конечно.

– А потом, согласишься, доктора к нам не так часто попадают, тем более такие хорошие. Там, Оль, вся деревня буквально на него молится, мужики готовы были сами сесть, лишь бы только им Фельдмана вернули. Я тебе по секрету скажу, что там много сидевших, так они все связи свои трянули, лишь бы только их доктора в СИЗО никто не обижал, а это дорогого стоит, это значит, он святой.

– Или вор в законе, – хмыкнула Ольга.

– Потом, сам пришел сдаваться.

– А вот это уже реально аргумент.

Саня свернул на какую-то темную улицу и припарковался на обочине. Вокруг в темноте смутно вырисовывались силуэты нежилых домов с выбитыми стеклами, чуть поодаль тускло горел одинокий фонарь, и Ольге на секунду стало страшно, но тут Саня зажег в салоне свет, и все изменилось, они стали как путники, греющиеся у костра.

Пошарив в бардачке, он протянул ей шоколадный батончик, и Ольга не стала жеманиться, откусила сразу два квадратика.

– Так ты сомневаешься, что он убийца?

– Нет. Самооговор тут почти исключен, он на следственном эксперименте все четко показал, и отпечатки его нашли где надо.

– Так что ж тебя тогда смущает?

– Да, в общем-то, особо ничего...

– А зачем тогда ты кормишь шоколадом государственного обвинителя?

Саня потупился:

– Тут трудно объяснить... Бывает такое, что цепляет, и все. И торчит, и никак не пригладить. Как лишняя деталь в радиоприемнике. Вроде бы собрал, и без нее работает, но для чего-то же она нужна!

Ольга кашлянула, и Саня заговорил быстрее:

– Короче, у меня создалось такое впечатление, что он был не в курсе, что Пахомов приложил руку к его исключению из аспирантуры. Вот реально не знал он этого.

– Да нет, вряд ли... Зачем же тогда он его убил?

– В том-то весь вопрос! Сначала он нес какую-то чушь, типа не сошлись во взглядах на искусство. Но это же бред?

– Бред. Но всякое бывает.

– Ладно, не будем гадать сейчас, голые факты. Именно твой покорный слуга нарыл информацию про Пахомова и аспирантуру и, естественно, хотел лично насладиться впечатлением, поэтому выпросил у следака отдельное поручение и полетел допрашивать. И таки я вам доложу, что Семен Яковлевич были искренне удивлены. И первое, что у него вырвалось, – это «ни фига себе!». А потом сразу сказал типа такого, что раз так, то пусть будет так. Понимаешь, когда люди реально хотят что-то скрыть, то они играют изумление немножко дольше, а чаще упираются до последнего.

– Возможно, он просто удивился, что вы так быстро все узнали, и поскольку умный человек, то сразу понял, что нет никакого смысла упираться. Помнишь, что Глеб Жеглов говорил? Упрямство – признак тупости.

Саня задумался, наморщил лоб, а потом вдруг улыбнулся, так что от уголков глаз разбежались резкие и глубокие лучики морщин.

– Слушай, а и то правда! Ну ты мозг! Он-то, наверное, считал, что менты тупые вообще пальцем не шевельнут, имея чистосердечное признание, а тут нате пожалуйста!

– Все, Санечка? Прояснили?

– Ну а то!

– Поедем?

Саня завел свой «Москвич», и они двинулись в путь.

Почему-то встреча с Черепановым подняла Ольге настроение. Наверное, дело было в восхищении, с которым Саня на нее смотрел, хотя она прекрасно знала, что он так глазеет на всех без исключения женщин.

Но приятно было, что он назвал ее дамой и аристократкой, которая достойно представит обвинение перед культурной элитой города.

Действительно, зал наверняка будет полон, в том числе известными актрисами. Точно будет жена, теперь уже вдова, Пахомова, удивительно красивая женщина, на уровне голливудской кинодивы. Пахомов был не из тех творческих личностей, которые меняют спутниц жизни как перчатки, он состоял в единственном счастливом браке, женившись молодым начинающим режиссером на уже знаменитой к тому времени артистке. Какое-то время их карьера двигалась с одинаковой скоростью, но вскоре муж взлетел, а жена тоже продолжала активно сниматься, но оказалась слишком правильной и счастливой женщиной, чтобы сделаться народной любимицей.

Потом, наверняка будут ее подруги, придут артистки, которых Пахомов сделал звездами, в общем, сливки сливок.

Хорошо, что Саня считает, что она... ну, скажем, не затеряется на этом фоне.

Ольга вышла в ванную и внимательно посмотрела в зеркало. Если Саня страшненький, но обаятельный, то у нее ровно наоборот. Она красивая женщина с правильными чертами лица, высокими скулами и большими глазами, и фигура неплохая, только у нее было очень мало поклонников. Пожалуй, меньше, чем у любой другой ее подружки. Мама говорила, это потому, что она несовременная, ее классическая красота не соответствует нынешней вульгарной моде, а главное, мужчин отпугивает ее ум, сила воли и решительность. Они чувствуют эти качества и боятся их как черт ладана.

Ольга вздохнула. Надо признаться, что она вышла замуж не потому, что была сильно влюблена, а в основном из страха остаться одной. Борис оказался единственным, кто за ней серьезно ухаживал и позвал замуж, и Ольга, уже побывавшая на свадьбах всех подруг, решила, что он хороший человек и будет прекрасным мужем. Негодяй просто не может влюбиться так сильно, как он.

Страх одиночества окутывал сознание, как туман, услужливо затягивая

все то, что Ольга не хотела видеть. Робость, пустозвонство и нерешительность Бориса воспринимались как интеллигентность. Просто он не какой-то нахрапистый мужлан, а человек нашего круга. К сожалению, даже самый густой туман неспособен был скрыть тот факт, что Борис не слишком умен. Но тут неожиданно за избранника заступилась мама. Она сказала, что это не жених глуп, а сама Ольга обладает слишком высоким интеллектом, и потом, для мужчины глупость – не такой уж большой грех.

Главное, было приятно, что он влюблен сильно и самозабвенно, так что на других девушек даже не смотрит, и Ольга уговорила себя, что он ей тоже очень нравится.

Потом она поступила работать в прокуратуру и вынуждена была пахать как лошадь, чтобы доказать, что достойна такого высокого доверия, и муж всегда был рядом, поддерживал ее, и помогал, и защищал, когда мама начинала упрекать, что Ольга совсем забросила хозяйство. А когда у них раз за разом не получалось завести ребенка, он тоже не дрогнул, не убежал от бесплодной жены к какой-нибудь уютной самке.

Ни разу не упрекнул, что она не может забеременеть, наоборот, утешал, что если так ничего и не получится, то они возьмут приемного ребенка и будут счастливы.

Им было хорошо друг с другом и так бы и продлилось до самой их смерти, не встретиться им те гопники на пляже.

Ольга повернулась боком к зеркалу и встопорщила над животом ночную рубашку. Забеременеть бы... Вот что поможет все вернуть и все исправить.

Говорят, женщины глупеют после родов, что ж, это было бы неплохо.

Тут она вспомнила, с каким искренним восторгом Саня воскликнул: «Ну ты мозг!»

Еще бы, она за три секунды решила мучившую его проблему.

Ольга взяла зубную щетку на манер трубки и сделала вид, будто выдохнула дым: «Элементарно, Ватсон!» Стоп, а так ли уж элементарно?

Фельдман без всякого блага поступил в очную аспирантуру, стало быть, интеллект у него реально много выше среднего. В деревне он неполный год – не тот срок, чтобы напрочь пропить мозги, даже если беспробудно пьянствовать все это время.

В плане квалификации обвинения большой разницы нет, убил он Пахомова из чувства обиды за загубленную жизнь или испытывая жгучую неприязнь к его творчеству. Первое даже предпочтительнее, потому что второе можно расценить как хулиганские побуждения, а это уже отягчающее обстоятельство.

Фельдман вполне мог сразу сказать, что собирался просто выложить Пахомову, что накипело на душе, а драка завязалась случайно. Он не принес с собой ни ножа, ни пистолета, так что никто не докажет, что он целенаправленно шел убивать.

Мсть – нормальный человеческий мотив простого убийства, и скрывать его не было смысла. Или Семен Яковлевич от большого ума сам себя перехитрил, решив, что наименее строго у нас наказываются спонтанные убийства без повода?

Ольга прикинула. Допустим, она захочет развестись и всем скажет, что не сошлись характером, а мама ее огорошит сообщением, что знает, как Боря не вступился за нее.

Какова будет ее реакция? Не разыгранная, а первая и непосредственная? Воскликнет она: «Ни фиги себе!»? Очень сомнительно. Покраснеет, смутится, пробормочет: «Ой, а ты откуда знаешь?» – или сразу вскинется: «Это ложь! Не было такого».

«Ни фиги себе!», «Надо же!» – люди восклицают именно в тех случаях, когда им внезапно сообщают какую-то шокирующую и доселе неизвестную информацию.

Ольга хотела позвонить Сане и уточнить в подробностях, что сказал Фельдман на допросе, но, к сожалению, его номер телефона не был у нее записан. Борис не ревновал, но иногда остро реагировал на ее общение с сотрудниками мужского пола, и она старалась пополнять книжку только женскими именами.

Ладно, завтра из кабинета попробуем, но Саня не сидит за столом, а целыми днями носится по городу. Как его ловить?

Ольга присела на край ванны: «Дедукция, дорогой Ватсон». А каковы вообще были шансы Фельдмана узнать правду о роли Пахомова в его отчислении? Трудно представить ситуацию, чтобы тебя вызвал научный руководитель и сказал следующее: «Сеня, ты талантливый парень, но кинорежиссер Пахомов хочет, чтобы я тебя выгнал, а я трус и чмо и не ослушаюсь его ради тебя, поэтому собирай вещички». Нет, официально ему предложили удалиться за пьянство на рабочем месте и антиобщественное поведение и представили это как решение администрации. Когда он обивал пороги больниц, тоже находились формальные поводы отказать в устройстве на работу. Вряд ли кадровики так прямо в лоб сообщали ему, что не берут хорошего врача, потому что боятся гнева кинорежиссера.

О том, что Пахомов является покровителем Полины Поплавской, тоже неизвестно широкой публике. Ольга, например, любила и стихи первой, и фильмы второго, но о том, что эти люди как-то связаны, не знала. Саня

установил это оперативным путем, и то не вдруг. Поэтому Фельдман вполне мог не знать, кто именно сыграл зловещую роль в его судьбе. На его месте логичнее было бы затаить злобу на Полину Поплавскую. Она хоть и молодая, но имеет вес в обществе, и обидел Семен Яковлевич ее довольно крепко.

Семен оскорбил Полину, она отомстила, а Пахомов здесь выступил в роли оружия возмездия, как говорится, ничего личного.

Гнев Фельдмана должен был обрушиться на поэтессу, но он первый начал и был перед ней серьезно виноват. Обидно, когда тебя при полном зале тыкают в твой менструальный цикл и заявляют, что у тебя вместо головы кастрюля. Хоть и детский уровень оскорблений, но цепляет крепко.

Хотя не в этом суть. Главное, Фельдман мог действительно не знать о том, что именно Пахомов навлек на него все его беды, но почему-то очень быстро согласился с мотивом убийства, когда его ткнули в него носом.

Пусть так, сказал он, но тогда... Тогда получается, что их связывало что-то другое.

* * *

Будущее рассыпалось, как истлевшая ткань, и каждый новый день, как ветер, уносил остатки надежд. Телефон глухо молчал. Никто больше не осаждал просьбами дать интервью, выступить на праздничном вечере, и из редакции тоже не звонили. Полина вытерпела неделю, набрала номер сама и снова услышала, что Ирмы Борисовны нет. Она попросила передать, чтобы редактор с ней связалась, но невидимая собеседница прервала со смешком: «Ой, я не запомню!» – и бросила трубку. Полина чувствовала – бабы ждут, когда она придет, чтобы сполна насладиться ее унижением.

Подружек, как в приторных советских комедиях, чтобы прибежали и все разрулили, у Полины не было. Эли далеко, и контакт с нею давно потерян, а вообще Полина считала женскую дружбу крайней пошлостью.

Нет подруг, некому познакомить и с молодым человеком, так что Полина осталась совершенно одна и однажды с удивлением поняла, что неделю не говорила ни с кем, кроме домработницы.

Раньше одиночество скрывалось за стеной поклонников и просителей, почему-то считавших, что Полина «протолкнет» их убогую писанину.

«Только если в унитазе застрянет», – усмехалась она про себя, принимая рукописи.

Выкидывать на помойку рука не поднималась, какое-никакое, а живое

слово, и Полина, бывая в редакции, просто подкидывала переданные ей бумаги в общую кучу в отделе рукописей. Пусть у этих людей будет столько же шансов, сколько было у нее до Василия Матвеевича.

Теперь поток просителей вдруг совершенно иссяк.

Новый номер журнала вышел без ее стихов, интервью в «Литературной газете» тоже не появилось, и посвященная ей передача рассказала зрителям о чем-то совсем другом.

Полина исчезла из всех источников массовой информации, только через неделю в «Литературке» на шестнадцатой странице в разделе юмора появился маленький фельетон «Талант под микроскопом», посвященный нелепому раздуванию ничтожной фигуры Полины. Хуже всего было то, что фельетон оказался совсем не смешной, люди не станут обсуждать его, стало быть, и ее имя не упомянут.

Умные люди понимали, что публичная порка только подогреет интерес народа к Полине, а самое лучшее наказание для поэта – это забвение.

Немножко обалдев от одиночества, она позвонила во Дворец пионеров, в клуб «Отвага», сказала, что готова выступить перед детьми. Руководитель обрадовался, а на следующий день перезвонил и промямлил, что до конца четверти расписание очень плотное, лучше созвониться после весенних каникул. Полина разъединилась, едва дослушав. Хоть клуб и назывался «Отвага», руководитель не отважился принять опального поэта.

Нужно было позвонить маме, но, как только Полина тянулась к телефонной трубке, рука тяжелела и отказывалась повиноваться.

Вроде бы она ни при чем, но, к сожалению, не существовало таких ситуаций в жизни, которые мама не могла бы вывернуть так, чтобы Полина не оказалась во всем виноватой.

Умер друг семьи, надо грустить, и все, но мама будет орать так, будто Полина лично изобрела смерть ей назло. Начнется – почему не позвонила сразу, да почему не знала, да как ты не читаешь газет? Вот я по твоей милости единственная, кто не выразил Анечке соболезнования, вечно ты меня позоришь! В общем, рассказывать маме о своих проблемах бесполезно. Сразу начнется лекция, что она такая-эдакая, в общем, не такая, как надо, а в сухом остатке – ноль. Чего от мамы никогда не дождешься, так это помощи.

Нет, нотаций сейчас не хочется. Правда, мама в конце концов рассвирепеет и сама позвонит дочери, но всегда можно наврать про неполадки на телефонном узле, и тогда мама просто процедит сквозь зубы, что хорошая дочь всегда найдет возможность связаться с матерью, а потом уж переключится на смерть Василия Матвеевича.

Время шло, и вскоре Полина обнаружила, что вместе с ним уходят и деньги. Она вообще была довольно равнодушна к материальной стороне жизни, вся эта дрызготня вокруг импортных шмоток и вкусной еды раздражала ее. На хорошей фигуре смотрятся и простые вещи, а без балыка и икры люди не умирают. Став известной поэтессой, Полина как-то незаметно для себя обросла нужными знакомствами, но пользовалась ими, только когда люди сами предлагали. Позвонит директор гастронома, предложит «заказик», она съездит, заберет, но сама просить не станет.

Нет предложений – она и макарон поест, и ширпотреб поносит, ничего страшного. Полина не могла понять, как высокопоставленные чиновники, имея власть и силу, распыляют ее ради куска колбасы и клочка яркой тряпки, словно дрессированные собачки или дурачки.

Власть прекрасна сама по себе, а жажда материального изобилия – удел слабого человека.

Полина легко перенесла отлучение от кормушки, но вскоре ей и в обычный магазин будет не на что пойти.

Гонорары у нее были вполне приличные, и Полина после маминого отъезда денег не считала, хоть из барских замашек имела только одну – часто ездить на такси. Были мысли завести сберкнижку, но это так скучно... И деньги лежали в железной коробочке, она брала оттуда по необходимости и докладывала новые обычно гораздо раньше, чем коробочка пустела.

Больше гонораров не будет, а сами собой денежки в коробке вряд ли заведутся. Надо искать работу.

Сама мысль об этом была ужасна. Просыпаться по будильнику, трястись в давке в метро, терпеть идиотов-сослуживцев и самодуров-начальников... Полина так надеялась, что навсегда избавлена от этой жалкой участи!

Вот скотина Фельдман, не мог подождать со своей мезьей, пока Василий Матвеевич не устроил бы ее на пост главного редактора! А то нечего сказать, отомстил так отомстил!

Размазал ее в сто раз хуже, чем она его, потому что у него хоть дело в руках осталось, со своим дипломом он и на зоне не пропадет, а она кому нужна, студентка Литературного института? Только Пахомов мог пристроить ее на хорошее место, но теперь его нет.

Получается, мама была права, когда требовала от нее получить настоящую специальность? Она хотела, чтобы Полина тоже стала танцовщицей. Телосложение позволяло, но быстро выяснилось, что у нее проблема с координацией. Полина путалась, не могла подружить ноги с

руками, забывала последовательность движений, в общем, не годилась она для балета. Мама страшно переживала и при любом удобном случае напоминала дочери о ее недостатке. А случай удобен был действительно любой. Например, Полина никого не трогала, мирно читала книжку Куприна «Белый пудель», и мама, увидев название, сквозь зубы процедила: «Читай, читай! Как раз тебе полезно при твоей неуклюжести». Полина до сих пор помнила свое недоумение – какая связь?

Отчаявшись сделать из дочки балерину, мама настаивала, чтобы она стала врачом или юристом, в крайнем случае учительницей, то есть получила полезную и нужную профессию, раз уж с балетом не сложилось, но у Полины хватало сил только на то, чтобы писать стихи.

Теперь энергии не осталось даже на это. Полина понимала, что без Пахомова она снова никто, и большую часть времени пребывала в отчаянии, таком глубоком, что боялась заглянуть в эту пропасть. Неужели она сброшена с Олимпа в серое болото ничтожных людишек и больше никогда не выберется? Нет, поверить в это было слишком страшно, и Полина рисовала себе упоительные картины, как все вернет, снова войдет в силу и покажет своим обидчикам, как сильно они ошиблись, посчитав ее сбитой пешкой. Она еще станет королевой, как Алиса в Зазеркалье! В конце концов, она любимая народом поэтесса, и, что важнее, среди ее поклонников много высокопоставленных особ!

В такие моменты гнева и подъема Полина листала записную книжку и перебирала коробку с визитками. Нет, увы, по-настоящему влиятельные люди не спешили делиться с нею контактами. Похвалить, восхититься мимоходом, выдать дежурное «супруга в восторге», вот и все.

На глаза попался аккуратный прямоугольничек. Эту визитку ей дал американский журналист на приеме в Москве с довольно толстым намеком на возможность публикации за рубежом. Самое время позвонить ему. Иностранному гражданину важно одно – ее печатали, а потом перестали, и не станет он раздумывать почему. Молодой голос свободы заглушили, вот почему. Она поддаст в новые стихи антисоветчины, и получится фигура масштаба Солженицына, только Александр Исаевич – неаппетитный мужик с бородой, а она юная хрупкая дева, терзаемая красным драконом. Из нее можно раздуть настоящую сенсацию.

Тут немножко еще пострадает от кровавого режима для убедительности образа – да и уедет. И не только стихи на Западе опубликует, но и кое-что еще. Кое-что такое, что все министерство культуры обосрется вместе с ЦК горячо любимой партии.

Полина усмехнулась, представив, как получает Нобелевскую премию,

а Григорий Андреевич и прочая сволочь захлебываются от зависти.

Она положила визитку журналиста отдельно, чтобы сразу взять, как только решится на звонок. Наверное, связываться с ним из дому все же опасно. Лучше позвонить из телефонной будки, как герой того же Солженицына. Полина вспоминала, как мама с благоговением достала из сумки толстую стопку потрепанных листов. Самиздат, серые буквы на сером фоне, и Полине быстро стало жаль свои глаза. Она вообще рано поняла, что для того, чтобы прослыть культурным и интеллектуальным человеком, главное – восторгаться тем, чем надо, а читать эти «святые» книги в принципе необязательно.

Полина усмехнулась. Неизвестно, о чем там дальше шла речь в эпохальном романе, но в начале книги автор дал совет довольно дельный – не звонить из дома иностранным гражданам. А самое оптимальное – поехать в Москву и там уже подать о себе весточку. Сейчас времена гуманные, за контакт с иностранцем ее никто ни в какие застенки не бросит, но разумная осторожность – залог успеха.

Пересчитав деньги, она решила, что хватит на пару месяцев скромной жизни, но работу надо искать прямо сейчас, пока суровая рука голода не заставит согласиться на первое же предложенное место.

«Ничего, я поднимусь, поднимусь, – шептала она, – и вам тогда не поздоровится».

В коробке нашлась еще одна интересная визитка, простая, чуть помятая, как и ее обладательница, тележурналистка Светлана Кириосова, которую все называли просто Светушка.

Светушка была сорокалетняя сочная эмансипе. Пухленькая, но компактная, в кудряшках и больших очках с дымчатыми стеклами, она одевалась в рамках представлений советского человека о французской богеме: бархатные штаны, большие вязаные шарфы, кепочки и клетчатые пальтишки, а на губах алел вечный колхозный бантик.

Полина быстро уставала от кипучей энергии этой женщины, но пришлось терпеть – Светушка сделала о ней две большие программы. Кажется, она искренне любила Полину и ее творчество, и вообще была добрым человеком, а самое главное, телевидение – это отдельная епархия, у них свой блат и свои авторитеты.

Полина уже протянула руку к телефону, но вспомнила, что Василий Матвеевич говорил: «Хочешь получить отказ – позвони». Действительно, по такому важному делу лучше обращаться лично. Слава богу, Светушка во время съемок первой передачи приглашала в гости, и Полина помнила, где

она живет.

Вечером она, одевшись потеплее, заняла пост возле красной кирпичной высотки, от которой крыльями расходились два длинных дома-корабля.

Во дворе стояло двухэтажное здание стоматологической поликлиники, а дальше до самого горизонта одинаковые серые коробки. Безысходность и тоска.

Сидеть на лавочке возле подъезда, как бабка, было позорно, и Полина гуляла по двору, месила снеговую кашу и курила сигарету за сигаретой. Наконец в арке показалось знакомое пестрое пальто.

– Светлана Васильевна! – Полина бросилась наперерез.

Журналистка остановилась, близоруко щурясь, взгляделась в нее.

– Полиночка, здравствуйте! – произнесла после слишком долгой паузы. – Правду говорят, что Ленинград город маленький.

Она хотела обогнуть Полину, но та заступила дорогу:

– А я к вам, Светлана Васильевна!

– Да?

Полина надеялась, что Светушка позовет ее к себе, но та только отошла с дороги на краешек детской площадки и достала сигареты. Полина услужливо поднесла ей огонюк.

– Слушаю вас.

– Светлана Васильевна, мне бы хотелось работать у вас на телевидении.

– Да что вы? – журналистка усмехнулась.

– Да, помните, вы говорили, что из меня получится хороший журналист?

– Да, что-то такое было, кажется.

– Вот я и подумала, а почему бы и нет? Я оканчиваю Литературный институт...

– Но диплом пока не получили?

– Нет, но разве это важно? Я могла бы начать с маленькой должности...

Светушка широко улыбнулась и мечтательно выпустила дым:

– Похвальное желание и посыл правильный! Вы молодец, Полина!

– Правда?

– Ну конечно! Завтра приходите в отдел кадров, уверена, они вам подберут что-ни- будь.

– А вы не могли бы замолвить за меня словечко?

– О, какая неожиданная просьба! Сама Полина Поплавская просит о

протекции, – Светушка улыбнулась еще шире, – я польщена.

– Светлана Васильевна, пожалуйста! Вы же можете помочь!

– Ну конечно, Полиночка, могу! – Светушка погладила ее по плечу. – Разумеется, могу!

– Спасибо! Я вам так благодарна!

– Боюсь, вы меня не так поняли, Полина. Я могу, но не буду.

– Светлана Васильевна, пожалуйста! Мне не к кому больше обратиться!

Журналистка ухмыльнулась. Качнувшийся под ветром фонарь ярко осветил ее, и Полина вдруг подумала, что никогда раньше не видела у человека такого довольного лица.

– Это ваши проблемы, Полина, не мои.

Полина развернулась и побрела из арки двора на проспект.

Только когда она вошла в вагон метро и двери с протяжным вздохом закрылись за нею, Полина вспомнила, что Светушка, пригласив ее в гости, не только чаю предложила, но еще и всучила ей гениальную повесть своего любимого сыночка. По ее замыслу Полина должна была наизнанку вывернуться и обеспечить публикацию, лучше сразу в виде книги, но на худой конец можно и в журнале.

Полина уж и не помнила, в какую именно кучу она подбросила рукопись юного дарования.

Светка, дрянь, зря на нее злится, а вдруг она действительно положила повесть на стол редактору? Могло ж такое быть, откуда журналистка знает, что не было? Да и времени уже прошло порядочно, рукопись и без ее протекции должны были рассмотреть и связаться с парнем, если бы она представляла хоть мало-мальский интерес. Так что пусть эта дура бесится, что родила бездарного сыночка, а к поэтессе Поплавской какие могут быть претензии?

Полина чувствовала себя героиней сказки про гусей-лебедей, которую ненавидела с детства. Неужели это правда и никто не помогает, пока не унизишься и не послужишься?

Оставался последний вариант, но Полина чувствовала, что лучше умрет от голода, чем к нему прибегнет. Обратиться к отцу? Нет, ни за что, после того как он ее предал. Да он и не может ничего, максимум, устроит библиотекарем, но такую должность она и без него найдет. Ах, если бы он только не развелся с мамой, то был бы сейчас таким же известным и влиятельным, как Василий Матвеевич, а может, и больше.

Тогда, одиннадцать лет назад, они были примерно одинаково знамениты, отец даже чуть больше, потому что снимал комедии,

традиционно любимый народом жанр, в котором создать по-настоящему талантливое произведение сложнее, чем в драме. Фильмы отца делали прекрасные сборы, он готовился получить Государственную премию и вдруг взял и развелся, наивно думая, что мамин отец ему это спустит с рук. Нет, не угадал. Его сняли с картины, к съемкам которой он уже приступил, и больше никогда не допускали к самостоятельной работе. Те две комедии, которые он успел сделать, засунули на самую дальнюю полку и никогда не показывали по телевизору, и постепенно забылось сначала имя режиссера, а потом и его фильмы. Насколько Полине было известно, сейчас отец преподавал в институте киноинженеров. Она не сочувствовала ему, наоборот, было бы гораздо больнее, если бы он добился успеха, а его славой, богатством и властью пользовались его новые дети. «Так тебе и надо, предатель, ушел от нас, живи в говне!» – шептала она. Жестоко? Может быть, но мама вообще желала ему смерти. Единственное, о чем жалела Полина, – это что мамин отец умер пять лет назад и теперь ничем не мог помочь.

* * *

Павел Михайлович не обманул и дал ей именно таких заседателей, как Ирина и просила, мужиков средних лет без особых культурных запросов.

Один из них, по фамилии Бимиц, был мощный дядька лет сорока с лицом как на иконе. Он работал сварщиком на Адмиралтейских верфях, два месяца назад сломал руку, и в народные заседатели его определили до полного восстановления. Ирина быстро поняла, что это человек хороший и положительный, возможно, любит кино, но фетиша себе из него не делает и не считает, что деятели искусств заслуживают какого-то особенного к себе отношения. Скорее он разделяет мнение героя фильма «Берегись автомобиля»: «Насколько бы лучше Ермолова играла вечером, если бы днем она стояла у шлифовального станка!»

Второй заседатель, Кошкин, поначалу показался самым подходящим, но вскоре насторожил. Ему уже перевалило за шестьдесят, бывший кадровый военный, он после отставки преподавал в школе НВП, от такого не ждешь сильной тяги к искусству, но когда Ирина выяснила, что он успел еще повоевать в Великую Отечественную, забеспокоилась.

Пахомов снял большой фильм о войне. Ирина не смотрела его, потому что тяжело видеть, как гибнут люди, но знала, что эта картина считается программной, и, наверное, ветераны благодарны режиссеру, что запечатлел

их подвиг в художественной форме. Могут ли они проявить снисхождение к его убийце?

Ирина сильно сомневалась, что солдафон Кошкин достигнет таких высот гуманизма и беспристрастности. А основной ужас, что он энвэпэшник, то есть какой-никакой, но педагог, а эта категория граждан наименее восприимчива к чужому мнению. До последнего долдонят свое, и хоть ты умри, а ничего не докажешь, пока сверху не спустят методичку, где написано и скреплено печатью, как именно следует думать в данный момент.

Этот человек носил военную форму, говорил «так точно» вместо «да», «никак нет» вместо «нет» и сам себе командовал «отставить!». Ирина еще не слышала от него сакраментальной фразы «можно Машку за ляжку и козу на возу», но чувствовалось, что Кошкин держит ее наготове.

Ирина заметила, что Кошкин общается с Бимицем холодно, даже высокомерно. Неужели антисемит? Тогда это совсем плохо, потому что подсудимый Фельдман стопроцентный еврей, даже по паспорту.

С антисемитским ходом мысли недалеко и до обобщения, что это не человек убил человека, а частный случай общего уничтожения еврейскими русской культуры.

Ирина вздохнула. Одна надежда, что Бимиц не бросит своего. Ох и жаркая ее ждет дискуссия в совещательной комнате!

Как-то другие судьи умеют работать со своими народными заседателями, приструнить их так, что те молчат весь процесс, оправдывая прозвище «киватели», и в совещательной комнате просто подписывают приговор, не читая, да идут домой с чувством исполненного долга. А у нее вечно равные права, как сложный случай, так заседатели лезут, а порой и затеивают собственное расследование. Активную позицию занимают, одним словом.

Попробовали бы они так у той же Демидовой! Ирина с удовольствием бы посмотрела, как им бы морально прилетело наганом по зубам. Пикнуть не смеют у нормальных судей, а у нее вечно демократия какая-то идиотская из-за ее нерешительности и расхлябанности.

Жестче надо быть. Кошкин сунется со своим великим мнением, сразу ему: «Отставить!» или «кругом, шагом марш на три буквы!» В общем, доходчиво и прямолинейно объяснить, кто здесь главный.

Ирина уже знала, какой вынесет приговор. В этом деле нет и не может быть никаких сюрпризов, да и некому их преподносить. Подсудимый написал явку с повинной, в которой вначале умолчал о своих истинных мотивах, но быстро исправился, когда их выяснили стороной. От адвоката

он отказался, что немного настораживает – культурный человек из культурной семьи, да, мать умерла, но должны остаться родственники, готовые помочь. Почему не стали? Наверное, не захотели иметь ничего общего с убийцей или денег пожалели. А Семен Яковлевич решил: зачем, если я и так во всем признался? Не знает известной поговорки, что кто сам себе адвокат, у того в клиентах дурак.

Кажется, что ты очень умный и хладнокровный и великолепно ориентируешься в ситуации, но со стороны всегда виднее. Адвокат нужен, только у Фельдмана не расстрельная статья, и она не может настаивать на участии защитника.

Государственный обвинитель – Ольга Ильинична Маркина. Ирина не вела еще процессов с ее участием, но шапочно была знакома и слышала, что это амбициозная молодая женщина, нацеленная на карьеру.

В таком случае суд над Фельдманом – настоящий подарок судьбы для нее, если им грамотно распорядиться. Ольга будет до последнего сражаться за максимально суровый приговор, чтобы показать известным людям, на что способна.

Ирина задумалась. Нет, трудно представить, что она вытащит на свет какое-нибудь отягчающее обстоятельство. Все козыри сыграли. Остается только обрушивать на граждан тонны патетики, но тут сколько ни старайся, а решение все равно принимает судья.

* * *

Ольга прислушивалась к шуму, доносящемуся из соседнего кабинета, и в конце концов не выдержала, заглянула. Там праздновали раскрытие, а герой дня, Саня Черепанов, который провел опасное задержание, сидел на стуле с запрокинутой головой, прижимая к носу платок, а сверху пачку пельменей.

- Что случилось?
- Нормально, сейчас уймется, – прогнусавил он.
- Тут же картон, низкая теплопроводность. Вы бутылку лучше приложите.
- Водку греть? Оль, да ты что?
- Ольга подошла ближе.
- Вроде на улице остановилось, а как в тепло вошли, сразу опять.
- Ты глотаешь? Сглатывай давай, сглатывай!
- Оль, не переживай. Чай, не в первый раз в табло словил.

Ольга села на подоконник. Кто-то из ребят дал ей стакан, но она покачала головой, сказала, что просто подождет, когда у Сани остановится кровь. Навязывать не стали, но предложили бутерброд с колбасой, вдруг показавшийся Ольге невероятно вкусным.

– Сейчас пройдет, пройдет, – гнусавил Саня.

Она сбегала к себе, взяла полиэтиленовый пакетик, в котором носила обеда, пересыпала туда пельмени из пачки и приложила к Саниной переносице.

– Так лучше?

Он кивнул.

Тем временем мужчины разлили по новой. Дали Сане, но Ольга буквально выхватила стакан из его рук, хотя он и сам, кажется, не слишком был расположен пить.

Минут через десять Саня опустил голову, и кровь сразу потекла по лицу сквозь платок. Ольга сказала, что пора ехать, если они не хотят, чтобы Саня тут умер от кровотечения.

Больница, где работал муж, располагалась в двух станциях метро, и один опер отвез их туда на Саниной машине. Ольга сама не поняла, зачем поехала. Захотелось, что ли, показать ребятам, какой у нее влиятельный муж?

Как только они вышли из машины, опер отдал Сане ключи и куда-то смылся, Ольге пришлось вести его, потому что из-за кровотечения Саня шел с запрокинутой головой и ничего вокруг себя не видел.

Усадив его на скамеечке, она обратилась к медсестрам, но слова «я жена Бориса Маркина» не произвели на них впечатления, Ольге показалось, что они вообще не знают, кто это такой.

Тем не менее ЛОР принял их довольно быстро. Ольга ждала в коридоре возле смотровой, и минут через десять Саня появился с ватно-марлевой нашлепкой на носу. На военной кафедре Ольга изучала сестринское дело и знала, что это называется «працевидная повязка».

– Смейся, паяц, над разбитой любовью! – пропел Саня. – Зачем только я тебя послушал, Оля!

– В смысле? Ты хотел умереть от потери крови?

– А так меня ложат!

– Не ложат, а кладут.

– Не суть.

Ольга вздохнула. Лежать в больнице – удовольствие, конечно, сомнительное, но все-таки лучше, чем на кладбище.

– Набили нос тряпками какими-то до самого мозга, – бурчал Саня, –

чем дышать, фиг его знает теперь. Хоть бы я еще выпил, перед тем как ехать, так нет!

Пришлось проводить его до отделения. Медсестра сказала, что часы приема скоро заканчиваются, но можно успеть в ближайший гастроном за чем-то полужидким и нейтральным. (То есть за пивом, уточнил Саня.)

«Сгорел сарай, гори и хата», – вздохнула Ольга и побежала в магазин, где купила бутылку ацидофилина и три штуки малинового желе, которое очень кстати выбросили в кулинарии, как знали прямо.

Больше в гастрономе не оказалось ничего такого, что можно глотать, не жуя.

Вернувшись, она нашла Саню притихшим и благостным, переодетым в больничную пижамку из фланельки. По-хорошему ему надо лечиться в госпитале МВД, там условия лучше. Еда повкуснее и стены не такие обшарпанные.

В клетчатой фланельке и с нашлепкой на носу Саня казался совсем простым затрапезным мужичком. «Ложат»! Да, во вселенной этого человека ложат и звонют с тубаретки в полувере. Ничего общего у них не может быть, кроме нескольких точек пересечения по работе.

С помощью медсестры Ольга подписала свои покупки и убрала в общий холодильник, стоящий в коридоре. То есть «на калидоре» по терминологии Сани.

Черепанов пошел проводить ее в больничный холл. Киоск «Союзпечати» был уже закрыт, и последние посетители прощались со своими родными возле огромного, на всю стену окна, за которым расплывался синий вечер поздней зимы. В свете фонарей танцевал тяжелый мокрый снег, подтаивали ноздреватые серые сугробы, подернутые вуалью копоты.

– Весна не за горами, – улыбнулся Саня.

Другие, прощаясь, обнимались, и Ольга вдруг тоже решила. Она не знала почему, но ей вдруг на секунду захотелось прикоснуться к мужчине, который сегодня был в бою.

– Ну, поправляйся скорее, – сказала она и потянулась, чтобы поцеловать его в щеку.

Вдруг он отпрянул.

– Ой, извини, извини, – побормотала Ольга, отступая, – не стоило мне...

– Это ты извини...

– Все в порядке.

Она поскорее развернулась и пошла к выходу. Саня, кажется, хотел

остановить ее, но бабка-вахтерша так прикрикнула, что Ольга пулей вылетела на улицу.

Все правильно, нельзя навязывать мужчинам свои ласки, даже невинные. В щечку поцеловать... Она ему кто, мама?

А он кто? Серый скучный человечек, полторы книги за всю жизнь прочел, а кто такой Пахомов, вообще не знал, пока того не убили. Сейчас сел играть в домино с соседями по палате и чувствует себя в родной стихии.

Он настолько из другого мира, что нечего даже переживать, что ее прикосновение показалось ему противным.

Он хороший опер и смелый человек, и это сочетание профессионализма и отваги дает ту энергию, к которой ей так захотелось прикоснуться, вот и все.

И все равно было очень грустно.

Вернувшись домой, она вяло соврала мужу, что задержалась на работе из-за сложного дела, и, понимая, что должна ощущать вину и за ложь, и за тягу к другому мужчине, принялась готовить борщ.

Дело это непростое, требует внимания, и Ольга не услышала телефонного звонка.

– Тебя какой-то мужик, говорит, что по работе, – процедил муж, – скажи ему пожалуйста, что в девять вечера звонить в чужой дом не слишком прилично.

«Ну да, тебе-то по работе никто не звонит», – мысленно огрызнулась Ольга.

– Але, Оль, – услышав в трубке Санин голос, она вздрогнула, – ты извини, что домой, но просто так неловко вышло...

– Я же сказала, все в порядке.

– Оль, я дернулся, потому что у меня из-за этих затычек из пасти разит.

– Что?

– Из рта несет помойкой.

– Это просто показалось... вам.

– Не думаю. Ладно, неважно. Короче, ты меня должна обязательно поцеловать, когда из меня эту гадость вытащат.

Ольга улыбнулась:

– Хорошо, так и сделаю.

– С нетерпением жду.

Тут она заметила, что муж стоит в дверях кухни и, не скрываясь, слушает разговор. Ольга поспешила убрать с лица улыбку.

– Вы считаете, это имеет значение в деле Пахомова? – спросила она.

Дело Пахомова такое важное, что безусловно оправдывает поздние звонки в семейные дома.

– Что? Ах, в этом смысле! – Саня попытался засмеяться, но получилось не очень. – Оль, кстати, если уж зашел у нас такой разговор, то я тебе совету поэтессу тоже вызвать в суд.

– Это еще зачем?

– Подкрепить мотив. Профессор этот крутится, как муха на стекле, я не я и елка не моя, и как смеете вы своим нечистым рылом... Сама, в общем, понимаешь.

– Не очень, честно говоря.

Саня заговорил тоненьким голоском:

– Я уважаемый человек, жизни пачками спасаю, а вы хотите, чтобы я сам на себя клеветал. Ничего не помню, ничего не знаю, пока я тут на ваши идиотские вопросы отвечаю, у меня в клинике уже миллионы вымерли.

– Логично.

– Ну! Следователь его дожал в кабинете один на один, но на суде он вполне может заднюю врубить. Кому охота на весь мир признаваться в лизоблюдстве.

– Никому.

– Вот именно. А если он поплывет, то девка его показания худо-бедно подкрепит.

– Ну не знаю...

– Оль, вызови ее, доставь мне удовольствие.

Пообещав, она разъединилась. Неужели Сане понравилась поэтесса? Лишнее доказательство тому, что противоположности притягиваются.

* * *

Теперь, когда писать стихи не имело большого смысла, Полина долго спала по утрам, просыпалась не раньше одиннадцати и до часа шаталась в ночной рубашке, придумывая, чем бы занять очередной пустой день. Иногда она гуляла по району, разглядывая объявления «требуется», но даже названия специальностей были ей совершенно незнакомы. Какие-то вальцовщики, фрезеровщики – чем вообще занимаются эти люди? Гораздо чаще она проводила время, валяясь на диване и читая. Она и сегодня собиралась этим заняться, как вдруг сообразила, что является студенткой Литературного института, где очень сомнительно, что ее ждет теплый прием после последней эскапады на сессии. Теперь, когда она лишилась

покровителя, ее будут валить жестоко и беспощадно, поэтому, если она не хочет потерять последнее, что еще осталось, нужно приниматься за учебу. Наверстывать упущенное и садиться за курсовик. Полина разложила учебники, потосковала над ними, а потом незаметно для себя увлеклась и не заметила, что наступило три часа дня, а в Петропавловске-Камчатском полночь, как сообщил диктор радио замогильным голосом. Тут позвонили из редакции журнала. Ирма Борисовна медовым голосом заявила, что Полине хорошо бы подъехать, решить один вопросик.

Она тут же подскочила и принялась одеваться. В радостном предвкушении даже губы накрасила, хотя обычно обходилась без косметики.

Сердце пело. Неужели беды позади и люди поняли, что любовь народа к Полине Поплавской важнее, чем ненависть старой ведьмы – жены Пахомова? Неужели до кого-то дошло, что популярность автора важнее связей и личных симпатий-антипатий? Ну, если так, то она им еще припомнит Макаку и все остальное!

В кабинет редакторов Полина вошла с победоносной улыбкой.

– Полиночка, кого я вижу! – воскликнула Ирма Борисовна, а тетки захихикали.

Полина сухо откашлялась:

– Добрый день! Какой вопрос вы хотели бы обсудить?

– А вопросик, Полиночка, вот какой, – редакторша встала и принялась перебирать бумаги на своем столе. Физиономия ее буквально сочилась елеем, – так, где же это у меня... Ах, вот! Мы, дорогая Полиночка, зная ваш крутой нрав, хотели бы лично вернуть вам ваши рукописи, чтобы вы удостоверились, что ничего не пропало и ни одно слово не исправлено. Вот, держите и дальше распоряжайтесь ими по вашему усмотрению.

Полина стояла как громом пораженная, не могла даже поднять руки, чтобы взять у Ирмы листы бумаги, заботливо упакованные в прозрачную папочку.

– Ну что же вы замерли, берите, – ухмылялась редакторша, – и делайте что хотите. Лично я советую повесить в туалете.

Полина выхватила папку, развернулась и выскочила в коридор, стиснув зубы. Нет, она не позволит им дальше наслаждаться своим унижением. Ах, какие суки, специально вызвали ее, чтобы поглумиться! Твари!

Ну ничего, ничего!

Она почти бежала, поэтому до дому добралась очень быстро. На автомате заглянула в почтовый ящик и обнаружила там повестку в суд. Полина сунула ее в карман – сейчас было не до этого.

Войдя в квартиру, она сразу закурила, надеясь хоть так немного успокоиться.

Но рука, держащая сигарету, тряслась, а как только Полина хотела затянуться поглубже, сразу напал кашель.

Какие твари, боже мой! Низкие, тупые гиены, трусливые шакалихи, умеющие нападать только на мертвого врага. И она тоже дура, понадеялась, поверила, хотя прекрасно знает, чего можно ждать от этой публики!

Сигарета подошла к концу, и Полина немедленно ухватила за следующую.

В сущности, ничего не случилось, кроме того, что она напрасно потратила два пятак на дорогу туда и обратно. Как бы эти дуры ни изгалялись, все равно они не смогут не опубликовать ее меньше, чем совсем, а после смерти старого ублюдка ей и без них все пути закрыты. В Советском Союзе да, а вот за рубежом другая ситуация. Там ее примут с распростертыми объятиями. Мама? Так жизнь показала, что чем больше расстояние между ними, тем лучше отношения. Раз в год или два увидятся как-нибудь, а больше и не нужно, разве что мама захочет эмигрировать вместе с нею. Это будет засада, конечно, но, в конце концов, Америка большая, разойдутся.

Зато там она получит настоящее признание!

Полина схватила карточку американского журналиста, выгребла по карманам все серебряные монетки и выбежала на улицу. Через дорогу большая почта, там есть междугородний телефон-автомат, и время уже достаточно позднее, чтобы журналист был дома и по русскому обычаю пил чай с пряниками. Естественно, она не такая дура, чтобы обсуждать важные вопросы по телефону, который сто процентов прослушивается, но напомнит о себе и приедет в Москву хоть завтра. На поезд не достать билеты, а на самолет всегда есть, потому что дорогие, но ради будущих грандиозных перспектив можно потратить лишнюю десятку.

Красно-синие будочки, стоявшие рядом в предбаннике между отделом писем и отделом посылок, стояли пустые, и Полина увидела в этом добрый знак. Накормив автомат пятнадцатикопеечной монеткой, она набрала восьмерку. Часто после этого следуют короткие гудки, но сегодня межгород для нее был свободен. Полина набрала код города – снова свободно. Надо же, сама судьба хочет, чтобы она вырвалась из этого душного совка!

Тщательно сверяясь с карточкой, Полина стала набирать номер журналиста, хоть давно знала его наизусть. На последней цифре дело вдруг застопорилось, палец будто застрял в диске и никак не хотел крутить.

Сердце колотилось где-то у горла, и она стояла как последняя дура, пока из трубки не полетели короткие гудки.

Нет, ну что это! Она смелая и решительная девушка, хозяйка своей судьбы!

Полина стала набирать заново, и опять дело застопорилось на последней цифре.

В конце концов она бросила трубку на рычаг и вышла, забыв монету в прорези автомата.

«Ты такая же трусливая дура, как эти бабы в редакции, – прошипела Полина себе под нос, – один шаг тебе осталось сделать, а ты ссышь!»

Она заглянула в сумочку и обнаружила, что сигарет там нет. Видимо, они остались на кухне.

Полина огляделась. Ларьков было не видно, но возле служебного входа на почту курила старуха в синем рабочем халате. Полина поежилась, представив, как ей должно быть холодно, и подошла стрельнуть сигаретку.

Старуха пожал плечами, но протянула ей пачку «Беломора»:

– Не знаю, дочка, осилишь ли такое.

Полина молча вытянула папиросу. Старуха поднесла огоньку. Спичка уютно горела в ее сложенных лодочкой ладонях.

Дым оказался пронзительно-горьким, и Полина закашлялась.

– Говорю ж, больно крепок.

– Мне просто надо успокоиться.

– Ты, дочка, известие какое получила? Умер кто?

Она энергично помотала головой.

– Хорошо. Ну тогда все наладится помаленьку. А пока держись. И гильзу примни, все оно помягче будет.

– Спасибо.

Со второй затяжки дым показался не таким отвратительным, и Полине подумалось, что курение «Беломора» довольно стильно смотрится со стороны.

Нет, не из страха она не может позвонить журналисту. Это она искусственно взвинчивает ситуацию, набивает себе цену, ах, какая молодец, не испугалась КГБ, прорвалась к свободе сквозь их могучий кордон, но времена сейчас гуманные, никто не станет бросать ее в застенки за один звонок иностранному гражданину. Как бы она ни кокетничала сама с собой, этой угрозы не существует. Максимум, как накажут, – это перекроют дорогу к публикациям в СССР, но после смерти старого гада их и так не будет.

Риск минимален, и дело совсем в другом. Для того успеха, который

ждет ее за рубежом, ей нужно сделать самую малость: предать свою страну. Ну да-да, она скажет только правду и ничего, кроме правды, и все так и есть – свободу слова душат, талантам затыкают рты, предадут забвению за любое слово, расходящееся с линией партии или просто по прихоти влиятельных людей. Она нисколько не погрешит против истины, поведает миру свою настоящую историю, и все равно это будет нехорошо.

Непонятно почему, но нехорошо. Это, наверное, из той же серии необъяснимое чувство, как люди хотят мира, а когда начинается война, все равно идут воевать. Знают, что если никто не пойдет, то и войны не будет, но все равно идут.

Полина затыкнулась довольно глубоко и поймала на себе одобрительный бабкин взгляд. Подмигнув, та выбросила окурок в урну и скрылась за дверьми почты.

Вдруг раздался грохот, и из водосточной трубы прямо под ноги Полине высыпалась целая гряда серого льда.

Совсем скоро наступит весна... Неужели она встретит ее на другой стороне земного шара, если перешагнет этот барьер? Полина усмехнулась. Самой не верится, что у нее в душе есть еще барьеры, которые нужно перешагивать.

Конечно, преодолеет она это досадное препятствие, только это случится не сегодня.

Кто-то оставил в парадном на подоконнике между ее этажом и предыдущим коробку, из которой доносилось слабое мяуканье. Полина заглянула. Там тыкался во все углы серый котенок, совсем маленький, но уже зрячий.

Она поморщилась, потому что не любила кошек. Ничего, по их лестнице живет много народу, обязательно найдется сердобольный человек.

Быстро поднявшись на свой этаж, Полина вошла в квартиру и взглянула на часы. Только восемь вечера, еще не все вернулись с работы, так что точно кто-то возьмет, а если и нет, то она ни в чем не виновата. Пусть совесть мучает тех, кто распихивает котят по чужим парадным, а у нее и без этого есть над чем подумать.

И главная мысль: идти ли в суд?

Вскоре после смерти Пахомова к ней приходил какой-то дальний потомок Чингизхана, представившийся сотрудником уголовного розыска, и выспрашивал насчет дебоша Фельдмана и ее действий по этому поводу.

Что ж, Полина рассказала ему правду, но далеко не всю. В частности,

утаила, что Семен оскорблял ее не просто из пьяного куража.

Она писала стихи с четырнадцати лет, а в пятнадцать стала рассылать их по редакциям. Чаще всего ей вообще не отвечали, но из ленинградского журнала вдруг пришел пространный ответ, в котором редактор писала, что у автора безусловно есть потенциал, но данные стихи совсем незрелые и не годятся к печати. Она советовала автору работать над стилем и над своими эмоциями, учиться более четко понимать собственные мысли и расширять словарный запас, а также искать другие темы для вдохновения, кроме неземной любви. Когда копилка жизненного опыта Полины обогатится важными событиями и глубокими переживаниями, то у нее получатся стихи, способные тронуть сердце читателя, предполагала редактор, а пока она не может предложить материал к публикации, но настоятельно советует автору не прекращать литературных занятий. Письмо было подписано «Наталья Моисеевна Фельдман».

Почему-то этот доброжелательный ответ взбесил Полину больше глухого молчания других редакций. Чем чаще она перечитывала письмо, тем более уязвлял ее снисходительный тон и менторские замечания, ей казалось, Фельдман хочет не поддержать молодое дарование, а повыпендриваться на ее фоне, ощутить свою силу и власть. Да, ты талантливая, а я не желаю тебя печатать и не буду, потому что могу. Лучше поделюсь своими советами, и плевать мне, что ты их не просила!

Полина зачем-то сохранила это письмо и время от времени перечитывала, поэтому ненависть к Наталье Моисеевне не утихла в ней.

Все изменилось в выпускном классе, когда Пахомов взял ее под свое крыло.

Мечта сбылась, на нее обрушилась слава, почести, Полина купалась в них, погружалась с головой, но счастье почему-то не приходило.

В одночасье став знаменитой, Полина осталась самой собой, и это осознание, что в любых обстоятельствах она это все равно она, вызывало грусть и тоску.

Тут обнаружилось, что ее редактор в журнале не кто иная, как Наталья Моисеевна Фельдман, и она совсем забыла про письмо, когда-то отправленное неизвестной девочке.

Полина улыбалась этой худенькой немолодой женщине, слушала ее рассказы про цветы, которые она обожает и выращивает на работе, потому что дома они не растут из-за того, что окна выходят на неправильную сторону, и могла думать только о том, какая перед ней лицемерная сука.

Первые несколько публикаций прошли гладко, а когда настало время готовить новую, Полина бросила на стол Фельдман те самые стихи,

которые редактор в свое время удостоила своим презрением.

Наталья Моисеевна взяла их и отредактировала, и, в общем, это пошло стихам на пользу, но Полину душила обида – почему нельзя было сделать это тогда? Это бы заняло у Фельдман даже меньше времени, чем написание ответа с отказом!

И она взорвалась, при всех швырнула в лицо Наталье Моисеевне то старое письмо.

– Стихи ж незрелые! А теперь резко созрели, значит?

Фельдман пыталась что-то возразить, но Полину занесло. Она заявила, что Наталья Моисеевна видит хорошие стихи, только когда ее носом ткнут влиятельные люди, и сорок лет сидит на одном месте, не поднимая жопы, только для того, чтобы уничтожить талант в любом его проявлении, сама серость и все стремится сделать серостью. И много чего еще обидного наговорила.

Потом ей стало стыдно. Ну как стыдно... Немного неприятно. Все-таки она позволила себе лишнее.

Пока Полина выступала, никто из присутствующих в комнате ее не остановил, та же Ирма Борисовна сидела тихо, как мышка. Наверное, если бы Полину вовремя окоротили, все бы на этом и кончилось, но Наталья Моисеевна не вытерпела публичного унижения со стороны вчерашней школьницы при молчаливом согласии коллектива. Она потребовала от Полины извинений, та отказалась, и тогда от редакторши последовал ультиматум – или Полина больше не печатается в их журнале, или она уходит на пенсию.

Василий Матвеевич советовал ей извиниться, но Полина уперлась. С какой стати? Бабка чуть не загубила ее будущее, ведь если бы не Пахомов, никогда бы мир не узнал Полины Поплавской, за это, что ли, просить прощения?

Если бы Наталья Моисеевна снова отклонила бы стихи, снова назвала бы их незрелыми и попросила другие, Полина слова бы не сказала, она сама понимала, что данные произведения отнюдь не вершина ее творчества, но звонок сверху волшебным образом превращает юношескую пробу пера в шедевр.

Так что Фельдман строит из себя великого редактора и ценителя поэзии, а на самом деле обычная приспособленка, и Полине перед ней извиняться не за что. Пусть сама извиняется, что из-за нее Поплавская начала путь к читателям на два года позже, чем могла.

Она не боялась, что ее не станут печатать в этом журнале – Василий Матвеевич тут же устроил бы ее в другой, и, когда ей позвонил лично

главред, Полина резко оборвала его: «Я попрошу вас не поднимать в разговоре со мной эту тему!»

В итоге Фельдман уволилась, Полине дали нового редактора, и больше проблем не было.

Зато она вкусила сладость мести и наконец познала настоящее счастье.

Насладившись поражением своей обидчицы, Полина о ней совсем забыла, пока медицинский институт не пригласил ее на творческий вечер.

Она сразу обратила внимание на щуплого молодого человека, сверлившего ее необыкновенно страстным взглядом. Полина подумала, что это влюбленный поклонник, но оказалось совсем иначе. Всего лишь пьяный сын Натальи Моисеевны, решивший отплатить унижением за унижение.

Только она отчитала редакторшу за дело и в присутствии пяти сотрудниц, прекрасно понимающих суть конфликта, а Семен оскорбил ее при огромной аудитории и непонятно за что. Это нельзя было оставить безнаказанным, и Полина потребовала у Василия Матвеевича возмездия.

Разумеется, оперативнику она сказала, что просто поплакалась в жилетку старому товарищу отца, который рыцарски опекал их с мамой после развода, а там он уж сам решил, что наглеца надо наказать. Как именно он этого добился, ей неизвестно. Она вообще до смерти Василия Матвеевича понятия не имела, что Семена исключили из аспирантуры, или где он там учился. Зачем Пахомов так хлопотал, если она не просила? Простите, но такой стресс... Я так переживала, что просто заболела, а дядя Вася принял мои страдания близко к сердцу.

Теперь придется эту полуправду повторить на суде. Полина вздохнула. Может, не ходить? Только кто знает, чем это обернется. Скорее всего, сойдет, но вдруг попадется какой-нибудь сумасшедший судья и притащит силой? Лучше не испытывать на себе мощь правоохранительных органов, а сходить в суд и притвориться дурой.

Тяжело вздохнув, Полина налила себе вина и закурила сигарету, после «Беломора» показавшуюся слабой и тошнотой.

Работы нет, публикаций нет и не предвидится, в общем, есть отчего впасть в отчаяние и без судебных проблем. Жизнь ее по сути кончена. Того, о чем страстно мечтала, судьба чуть-чуть дала попробовать на вкус и сразу отобрала навсегда. Немножко приоткрыла дверь, показала, как оно бывает, и тут же захлопнула, прищемив ей нос.

Сбылась бы хоть любовь! Полина отсалютовала бокалом темному окну, будто Кирилл мог видеть ее с той стороны позднего вечера.

Если бы Кирилл был рядом или кто-то другой, похожий на него... Все

было бы иначе, и она наконец перестала бы быть сама собой...

Но нет, она одна против целого мира, который выталкивает ее из себя, как занозу.

Она выпила, но легче не стало. Что-то царапало, теребило душу, не давая забыться в отчаянии и утонуть в жалости к себе.

Что-то неприятное, даже противное.

Полина выглянула на лестницу. Коробка все еще стояла на подоконнике.

Она замерла, так вдруг стало страшно, что она опоздала и сейчас найдет мертвое тельце. Не дыша, Полина спустилась на одну ступеньку и тут услышала слабый писк.

Быстро схватив коробку, она вернулась в дом. Достала котенка, завернула в шарф и положила на диванную подушку.

В холодильнике нашлось немного молока на дне бутылки, и оно, вот удивительно, даже не скисло.

Полина подогрела его, налила в кофейное блюдечко и принесла котенку. Тот стал лакать, бестолково качая головой.

– Маленький пушистый комочек зла, – сказала она строго, – сегодня поночуй, а завтра посмотрим.

* * *

Перед началом процесса Ирина обратилась к своим народным заседателям с речью, в которой призвала их забыть о заслугах великого режиссера и по возможности не смотреть в зал, где наверняка будут известные люди. Судят не человека, а его деяние, и, как бы мы ни любили творчество Пахомова, личность жертвы не может быть отягчающим обстоятельством.

Бимиц с Кошкиным не возражали. До начала процесса над Фельдманом они уже рассмотрели несколько дел, и Ирина была ими очень довольна. Спокойные, в меру любопытные, вежливые – редко так везет с заседателями. Если и были у них какие-то разногласия по политическим вопросам, то они выясняли их за пределами суда.

Ирина хотела подъехать к Кошкину, чтобы приходил в гражданском, а то у нее появлялось чувство, будто она командует трибуналом, а потом постеснялась. Человек заслужил, и весь состав суда выглядит солиднее на фоне его погон и орденов.

За годы судейства она выработала в себе привычку не смотреть в зал и

не видеть лиц родных и близких. Существовал лишь подсудимый, которому она должна назначить максимально справедливое наказание, не поддаваясь эмоциям, поэтому, выходя в зал, Ирина мысленно выстраивала между участниками процесса и публикой полупроницаемое стекло, сквозь которое люди могли ее видеть, а она их – нет.

Но сегодня не удержалась, с любопытством посмотрела на вдову Пахомова, все еще изумительно красивую, несмотря на годы, женщину. Огромные глаза, четкий профиль, ни грамма лишнего веса... А как элегантно она одета в черное, видно, что траур, но без лишней аффектации. Простое глухое платье-футляр чуть ниже колен. Интересно, вдова его специально шила или было в гардеробе? Господи, о чем она только думает, судья, называется! Она имеет право только соболезновать вдове, и то без фанатизма. Мелькнуло еще несколько знакомых по фильмам лиц, но они сидели в середине зала, а рядом с вдовой и дочерью, тоже красивой дамой, но не такой выразительной, как мать, расположились вальяжные мужчины, одетые не просто в импортные шмотки, но по-настоящему элегантно, так что их можно было бы принять за иностранцев. Присутствовали журналисты, в том числе и с телевидения. Что ж, народ вправе знать, как у нас работает правосудие.

Ирина не собиралась выгонять представителей прессы, но специально назначила первое заседание на вечер пятницы: они успеют только на предварительную часть, малоинформативную, но достаточную для бравурных и кровожадных репортажей. Журналисты увидят, что суд – это скучная и кропотливая работа, и на продолжение процесса в понедельник, даст бог, уже не явятся.

В культурном бомонде совершенно терялись близкие подсудимого. Ирина поежилась, представив, что он должен сейчас чувствовать, один несчастный парень против целого зала влиятельных людей.

Тем не менее Фельдман держался спокойно и с достоинством, разве что говорил о своем преступлении слишком гладко, как по книге, но с другой стороны, у него было время подготовиться.

Ирина вздохнула. Жаль, что у нас нельзя заключить сделку с правосудием, как в проклятой Америке. «Виноват?» – «Виноват!» – «Пять лет устроит?» – «Давайте!» – «О'кей, дело закрыто».

Но мы в СССР живем, так что сидите, Ирина Андреевна, до победного конца, исследуйте доказательства того, что вам и так предельно ясно.

Когда Фельдман сказал, что не собирался никого убивать и все вышло случайно, по залу прокатилась волна возмущения, кто-то крикнул: «Хулиганье», вдова поднесла к глазам носовой платок, и вообще публика

как-то вострепнулась, загомонила.

Ирина постучала по столу:

– Товарищи, товарищи! Соблюдайте порядок! Выкрики с мест только мешают отправлению правосудия.

Люди успокоились, но не сразу, только когда она пригрозила выводить нарушителей из зала.

Когда Ирина увидела Поплавскую, самообладание немного ей изменило. Она так надеялась, что Полина не придет, ведь самые унылые обыватели плевали на повестки в суд, а тут целая поэтесса! Ах, не ждала Ирина от нее такой законопослушности!

Интересно, знает ли она, что судья – жена Кирилла?

Ирина поморщилась. Все же Полина – очень красивая девушка, чем-то похожая на молодую Ахматову, а если оденется поярче и откажется от образа утопленницы, то будет просто глаз не оторвать. Но и так, наверное, нравится она мужчинам, томная, загадочная, не то что Ирина – жизнерадостный колобок...

Что чувствовал Кирилл, когда Поплавская вешалась ему на шею?

Да уж, самое время задуматься об этом посреди судебного заседания!

Тряхнув головой, Ирина вернулась к порядку исследования доказательств. Старый врач с работы Фельдмана, приехавший характеризовать личность подсудимого, просил ее дать выступить в самом начале, потому что ему надо вернуться в больницу как можно скорее. Что ж, Ирина не видела причин отказать. Зато Полину она задвинула в самый конец списка свидетелей просто потому, что пока не выступили, свидетели в зал суда не допускаются, зато после дачи показаний – сколько угодно, а Ирина чувствовала, что чем меньше она будет видеть одухотворенное лицо поэтессы, тем лучше.

Что-то подсказывало ей, что Полина не уйдет, а будет сидеть до последнего, смаковать победу над врагом.

Пока решили все процедурные вопросы, рабочий день подошел к концу. Ирине очень хотелось домой, к семье, да и молоко подходило, но врача надо заслушать сегодня.

Оказавшись на свидетельском месте, дед заявил, что Семен Яковлевич – прекрасный специалист, не только эрудированный, но и дисциплинированный и непьющий, что немаловажно. Он – единственный хирург на район, поэтому в любую секунду должен быть доступен и соображать. Опыта маловато, да, но Фельдман за время работы не сделал ни одной существенной ошибки. В общем, местное население молится на молодого специалиста, и если возможно дать ему условное наказание, то

необходимо это сделать не столько из жалости, сколько потому, что работать некому.

– Не знаю прямо, что дальше будет, – развел руками старик, – молодежь в нашу глухомань не едет, а мне помирать пора, в уютном гробике уже лежать, а теперь что я должен делать? Жить, пока он с зоны не откинется, или на каждый аппендицит из могилы вылезать? Так вы уж, товарищи судьи, дайте ему условно. Поверьте, у нас жизнь не многим лучше, чем в лагере.

Старый врач так хорошо отзывался о подсудимом, что Ирина пожалела о своем решении выслушать его в начале. Лучше бы перед прениями, чтобы хорошее впечатление было более свежим.

Может, действительно дать условно? Судья имеет право назначать ниже нижнего. Если он так нужен в этой деревне, почему бы и нет? Друзья и соратники Пахомова будут в ярости, но у них есть возможность обратиться к лучшим докторам при малейшем недомогании, они просто не знают, что такое «нет врача». А деревенские в курсе... Не так давно у нее самой был аппендицит, и Ирина помнила, как плохо себя чувствовала, но ее быстро отвезли на «Скорой помощи» в больницу и сделали операцию, а если бы она заболела, находясь в той глухомани, где имел счастье трудиться Фельдман? Доктора нет, надо ехать за сорок километров в ЦРБ, последний автобус ушел час назад, водитель единственного на деревню автомобиля в дымину пьян, телефон то ли работает, то ли нет, а «Скорая» где-то заблудилась и будет только утром. Может быть. Так что доберется до медицинской помощи она уже с перитонитом.

Получается, она наказывает не только Фельдмана, но и ни в чем не повинных жителей района. Да уж, диалектика...

Ирина хотела уже закрывать заседание, но тут неожиданно вмешался Бимиц:

– У меня вопрос к подсудимому, можно?

– Пожалуйста, – сухо кивнула Ирина и демонстративно взглянула на часы. Может, заседателям торопиться некуда, а у нее полная грудь молока и муж, обалдевший от домашних хлопот.

– Я так понял, что вы должны находиться в пределах видимости даже в нерабочие часы?

– Совершенно верно.

– А если вам куда-то надо?

Семен Яковлевич пожал плечами и сказал, что это согласовывается с главврачом.

– И вы хотите сказать, что поехали просто поговорить с Пахомовым.

– Не просто хочу, а так и сказал.

Бимиц усмехнулся:

– А какая в этом была такая острая необходимость?

– В смысле?

– Почему вдруг надо было сорваться с места и ехать высказывать наболевшее?

– Почему вдруг?

– Не логичнее ли было совместить это с каким-нибудь другим делом в Ленинграде? Если каждая ваша отлучка – это проблема, а вы – дисциплинированный и ответственный врач, то что заставило вас сорваться на ночь глядя?

Ирина заметила, что подсудимый, до этого державшийся спокойно, явно занервничал. Он сцепил руки в замок, захрустел пальцами, потом быстро завел их за спину, сглотнул.

– Ну вот так... – пробормотал он после долгой паузы, – накатило.

– То есть терпели-терпели и внезапно совершенно на ровном месте так возненавидели Пахомова, что наплевали на врачебный долг и помчались выяснять отношения?

– А почему вас это удивляет?

Бимиц пожал могучими плечами:

– Хотя бы потому, что только что я слышал, какой вы ответственный человек.

– И то правда, – встрял Кошкин, – хороший хирург обязан управлять своими эмоциями, а вас товарищ характеризовал именно как хорошего специалиста.

Фельдман махнул рукой:

– Да вам какая разница? Я предупредил акушера-гинеколога, чтоб вы знали.

Кошкин, и так сидевший с идеально прямой спиной, приосанился:

– Вы оставили свой пост! – заявил он с пафосом. – И нам нужно знать, какие причины побудили вас это сделать!

– Никакой не пост, а устная договоренность, – огрызнулся Фельдман, – восьмичасовой рабочий день, на минуточку, никто не отменял, и крепостное право для врачей еще не вернули, по крайней мере официально, так и не смотрите на меня как на дезертира.

– Устная или нет, а раньше вы ее не нарушали.

Фельдман нахмурился:

– Ладно, допустим, в тот вечер показывали кинопанораму про Пахомова, и мне стало обидно... Он там, я здесь. Вы понимаете?

Бимиц с Кошкиным переглянулись и пожали плечами. Ирина спросила, есть ли еще вопросы, и, услышав, что нет, быстро закрыла заседание.

По дороге домой она думала, что Фельдман совершил глупость и Ольга Маркина будет дура, если за это не ухватится, чтобы требовать сурового наказания. Одно дело – просто едешь поговорить, возможно, извиниться и просить, чтобы Пахомов снял свое проклятие, то есть больше не препятствовал трудоустройству в Ленинграде, и совсем другое – когда выясняется, что ты мчался к режиссеру, обуянный яростью и жаждой мести, практически в остром психозе, вызванном созерцанием успеха врага. Тут обвинитель спокойно может настаивать, что товарищ ехал именно убивать.

Весь вопрос, так ли было на самом деле? Похоже, что да. Время старта Фельдмана из деревни примерно совпадает с временем выхода программы в эфир.

Так всегда – терпишь, терпишь, а последней каплей становится какая-нибудь мелочь.

* * *

Полина понимала, что в суде ее ничего хорошего не ждет. Зрелище этого идиота Фельдмана на скамье подсудимых никакого удовольствия не доставит – она достаточно расквиталась с ним, когда заставила Василия Матвеевича разрушить его карьеру, а больше он ничем ее не обижал. Укокошил Пахомова, так туда старому козлу и дорога, и если уж на то пошло, то это Семен может торжествовать над ней, а не она над ним. Фельдман лишил ее покровителя, оставил без будущего, то есть отомстил сполна. Он победил, а что сидит в тюрьме, а она свободна, не меняет положения дел.

Чего она боялась по-настоящему, так это встречи с женой Пахомова и его прихвостнями. Чем ласковее они улыбались ей раньше, тем более презрительные взгляды станут метать теперь.

Представив высокомерную рожу Пахомовой, Полина почти решила никуда не идти, но в последний момент оделась и, оставив Комку Зла блюдечко с молоком и мисочку с куриным фаршем, отправилась в суд.

К счастью, опасения ее оказались напрасны, людям было не до нее. Они наперебой, будто на поминках, выражали соболезнования вдове, выпендривались перед журналистами, а поскольку Полина держалась в

тени, ее никто не заметил.

Немного было неловко, когда проверяли явку свидетелей, но в фокусе всеобщего внимания она оказалась лишь на секунду, а потом ее выдворили из зала, и девушка-секретарь сказала, что сегодня точно не вызовут и до понедельника Полина может быть свободна.

Она сразу уехала домой.

Суд произвел на Полину тяжелое впечатление. Интересно, есть ли среди всей этой толпы хоть один, что искренне переживает утрату? Дочка только если, да и то вряд ли, Василий Матвеевич был не очень внимательным отцом. У жены все силы наверняка уходят на удержание скорбной мины, а ей хочется ликовать и радоваться. Друзья и соратники алчно потирают ручки – умер мастодонт киноискусства, освободив территорию, которую срочно надо поделить.

Только вовсе не это вызывало тоску. Мучителен был вид подсудимого Фельдмана, именно воспоминание о нем не давало Полине покоя. Перед началом заседания к нему подошла женщина, такая же щуплая, как он, и такой же бледно-рыжей масти, наверное, сестра или тетка. Она очень напомнила Полине Наталью Моисеевну, и воспоминание оказалось тяжелым.

Женщина выглядела ужасно: истощенная, осунувшаяся, она суетливо гладила Фельдмана по руке, пока конвоир ее не прогнал. Тогда она съежилась в уголке в первом ряду, поближе к скамье подсудимых, и стала плакать, а остальные демонстративно обходили ее по широкой дуге и не садились рядом, хоть зал был битком набит. Только старый врач ее поддержал.

Полина вдруг почувствовала, что тоже хочет сесть возле этой женщины, но понимала, что та воспримет это как оскорбление. Ведь ничего бы не случилось, если бы не Полина.

То есть абсолютно ничего.

В суде Полина эту мысль прогнала, а дома не удалось, и она почувствовала себя будто голой на морозе.

Комок Зла завозился, запищал, и Полина поскорее отнесла его в туалет, где устроила лоток из старой фотографической кюветы.

«Да ну, ни в чем я не виновата! – отмахнулась она. – Если это у него в крови, так грохнул бы он кого-нибудь другого рано или поздно! Человек просто не умеет держать себя в руках, при чем тут я?»

Но противный внутренний голос шептал, что очень даже при чем. Если бы не она, то Наталья Моисеевна до сих пор работала бы редактором, а Семен – учился в аспирантуре, и эта его тетя или сестра тоже была бы

счастлива и довольна жизнью.

Полина пыталась возражать этому голосу, что она все делала правильно, всего лишь защищалась и воздавала по заслугам. Она никого не обидела просто так, из прихоти, и вообще... Никто не заставлял Наталью Моисеевну увольняться в ответ на справедливую критику Полины. Чуть-чуть резковатую, может быть, но только чуть-чуть.

Или она должна была проглотить оскорбления пьяного Семена? С чего бы вдруг?

Нет, она ни в чем не виновата ни перед кем.

Полина легла на диван. Галопом примчался Комок Зла, его всегда переполняла энергия после того, как сходит в туалет.

Она немного поиграла с ним кисточкой от шторы, потом он погонял по комнате конфетный фантик, а в конце концов запрыгнул ей на грудь и замурчал.

– Ты думаешь, что я хорошая? – спросила Полина. – Но это, кажется, не так.

Она прикрыла глаза, и внезапно всплыло детское воспоминание, такое давнее и зыбкое, что Полина удивилась, откуда оно взялось. Вечер ранней осени, она сидит у папы на коленях и смотрит, как он набрасывает эскизы для своего фильма. Вдруг звонок – это подгулявший друг отца из автомата. Он проспал свою остановку, вышел неизвестно где и спрашивает, как ему выбираться. Папа тогда сказал: «Если ты не знаешь, где находишься, то я не могу подсказать, куда тебе идти».

Потом, кажется, товарищ сориентировался на местности, и папа дал ему маршрут, но суть не в этом.

Кажется, этот незначительный эпизод остался в памяти не случайно. Если не знаешь, где ты есть, то не поймешь, как попасть туда, куда хочешь.

Пока она не узнает, кто она такая, не поймет, как жить дальше.

* * *

Ольга не торопилась домой, сидела в прокурорской, делая вид, что изучает бумаги, пока здание не опустело.

Без людей все стало пустым и гулким, лампы на потолке недружелюбно мигали, а шаги разносились далеко по коридору.

Ольга зашла в туалет и посмотрелась в зеркало. Утром она тщательно подготовилась к процессу, отпарила мундир через влажную тряпочку, сделала прическу и накрутилась, но после долгого рабочего дня выглядела

помятой и уставшей и чувствовала себя такой.

Странный процесс, в нем одновременно все понятно и не ясно абсолютно ничего. Вернее, не так, вздохнула Ольга, убирая уголком носового платка чуть размазавшуюся тушь, мотив известен и подтвержден, и сам по себе убедителен, но в сочетании с личностью подсудимого выглядит совершенно идиотским. Почему у доктора на ровном месте пригорело? Ну посмотрел кинопанораму, так мало ли Пахомова в телевизоре? Как ни включишь, так наткнешься. Или его фильм показывают, или интервью, или молодое дарование сообщит, что обязано мэтру по гроб жизни.

На пороге появилась женщина в синем халате и многозначительно кашлянула.

– Извините, – пробормотала Ольга и побежала одеваться. Действительно, пора уходить, если она не хочет, чтобы ее заперли тут до утра.

Она, конечно, не Чезаре Ломброзо и не умеет по внешности определять, кто хороший, кто плохой, но ей-богу, Семен Яковлевич Фельдман не похож на убийцу-мстителя. Хороший мальчик из хорошей семьи... Кстати, о семье. Почему только сегодня выяснилось, что у него есть старшая сестра? В деле о ней ни единого упоминания, и это странно. Дотошный следователь раскопал истинную причину конфликта с Пахомовым, а о родственниках даже не спросил?

Хотя оно, в общем, и ни к чему. Алиби ему не надо обеспечивать, мотив ясен, зачем дергать родственников, которые и так в стрессе? Маленькая недоработочка, но не повод для замечания следователю. Ольга вышла на улицу. С неба летели мокрые липкие хлопья снега, под ногами – каша, но домой так не хочется, что она все равно пойдет до метро пешком.

Придет поздно и попытается зачать ребенка, и, может, в этот раз все сложится удачно. Ольга не верила в бога, но в последнее время надеялась, что существует какая-нибудь высшая сила, которая сжалится над ней и наконец даст то, чего она так страстно хочет. Знакомые женщины на ушко советовали ей съездить в такой-то монастырь, приложиться к такой-то иконе и приводили примеры, как у пары десять лет не было детей, а как сходили на богомолье, так начали рожать – не могли остановиться.

Ольга сначала смеялась, говорила, что это мракобесие, а теперь, после долгих безуспешных попыток, готова была идти куда угодно, хоть к чудотворной иконе, хоть в крестовый поход.

Сегодня председатель суда поймал ее, завел в уголочек и, ласково улыбаясь, попросил, чтобы она не обижала судью, ибо та – кормящая мать.

Ольга знала, что завидовать нехорошо, но все же тягостно было целый день видеть перед собой женщину, одаренную счастьем материнства. Она притворялась сама перед собой, что искренне рада за судью, а думать могла только об одном – почему Ирине все, а ей – ничего. Чем она хуже?

Ольга злилась и на Ирину, и на себя саму, что не может быть великодушной, и эти противные бесполезные мысли выматывали ее, не давали сосредоточиться на процессе.

Впрочем, какая разница? Ирина Андреевна – судья грамотная, дотошная, и, похоже, материнство не слишком отразилось на ее интеллекте. Вела процесс безупречно, так что Ольга, может, и рада бы придраться, да не к чему. Формальности соблюдены, и это главное. Фельдман что-то темнит, недоговаривает, но это его личное дело. Свое он все равно получит.

Миновав самый ветреный участок пути вдоль набережной, Ольга хотела свернуть на улицу Пестеля, но тут ее неожиданно окликнула какая-то женщина.

Ольга присмотрелась, но в сумерках, сквозь густой снег, лицо было не разглядеть.

– Я сегодня была в суде, – сказала женщина тихо.

Ольга неопределенно кивнула. Сегодня в суде было много народу, и она не запомнила лиц.

Из-за плохой погоды люди шли быстро, почти бежали, толкали их, как досадное препятствие, и женщина сказала «я вас провожу» так уверенно, что Ольга неожиданно для себя согласилась.

Взявшись под руки, как подруги, они быстро зашагали к метро. Ольга искоса поглядывала на свою спутницу. Это была высокая статная женщина, одетая очень просто, но добротна и по погоде. В сумерках и из-за капюшона, надетого поверх вязаной шапки, трудно было понять, молода ли она и красива ли, и это немного тревожило. «Будто с призраком общаешься!» – усмехнулась Ольга.

– Семен ни в чем не виноват, – сказала женщина, и Ольга пожалела, что позволила ей идти рядом. Вдруг сумасшедшая?

Она осторожно высвободила руку.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь нападать на вас, просто такая ситуация... Я хотела дать показания, но Семен категорически запретил мне это делать.

– Послушайте, – Ольга пыталась говорить мягко, – в том, что Фельдман лишил жизни Пахомова, сомнений ни у кого нет. Его чистосердечное признание подкреплено весомыми доказательствами, и он сам ни разу от своих слов не отказался. С этим вы согласны?

– Да, все так, только я знаю очень важную вещь... В частности, почему он понесся к Пахомову на ночь глядя.

– И вы хотите рассказать на суде эту вещь?

– Нет! Да! Не знаю...

Они дошли до арки в высоком сером доме и завернули в нее. Здесь оказалось сухо, ветер не задувал, а над головами покачивался большой чугунный фонарь с молочно-белыми стеклами, но арка освещалась только тусклой лампочкой, горящей над входом в дворницкую.

Женщина подошла к огоньку, сняла капюшон, и Ольга разглядела, что ей лет тридцать с небольшим, и она красива яркой здоровой красотой в духе Нонны Мордюковой.

– Я не знаю, имею ли право говорить публично, после того как Сеня запретил. Может, я его спасу, а он не хочет, чтобы его спасали такой ценой. Ольга Ильинична, я правда не знаю, что делать.

Ольга пожала плечами:

– Разговорчики в подворотне его точно не спасут. Если вы хотите дать официальные показания, вам нужно было идти к следователю...

– Я была.

– И?

– И Семен решил, что лучше пусть будет так, что я не была.

Ольга вздохнула. Ей было жаль эту женщину. Дилемма непростая – сделать так, как я считаю лучше для тебя, или пассивно смотреть, как близкий человек себя губит.

– А ваши показания докажут, что Пахомова убил кто-то другой? – мягко спросила она.

Женщина отрицательно покачала головой:

– Нет, я знаю, что это сделал он.

– Тогда вам лучше исполнить волю вашего товарища. Что бы там у вас ни было, а Семен Яковлевич свое получит. Я вам по секрету скажу, что и так много факторов в его пользу, и я не собираюсь настаивать на максимальном наказании.

Ольга улыбнулась и собралась идти дальше к метро, по возможности одна. Не нужен ей новый свидетель, не заявленный на суд и вообще никак не отмеченный в уголовном деле. Это лишние бумаги, волокита, ну к черту... А если вдруг тетка сообщит что-то реально важное, что перевернет всю концепцию обвинения? Это что ж, на дознание отправлять? И кто получит по мозгам за это? Следователь, конечно, но и ей тоже прилетит. Нет, срывать покровы с тайны нужно до определенного предела.

Получит Фельдман семь лет, освободится через четыре с половиной.

Меньше времени потратит на искупление вины, чем в институте учился.

Женщина вдруг заступила ей дорогу:

– Он поехал к Пахомову, потому что я сказала ему, за что моего мужа перевели в участковые.

– Что, простите?

– Мой муж Феликс Константинович Волков, – сказала женщина с нажимом, – вы его не знаете?

Ольга покачала головой.

– Ну так узнайте у своих товарищей, за что его перевели из оперов в участковые, только аккуратно. Не каждый вам расскажет правду.

Ольга поехала. Похоже, женщина действительно сошла с ума. За что перевели?

Пил беспробудно, да и все, и только параноики видят в этом мировые заговоры и страшные тайны. Может, она и Фельдмана-то не знает, а просто ходит в суд и привязывается ко всем подряд.

Она поскорее вышла из арки на людную улицу. Женщина сказала: «Всего хорошего, в понедельник увидимся!» – и быстро перешла на другую сторону.

Ольга поспешила домой.

Муж встретил ее мрачный и насупленный. Давно уже она не удостаивалась столь грозного приема.

Быстро стянув промокшие сапоги, Ольга в одних чулках побежала в комнату – скорее переодеться в пижамку и натянуть любимые шерстяные носочки.

– Следы же остаются, а мне потом натирать! – буркнул муж, но ей было все равно.

Сам виноват, не захотел покрывать паркет лаком, пусть возится теперь с мастикой.

Ольга и сама любила иногда привязать к ступне специальную щетку и скользить по полу, глядя, как он под ее ногами становится гладким и блестящим, но вообще полотер – мужская профессия.

Передевшись и умывшись, она нырнула под плед и попросила мужа принести чайку. Обычно он с удовольствием выполнял такую просьбу, а сегодня не стал.

– Кто тебе позволял водить своих мужиков в мою больницу? – спросил он, встав посреди комнаты в позе памятника Крузенштерну.

– Не поняла.

– Все ты поняла, не прикидывайся! Мне все рассказали, как ты

притащила какого-то сморчка с носовым кровотечением.

– Ах это! Боречка, этот мужик не мой, а больница, строго говоря, не твоя. Просто у коллеги возникла экстренная ситуация, а я знаю, что у вас хорошие ЛОРы, да и близко.

– Ах так? Значит, о мужике чужом ты подумала, а о родном муже нет!

Ольга не любила пафос, поэтому отвернулась к стене и накрылась с головой, но муж не унимался.

– Оля, я серьезно! Ты что, не понимаешь, в какое положение меня поставила? Все теперь будут говорить, что у моей жены есть любовник, а я даже не смогу с полной уверенностью это отрицать!

– Ну не отрицай, – буркнула она из-под одеяла.

– Ты совсем уже, Оля, распустилась! Не готовишь, шляешься с каким-то отребьем и даже не считаешь нужным мне сообщить... Хоть бы сказала, что ты ездила в больницу, а то мне коллеги докладывают о здоровье моего друга, а я ни сном ни духом! Как это, Оль?

Она вылезла из-под одеяла. Пожалуй, он прав. Никудышная она жена.

– Прости меня, пожалуйста. Вылетело из головы.

– Так вот на будущее, Оля, – Борис возвысил голос до уровня греческой трагедии, – я тебя попрошу не принимать участия в судьбе других мужчин. Я не потерплю, чтобы моя жена шаталась с чужими мужиками!

– Не потерпишь, значит? – Ольга засмеялась. – Прости ради бога, я, видимо, тебя не так поняла, ведь когда другие мужики хотели меня трахнуть на твоих глазах, ты прекрасно это потерпел. Даже не шелохнулся.

– Ты бьешь ниже пояса! Тогда была другая ситуация, и я сто раз объяснял, что невозможно было что-то сделать! – выкрикнул Борис, а Ольга поморщилась от визгливых ноток в его голосе. – Меня бы убили, и все, ты этого хотела?

Она покачала головой:

– Не знаю, Борь. Просто ты сейчас ведешь себя как школьник, которому навалили одноклассники, а он вымещает зло на младшем брате. Ты струсил, что ж, это твой выбор, и я его уважаю, но после этого, согласишься, ты потерял право указывать мне, что ты потерпишь, а чего нет.

– Я действовал как лучше для тебя, потому что если б дернулся, то они бы не только меня убили, но и тебя. Не надо из меня труса делать.

– Ты сам его из себя сделал, так имей хотя бы смелость признаться в этом.

– Не надо разговаривать со мной как на комсомольском собрании!

– А там не самые плохие вещи говорят, – заявила Ольга. И отрезала: –

Все, Боря, разговор окончен.

Но муж долго еще не унимался, разглагольствовал, что не испугался тогда, а проявил тактическую выдержку, которая спасла жизни им обоим, а она просто хочет его унижить, вот и ухватилась за ничтожный повод. Когда он договорился до того, что она специально выставляет его трусом, чтобы путаться с мужиками, Ольга не выдержала.

Она быстро оделась, с омерзением сунула ноги во влажные сапоги и выскочила на улицу, напоследок бросив мужу, чтобы он сам объяснил маме, почему ее дочь ушла из дому.

Квартира принадлежала им с мамой, поэтому уходить следовало Боре, но выставить его за дверь было нереально. Он стал бы упираться, приводить весомые аргументы, привлек бы тяжелую артиллерию в виде мамы, и Ольга оказалась бы истеричной дурой при святом муже, который никогда ее не бросит, несмотря на все гнусные выходы.

Но сейчас она просто физически не могла находиться рядом с ним, видеть его самодовольную физиономию, слушать пафосные речи, которыми он пытался прикрыть свое малодушие.

Впрочем, сейчас ей было неважно, прав он или нет, трус или смельчак, главное, что мерзнуть на холоде в мокрых сапогах лучше, чем сидеть рядом с ним в комфорте и уюте.

Снег перестал, остатки его таяли на проводах и чугунных оградах, ночь сгущалась, а идти было некуда.

Таких подруг, чтобы пустили ночевать, у нее нет, остается вокзал или дежурная часть. Надо куда-то приземлиться, потому что обидно на таком важном процессе подхватить грипп и щеголять перед ленинградским бомондом красным носом и беспрерывным чиханием.

Как жаль, что нельзя поселиться в гостинице! Свободных мест вечно нигде нет, а и были бы – никто не даст ей номер с ленинградской пропиской. Хоть в больницу ложись!

Ольга остановилась, огляделась, долго смотрела на дверь своей парадной. Хорошо бы сейчас Боря побежал за ней и вернул домой! Но нет, зачем ему? Он в тепле и уюте, наверное, рассказал уже маме, как уличил ее с любовником, а она, дура неадекватная, психанула. И мама утешает его, качает головой и вспоминает, каким Оля была трудным ребенком, а минут через десять они начнут придумывать, какие унижительные слова скажут, когда она вернется несолоно хлебавши.

Мама верила гадостям, которые про нее говорили, и спуску дочери не давала никогда. «Зачем людям о тебе лгать?» – вот ее любимый вопрос. И в самом деле, зачем? Все же кристально честные, одна Ольга хитрит и

изворачивается, чтобы не наказали. Но возмездие, оно такое. Оно найдет.

Ольга переступила с ноги на ногу, чувствуя накатившую слабость.

С трудом она доплелась до проспекта и зашла в телефон-автомат. Удивительно, он работал, а в сумке нашлось несколько двушек. Беда только в том, что наизусть она помнила только домашний телефон и рабочие свой, мамы и мужа, а записная книжка осталась дома.

И тут в памяти всплыл еще один номер. Ольга поморщилась. Нет, неудобно, да и не выписали его, наверное, еще...

И все же набрала. Ответили нескоро, когда она уже хотела разъединиться.

– Саня? Это Ольга Маркина.

– Что случилось?

– Прости, что беспокою, но у тебя случайно нет какой-нибудь конспиративной квартиры?

– Зачем?

– Переночевать.

– Ты с любовником, что ли?

– О господи, Сань, нет! Одна.

– Так приезжай. Адрес знаешь?

– Неудобно.

– Приезжай, а там посмотрим, что удобно, а что нет. Возьми такси, я заплачу.

– А тебя уже выписали? – вдруг спросила она.

– Прояви дедукцию, – посоветовал Саня, назвал адрес и разъединился.

Всей душой ощущая глупость и подлость своего поведения, Ольга остановила проезжающее мимо такси и назвала адрес.

Саня встретил ее на углу возле проезда во двор. Он жил на Васильевском острове, возле станции метро «Приморская», в необыкновенно длинном доме, растянувшемся на весь квартал. Ольга не любила современную архитектуру, это нагромождение бетонных коробок, но признавала, что этот дом получился действительно красивым, будто огромный лайнер, стремящийся вдаль, к горизонту. Тут даже пахло морем.

Квартирка оказалась совсем крошечная, с тесной прихожей и низкими потолками, но большие окна создавали ощущение простора, а в целом обычное жилье свободного мужчины, без изысков, но и не запущенное.

Саня с порога сказал, что приготовил ей маленькую комнату, уже постелил там на диване белье, а в ванной повесил свежее полотенце, достал с антресолей тапочки, а из шкафа шикарный махровый халат, который берег для торжественных случаев. Уже поздно, если Оля хочет, то

может прямо сейчас ложиться спать, или он сварит сосиски.

– Мне главное – снять мокрые сапоги. А ты поправился?

– Да вроде да. В общем, давай, располагайся.

Ольга подумала, надевать халат или остаться в уличной одежде. Но Саня вел себя настолько по-дружески, что глупо строить из себя мимозу.

Ее трясло то ли от холода, то ли от нервов, и Ольга быстро приняла горячий душ. Стало чуть легче, и она вышла, плотно закутавшись в халат, а колготки повесила сушиться на батарею так, чтобы они как можно меньше бросались в глаза.

Саня подал ей шерстяные носки:

– Осторожно, они колючие, и я туда еще горчички подсыпал, чтобы ты не заболела.

Ольга надела:

– Тебе, наверное, интересно, почему я попросилась ночевать?

– Интересно, – Черепанов поставил перед ней тарелку с двумя сосисками и кучкой рожков, похожих на овечью шерсть, – но ты не рассказывай.

– Нет?

– Не, Оль, не надо.

– Не буду.

– По две морские капли накатим?

Она пожала плечами.

Саня достал из шкафчика две пузатые рюмки зеленого стекла, из холодильника бутылку «Пшеничной» и налил на доньшко.

– Давай, Оль, чисто для профилактики. Чтобы не заболеть.

Они чокнулись и выпили. Доза действительно оказалась смехотворная, но Ольга, не любившая водку, закашлялась.

– Ты же мне поцелуй еще должна.

– Давай пока отложим.

– Да, я тоже думаю, лучше потом.

– Спасибо, что приютил меня.

– Да господи! Сегодня я тебя выручил, завтра ты меня.

– Вот это вряд ли, – усмехнулась она, – в моем доме тебе не будут рады.

– Ну иначе как-нибудь, не суть.

– Кстати, о доме... Разреши я позвоню?

Ей очень не хотелось слышать голос мужа, но ради мамы необходимо отчитаться, что она в безопасности и все в порядке.

Подошла мама, процедила, что поведение Ольги недопустимо и ей

следует срочно задуматься, как жить дальше, пока не стало поздно, и что, когда Ольга выходила замуж, мама дала себе зарок не вмешиваться в их жизнь, но если дочь позволяет себе совершенно дикие выходки, то сохранять нейтралитет просто невозможно. «Я не в силах спокойно смотреть, как ты сама себя губишь!» – воскликнула мама и разъединилась.

Повесив трубку, Ольга чувствовала себя так, будто таскала мешки с камнями, но это было для нее обычное ощущение.

Пока она звонила, Саня приготовил чай.

Ольга села за стол и улыбнулась. Уютный домовитый мужичок, и не скажешь, что в прыжке вырубает злодеев. После поездки в больницу она не удержалась и как бы невзначай навела справки о Саниной личной жизни у пожилой секретарши, которая любила его, как сына. Оказалось, Черепанов развелся потому, что жена нашла себе иностранца, какого-то то ли шведа, то ли финна, и выскочила за него, как только он позвал. Что ж, трудно осуждать, советский человек будет ли хорошим мужем, еще неизвестно, а иностранец – однозначно билет в другую, сказочно-счастливую жизнь.

Ольга сама в юности мечтала выйти замуж за гражданина капстраны, был такой грех, так что не ей осуждать Санину супругу.

Да и вообще это не ее дело! Она замужняя женщина и просто переживает небольшую семейную бурю у хорошего человека, вот и все.

Чай был еле теплым и сильно отдавал веником, но Ольга выпила полчашки. Ее снова зазнобило, и Саня принес откуда-то оренбургский платок.

– Мамин, – сказал он, накидывая его Ольге на плечи, и она вдруг вспомнила, что точно такой же был на сумасшедшей, которая сегодня приставала к ней.

Надо же, сегодня вечером, а кажется, прошло уже сто лет с тех пор. Что там она говорила? Ольга нахмурилась:

– Сань, а ты не знаешь случайно такого Феликса Константиновича Волкова?

Он отрицательно покачал головой:

– А кто это?

– Опер вроде, который загремел в участковые несколько лет назад.

– Если хочешь, могу поспрашивать.

– Давай на всякий случай.

В домашних делах выходные пролетели как одна минута. Казалось, она закрыла глаза вечером в пятницу, а открыла утром в понедельник и за секунду до пробуждения увидела яркий, суматошный и радостный сон.

Генеральная уборка, стирка, глажка, готовка... Кирилл, оставшись за главного, отлично вел дом, но он был мужчина, а Ирине хотелось максимально облегчить ему участь. Она наварила огромную кастрюлю щей, наvertела голубцов и заморозила большую их часть, напекла пирогов и хотела даже постирать занавески, но Кирилл решительно снял ее со стремянки.

– Угомонись!

Ирина села отдышаться и вдруг сообразила, почему перешла в режим электровеника. Ей элементарно страшно, что Кирилл прекрасно справляется с домашними делами без нее. Она больше не необходима, не незаменима, караул, паника! Жена должна быть важнейшим элементом жизнеобеспечения мужа и ежедневно заслуживать свое место в его жизни. Постоянно доказывать, что она достойна высокого звания супруги.

Обычно, когда муж после работы валится на диван, от жены требуется не так уж и много, но Кирилл своим трудолюбием задрал ей планку слишком высоко.

Как теперь доказывать, что он без нее не обойдется, если они раньше, пока она стояла у плиты, никогда так вкусно не ели? А убираясь, он даже потолки от пыли протер. Потолки!!! Вот каким козырем она сможет это побить, скажите на милость?

Только если снова станет двадцатилетней стройной девушкой, но это невозможно.

– Мне полезно двигаться, – мрачно сказала она, – а то жиртрест, смотреть противно.

– Да ну ты что! Ты, наоборот, такая стала аппетитная.

– Ага, сейчас!

– Нет, правда. Мне так нравится. Лучше, чем раньше. Хотя и раньше тоже было хорошо, а так вообще я в экстазе.

– Ты нагло врешь.

– Лучше, лучше.

Кирилл обнял ее и крепко прижал к себе.

– Не повезло тебе с женой, – вынесла приговор Ирина.

– Так если рассуждать, то мне и с самим собой не повезло, а ты уж точно достойна лучшего мужа, чем поэт-неудачник.

Ирина засмеялась, таким нелепым вдруг показалось ей это «достойна». Супруг – это не приз, не какая-нибудь там премия по итогам

года. Ты человек, и он человек, и вы объединяетесь, чтобы быть вместе, вот и все. Он немножко не такой, как ты хочешь, и ты идеал в его глазах только первые дни после свадьбы. Разочарования неизбежны, и многие ожидания будут обмануты, но надо помнить, что супруг – это единственный человек, который может быть с тобою всегда. Родители уходят, дети вырастают и отдаляются, братья и сестры тоже обзаводятся собственными семьями, и друзья, даже самые близкие, растворяются в прошлом.

У них свои интересы, свои жизни, и встречи становятся все реже, вызывая только светлую ностальгию по ушедшей юности.

Только муж с женой остаются всегда рядом, и боже мой, как глупо разрушать эту чудесную связь предательством и разводом!

Ирина крепче прижалась к Кириллу. Господи, да разве нужно заслуживать эту нежность и теплоту? Заискивать, доказывать, что достойна...

Кирилл много работает, берет левые заказы (о которых ей абсолютно ничего не известно), просто потому, что любит свою семью, и ему нравится, когда у них все есть. А сейчас, сидя с детьми, все делает по дому тоже потому, что ему приятно доставить ей удовольствие, а не для того, чтобы продемонстрировать, какой он идеальный муж, достойный любви и уважения.

Так и ей надо, жить в радости, а не так, будто она все время выступает на соревнованиях, а в голове сидят невидимые судьи, как в фигурном катании, и выставляют: готовка – пять и пять, уборка – четыре, стирка – четыре и пять, внешность – три...

– Я, пожалуй, еще запеканку на ужин сделаю, с изюмом, как вы любите, – сказала она, – хочется вас чем-то побаловать.

Так хорошо было дома, что, открыв глаза утром в понедельник, она изумилась: неужели она и есть тот самый человек, который радовался, что выйдет на работу? Кажется, сейчас все бы отдала, лишь бы остаться дома...

Проклиная рыболовную страсть Иванова с Табидзе и собственную уступчивость, Ирина поднялась с постели, мрачно попила кофейку, накормила Егорку завтраком, отвезла в школу и отправилась на работу, размышляя о том, что громкий процесс, зал набит творческой интеллигенцией, а она в той же самой одежде, что и на прошлом заседании. И прическу не успела сделать, затянула узел на затылке, забыв, какие у нее теперь щеки.

Придя на работу, она зашла в туалет, посмотрела в зеркало и ужаснулась. Больше всего она была похожа на купца из детских книжек, только усиков не хватало. «Ничего, Ирина Андреевна, еще вырастут, какие

ваши годы!» – вздохнула она и достала расческу, хотя без фена и лака для волос тут ничего не исправишь.

Появилась Ольга Маркина, стала поправлять макияж, чуть пострадавший от ненастной погоды.

Подкрасила губы, сложила их бутончиком, потом растянула в улыбке, открыв белые крепкие зубы. Она отражалась в зеркале рядом с Ириной, как эталон, заставляя еще сильнее почувствовать свое убожество.

– Хотите, помогу? – вдруг спросила Ольга. – Причешу вас?

– Даже не знаю...

– Не бойтесь. Долгая практика начесов в пионерском лагере, руки, как говорится, помнят.

Ирина пожала плечами, а Ольга усадила ее на маленькую банкетку, стоящую в углу. Что действительно хорошо было на работе, так это туалет. Большой, просторный, а поскольку коллектив в основном мужской, то обычно тут свободно.

Ольга энергично заработала расческой.

– Знаете, реально хочется дать ему условно, – сказала Ирина, – как подумаешь, что целый район остался без врача...

– Да я бы не возражала, – вдруг выпалила Ольга.

– Вы серьезно?

– Возможно, это самый правильный выход был бы, но вы понимаете, что требовать я такое не могу.

– А я назначить, знаете ли, тоже... Это нужно какое-то очень веское обстоятельство.

Ольга кивнула.

– Ну вот и готово. Как вам? – Она подвела Ирину к зеркалу.

В общем, та же кичка, только гособвинитель начесала ей челку а-ля «вшивый домик», и лицо сразу преобразилось, щеки подобрались, и вся она будто помолодела.

– Отлично! Спасибо вам! – Ирина с чувством пожала Ольге руку. – Буду должна.

– Может, позвонить главврачу, пусть организует коллективное письмо, что они готовы его взять на поруки и перевоспитывать?

Ирина покачала головой:

– Жиденько, да они и не успеют его сегодня подвезти.

– А вы хотите сегодня вынести приговор?

– Ну да, а что тянуть? Дело ясное.

Ольга вдруг помрачнела:

– Да, ясное, – процедила она, – только можно вас попросить, давайте

потянем до завтра?

– Зачем?

– Пожалуйста, прошу вас. Как раз и письмо подоспеет.

Ирина нахмурилась:

– Ольга Ильинична, вы же понимаете, что нельзя давать условное наказание за убийство просто потому, что подсудимый нужен людям? Да, работать некому, но он мог не только сесть, но и заболеть или умереть, и тогда что? Вел бы амбулаторный прием из могилы, как предлагал наш первый свидетель? Увы, жизнь идет своим чередом, как это ни грустно, и незаменимых людей действительно нет.

– Я вас прошу только об одном: давайте сегодня заслушаем свидетелей, а прения и последнее слово подсудимого перенесем на завтра.

Ирина пожала плечами:

– И что это изменит?

– Скорее всего, ничего. Но вдруг...

Просьба гособвинителя показалась Ирине странной. Речь она, что ли, за выходные не подготовила, так есть обеденный перерыв, в который совершенно спокойно можно набросать выступление по такому простому делу. Вероятно, Ольга Ильинична хочет произвести впечатление на публику и произнести спич часа на три в духе адвокатов девятнадцатого века, чтобы это было не формальное выступление в суде, а произведение искусства, исполненное трагизма и апеллирующее к лучшим человеческим чувствам.

Прямо как у Марка Твена козыряние в воскресной школе, они с Егоркой как раз недавно читали. Но с какой стати гособвинитель поддержала идею об условном наказании? В чем подвох?

Условный срок за убийство – от такого предложения у любого прокурора должны уши в трубочку свернуться и повалить дым из ноздрей. Грубейшее отступление не только от буквы, но и от сути, духа закона, Ольга должна была ее сурово отчитать, а она просит затянуть процесс. Глупость какая-то!

Все тут ясно, можно до обеда решить. Дать лет семь, через четыре пусть подает на условно-досрочное. В конце концов, на зонах хорошие доктора тоже нужны, человек будет работать по специальности, да еще и не платить за стол и квартиру, и пользоваться, кстати, всеобщим уважением. Статья у него благородная, врачей зэки не опускают... У Семена Яковлевича есть все шансы после освобождения вернуться к нормальной жизни.

Ирина еще раз полюбовалась на себя в зеркало. Все-таки отличную

прическу сделала ей коварная Ольга, даже настроение поднялось.

Первой выступала жена Пахомова. Она рассказала, что в тот роковой вечер уехала к дочери. Это было спонтанное решение, и они с мужем никому не говорили, что он останется дома один. Визиты к дочери не были регулярными, просто бабушка, когда чувствовала, что сильно соскучилась по внукам, собиралась и ехала. Таким образом, Фельдман никак не мог заранее знать, что Пахомов останется дома один. Около девяти вечера жена позвонила Василию Матвеевичу, он разговаривал с ней совершенно спокойно, поэтому она легла спать и до десяти утра пребывала в счастливом неведении, пока ей не позвонил следователь.

Тут силы изменили вдове, она всхлипнула, закрыла лицо руками, дочь поднесла ей воды и помогла сойти со свидетельского места.

Дальше вызвали, неизвестно зачем, близкого друга Пахомова, кинооператора, работавшего на всех его фильмах. Он рассказал, какой Василий Матвеевич был великий человек, сколько снял прекрасных картин и, главное, имел множество творческих планов, но жизнь его нелепо оборвалась по воле этого негодяя. Этот негодяй сидел понуриив голову и старался не встречаться ни с кем взглядом.

Кинооператор разглагольствовал охотно и со вкусом, заткнуть его удалось с большим трудом.

Ирина вздохнула. Все же правило допрашивать первыми представителей потерпевших гуманно не только для потерпевших, но и для подсудимых. В пятницу старый хирург давал Фельдману прекрасную характеристику, но сегодня она уже забыта. Самоотверженного врача Семена Яковлевича заслонил образ прекрасного семьянина, великого художника и отличного человека Василия Матвеевича Пахомова.

После оператора вызвали профессора Велемирова. Этот упитанный человек в быту был, вероятно, внушителен и величав, но сейчас не скрывал своего раздражения, что его дергают в суд по столь ничтожному поводу.

– Ума не приложу, что вы от меня хотите, – заявил он, – Фельдман давно отчислен, и я не несу за него никакой ответственности.

– Вот об этом мы и хотим узнать, – сказала Ольга, – за что вы отчислили перспективного аспиранта?

Велемиров негодуяще фыркнул:

– Перспективный, скажете тоже! В его собственном воображении если только!

– Однако же Семен Яковлевич справлялся с нагрузкой, вовремя и даже с опережением сдал кандидатский минимум, согласно плану представил обзор литературы, имел нужное количество публикаций, – перечисляла

Ольга, – кроме того, активно выступал на Пироговском обществе, вы доверили ему вести занятия со студентами... Не вижу формальных поводов придаться к работе аспиранта Фельдмана.

– Вот это и плохо, что все у нас формально, для галочки, а в суть дела мы не смотрим, – Велемиров удрученно покачал головой, – к сожалению, документы не всегда отражают истинное положение дел, и я вам даже больше скажу: чем глупее и бесполезнее сотрудник, тем больше порядка у него в бумажках.

– Вот уж что правда, то правда, – буркнул Фельдман с места.

Ирина, с трудом сдержав улыбку, постучала ручкой по столу. Да, тут не возразишь. Когда человек в работе, в деле, то часто забывает про формальности, а у дурака везде подстелена соломка.

– В общем, Фельдман не представлял для кафедры никакой ценности, – заключил Велемиров.

– Как же так? – Ольга широко развела руками. – Не далее как в пятницу мы слышали совершенно другой отзыв от сотрудника Семена Яковлевича, в котором тот характеризовал его как прекрасного и незаменимого специалиста.

Велемиров фыркнул:

– Для сельской больницы – может быть. Но вы меня простите, чтобы заниматься наукой, нужно несколько больше, чем уметь вскрывать гнойники. Другой уровень, понимаете? А до него Фельдман недотягивал.

– Тем не менее вы отчислили его не за академическую неуспеваемость.

– Ну да, его пьяный дебош стал последней каплей.

Ольга улыбнулась:

– Простите, но он находился не на рабочем месте и не в рабочее время. Насколько я знаю, у аспирантов после шестнадцати часов начинается личная жизнь, а проводить свой досуг за распитием спиртных напитков, конечно, не похвально, но законом не запрещено.

Велемиров переступил с ноги на ногу, раздраженно одернул пиджак и нахмурился:

– Он находился в пьяном виде на территории института, а это прямо запрещено нашими правилами внутреннего распорядка! – выкрикнул он. – Он, на минуточку, не просто бесчинствовал в кабаке, а сорвал общеинститутское мероприятие! И я, профессор, уважаемый человек, по-вашему, должен был этим утереться? Сказать, ничего, Сеня, проспись и работай дальше? Так?

– Нет, но существуют другие меры воздействия. Выговор, например. Семен Яковлевич – человек молодой, вы не должны были сразу терять

надежду на его перевоспитание в здоровом коллективе.

– У нас хирургия, а не детский сад! Я не могу, просто не имею права доверять судьбу пациентов неуравновешенному человеку. Сегодня он на концерте напился, а завтра что? На дежурстве?

– Вот когда бы на дежурстве, тогда бы и уволяли, – вдруг заявил Кошкин, – по молодости-то с кем чего не бывало...

– Ну знаете... Когда меня приняли в аспирантуру, я четко понимал, что можно себе позволять, а что нельзя! Это же надо было додуматься – надраться в дым, и в таком свинском виде появиться перед коллегами и наставниками, и куражиться над всеми! Это пощечина кафедре, так что пусть Фельдман скажет спасибо, что не вмешалась комсомольская организация и не исключила его из своих рядов!

Велемиров снова переступил с ноги на ногу и демонстративно посмотрел на часы.

– Может быть, вы колебались, а кто-то рекомендовал отчислить Семена Яковлевича? – спросила Ольга.

– О чем вы?

– Например, Василий Матвеевич Пахомов?

– Боже мой, при чем тут это?

Ирина вмешалась:

– Хочу напомнить, что, стоя на этом месте, вы обязаны говорить правду.

– Возможно.

– Яснее, пожалуйста.

– Смутно припоминаю, что, кажется, Пахомов действительно звонил ректору и высказывал свое возмущение поведением моего аспиранта. Только это никак не повлияло на наше решение.

– А Фельдману вы говорили, что отчислили его по просьбе Пахомова?

– Еще раз повторяю: я сам принял это решение и несколько об этом не жалею.

– То есть от вас Фельдман о роли Пахомова в своей судьбе не слышал?

– Нет, нет и нет!

Тут попросил слова Бимиц:

– А не могли вы ему сказать типа такого, что, Фельдман, ты хороший человек, и я с удовольствием бы тебя оставил, только такие большие люди, например режиссер Пахомов, так настаивают на твоём отчислении, что я совершенно не могу против них пойти?

– Нет, я ничего такого не говорил и вообще с трудом представляю, откуда он это выяснил. Послушайте, я уважаемый человек, поступил

совершенно адекватно и не понимаю, почему должен сейчас отчитываться перед вами, как школьник!

Больше вопросов не возникло. Ирина отпустила уважаемого человека и объявила перерыв пятнадцать минут.

Уходя из зала, она краем глаза заметила, как Велемирова окружили друзья Пахомова, и он, нахохлившись, как петух перед битвой, что-то вещает.

А действительно... Видно, что профессор принадлежит к тому роду уважаемых людей, которые страстно любят угодничать, но терпеть не могут в этом признаваться. Ему важно реноме независимого вершителя судеб, поэтому он так и психовал на свидетельском месте. Информация просочилась через секретаршу ректора, и то в узкие круги, оперативник получил ее в результате благоприятного стечения обстоятельств, а Фельдман как узнал?

Разве что сама Поплавская ему сказала? Судя по выражению ее лица, эта девушка не склонна к всепрощению, могла поизгаляться над поверженным врагом.

– Сурово поступил профессор, но справедливо, – веско сказал Кошкин, доставая из портфеля пакет, аккуратно завернутый в кальку. – Хотите бутербродик?

Ирина отказалась, а Бимиц взял.

– Ой, я вас умоляю, да ни за что в жизни никто никого не отчислит без звонка сверху, тем более за такую ерунду, – фыркнул он, размахивая аккуратно бутербродом с докторской колбасой. – У меня сын врач, и надо вам знать, что это просто животные! Какая им поэзия, боже ты мой! Уверяю вас, что они расцеловать готовы были нашего подсудимого за срыв мероприятия, и никто бы даже не чихнул в его сторону, если бы не вмешался влиятельный человек.

– Пожалуй, вы правы, – протянула Ирина, – теперь осталось доказать, что это было известно нашему подсудимому.

Может быть, и не получится сегодня закончить, вздохнула она. Следствие на радостях, что выявило истинный мотив, немного неграмотно допросило Фельдмана. Просто вывалило ему факты, он подтвердил, и все, а нужно было аккуратно спросить, откуда ему стало все известно, кто сказал, когда, при каких обстоятельствах.

Но, боже мой, зачем те тонкости, когда обвиняемый соглашается со всем, что ему ни скажешь!

Вернувшись в зал, она, прежде чем вызвать Полину Поплавскую, обратилась к Фельдману.

Тот развел руками:

– Да я уж и не помню, кто мне сказал.

– Как же так, Семен Яковлевич? Это же касалось лично вас, а не постороннего человека. Наверняка вы испытали возмущение, негодование, боль – словом, сильные эмоции, когда выяснилось, что ваша карьера рухнула из прихоти Василия Матвеевича Пахомова.

– Допустим, испытал.

– И не запомнили обстоятельства, при которых вам стало это известно?

– А разве это имеет значение?

– Конечно, Семен Яковлевич. Суд должен изучить все обстоятельства, чтобы вынести вам справедливый приговор.

Фельдман опустил глаза:

– Нет, не помню. Велемиров точно мне не говорил, а кто – не помню.

– А когда?

Он пожал плечами.

– Хотя бы до устройства на вашу нынешнюю работу или после.

– Кажется, до.

– Вспоминайте, Семен Яковлевич, – наседала Ирина, потому что запирательство подсудимого выглядело странно. Или ухватись за соломинку и кричи, что ты ничего не знал, претензий к Пахомову не имел и убил его совершенно случайно во время бурной дискуссии о кинематографе, а проклятые менты выбили признание, или, коль скоро признаешь мотив личной неприязни, то спокойно все расскажи. А так ни богу свечка, ни черту кочерга.

– Не беспокойтесь, вы не создадите проблем человеку, от которого узнали, – мягко сказала она, – сплетни у нас не караются законом, иначе все женское население сидело бы в тюрьме.

– Я действительно не помню.

Ирина вздохнула. Что ж... Или от любовницы узнал, или тут какая-то чертовщина, вопрос только в том, стоит ли в ней разбираться или наплевать и, перескочив через эту мелкую шероховатость, пустить дело дальше по заранее намеченной колее?

Если привязываться, то надо вызывать ректора с его секретаршей, потом тех, с кем они поделились, потом вторую волну и так опросить всех сотрудников мединститута. Прекрасный план. Следуя ему, можно изучить механизм распространения слухов, но когда они закончат, Фельдмана придется отпускать в зале суда за отбытием срока.

Да ну его к чертям! Ирина знала, что следователь по делу Фельдмана –

человек душевный, обвинительным уклоном не страдает, Ольга Ильинична тоже относится к парню доброжелательно, сама она судит непредвзято, рот подсудимому не затыкает. Если есть какие-то обстоятельства в его пользу, Семен тысячу раз мог о них заявить. Следовательно, единственное, до чего она может доискаться, это до отягчающих обстоятельств. Надо ей это? Наверное, нет. Первая ходка, явка с повинной, хорошие характеристики... Пусть получает свой семерик. На первый случай вполне достаточно ему.

Пока она думала, в зал принесли телефонограмму. Судебно-медицинского эксперта срочно вызвали на работу, он выехал на труп и присутствовать в суде не сможет.

«А ну и ладно, – вздохнула Ирина, – кто я такая, чтобы противиться судьбе?»

Улыбнувшись Ольге, она объявила, что судебное заседание переносится на завтра. Пусть гособвинитель пишет свою великую речь, а она... А она, пожалуй, ничего не будет делать. Правда, как утопленник, в конце концов всплывает сама.

* * *

В субботу утром позвонила мама, выругала за котенка, которого дочь не имела права заводить без разрешения (лишнее подтверждение, что Зоя Михайловна не только убирает, но и стучит). Полина молчала в трубку, особенно не прислушиваясь, поэтому не сразу уловила, что мама сменила тему и теперь орет на нее за то, что ее вызвали в суд, а мать узнает об этом от сторонних людей.

– Ты понимаешь, какой это позор? Моя дочь в суде!

– Мама, мне пришла официальная повестка.

– Ты должна была отказаться, объяснить, что не имеешь никакого отношения ко всей этой дурно пахнущей истории! Больше не ходи туда, без тебя прекрасно разберутся.

– Но я обязана...

– Ничего они тебе не сделают, в крайнем случае заплатишь штраф. Все лучше, чем стоять там объясняться перед всеми этими плебеями.

– Я должна выполнить свой гражданский долг.

– Господи, Полина, что у тебя в голове творится! Много эта страна для тебя сделала, чтобы ты еще думала о каком-то долге? Короче, я запрещаю тебе туда идти, ты поняла?

– Поняла.

– Вот и все. И выкинь этого помойного кота.

«Ага, сейчас!» – фыркнула Полина.

Как всегда, разговор оставил тяжелый осадок. Рядом ли они были или по разные стороны государственной границы, а всегда выливалось в дилемму – или сделать то, что требует мать, или признать себя отвратительным и неблагодарным исчадием ада.

Полина вытянулась на диване, и Комок Зла сразу подскочил, стал, урча, деловито месить передними лапками ее живот. Полина почесала его за ушком.

Обычный серый в полосочку помойный кот, а может, кошка, она так и не смогла это определить.

– Нет, не выкину тебя, – вздохнула она, – хотя бы потому, что я действительно очень плохая, и надо это признать, а не выпендриваться перед мамой.

Тут до нее дошло, что кота выбросит пятая колонна в лице Зои Михайловны, и Полина прямо в домашней одежде спустилась к ней и потребовала ключи от квартиры.

Состоялся небольшой скандалчик, бабка не хотела отказываться от прибыльной халтурки, и только угроза милицией помогла получить ключи назад.

Весь день Полина прослонялась по дому в серой тоске.

Вчера она полдня просидела в коридоре суда, и никто не подошел за автографом. Ни один человек. Даже заинтересованных взглядов она не заметила, таких, чтобы человек узнал, но постеснялся подойти.

В суде, понятно, атмосфера далеко не поэтическая, мысли людей заняты совсем другим, но для сотрудников вершить чужую судьбу – рутинная работа. Почему ни одна секретарша к ней не подошла?

И больше никогда не подойдет, ибо людская память короткая. Через месяц все забудут, что существовала такая поэтесса Полина Поплавская. Разве что кто-то из самых преданных поклонников подумает: ой, а что это о Полине давно не слышно? Наверное, умерла или спилась, не выдержав быстрого взлета. Поцокает языком, вздохнет об участи скороспелых талантов, да и забудет о ней навсегда.

Она опустилась не просто на дно, а на дно дна.

Надо уезжать за границу, лучше всего в Америку, там ее талант расцветет на свободной земле, а здесь что? Для избранных – горшки с черноземом, а для всех – голый песок. Так что пора брать себя в руки, за выходные написать несколько антисоветских стихотворений, а в понедельник звонить журналисту, и если он не слишком воодушевится, то

намекнуть, что у нее есть материал для книги на одну интересную тему...

Полина села за рабочий стол, но не успела записать удачное словосочетание «кумачовые оковы», как примчался Комок Зла и стал бить лапкой по колпачку ее ручки.

Пришлось оставить творческий процесс и играть с котом в бантик.

Уехать можно налегке, без вещей, но то, что на душе, не оставишь, и прошлое не выбросишь. Пересечение границы не поможет ей родиться заново, только совесть, если она еще осталась, примет новый груз предательства.

Хватит себя обманывать, там ее примут не как поэтессу, а как оружие в холодной войне. Готова она к этому? Ах, хочется, конечно, вскарабкаться на вершину и разом плюнуть на всех... Очень хочется. И она долго еще будет мечтать, как это сделает, но журналисту не позвонит.

В воскресенье до нее вдруг дошло, что она осталась без домработницы и надо убираться самой.

Страшно проклиная себя, Зою Михайловну и даже кота, Полина принялась за дело и неожиданно увлеклась. Включила кассету с Челентано и громко подпевала, хотя знала, что слуха у нее нет и голос противный. Итальянцы – это, конечно, сельпо, примитив и фу-фу-фу для культурных людей. Передовые личности слушают «Металлику», «Лед Зеппелин», в крайнем случае подпольные записи ленинградского рок-клуба, на которых создается впечатление, что исполнители в качестве аккомпанемента пересыпают песок из одного ведра в другое.

Все эти записи у Полины были, но наедине с собой можно ставить то, что нравится.

От монотонной физической работы стало легче на душе, Полина даже постирала и прикинула, не стготовить ли чего-нибудь, но решила, что это будет уже перебор, и поужинала хлебом. Комок Зла получил куриную кнель из кулинарии и остался очень доволен.

«Наверное, это ненормально, что я люблю кота больше, чем людей, – вздохнула Полина, – умиляюсь, как он ест, как лакает молочко... Сколько мы с мамой скандалили, что я не хочу ничего делать по дому, и я даже пальцем не шелохнула, а ради кота – пожалуйста. Играю с ним и не вспоминаю, что разрушила жизнь целой семьи».

Снова навалились тяжелые мысли о Фельдманах. Полина сама до конца не понимала, почему вид сестры Семена так угнетающе подействовал на нее. Она ведь всегда жаждала отомстить своим обидчикам, и не было для нее зрелища слаще, чем вид поверженного врага.

Вот и сейчас надо наслаждаться, радоваться, что семейка получила по

заслугам, а не получается. Что-то грызет, травит душу...

Полина нахмурилась, пытаясь вспомнить, были ли в ее жизни моменты, когда она беззаботно радовалась чему-то радостному. Похоже, что нет. Маленькой она всегда кому-то мешала, всегда «мама устала, а ты кричишь», «как ты смеешь веселиться, когда мама расстроена», «хорошие девочки не смеются таким шуткам». И мир тускнел, выцветал до черно-белого изображения в плохом телевизоре, на которое не очень-то хотелось смотреть.

Она плохо спала и чуть не опоздала в суд, на неловкую встречу с Пахомовой, которая тоже ждала в коридоре своей очереди дать показания.

Вдова окатила ее ледяным взглядом, а проходя мимо, тихо процедила нецензурное слово, но Полина сделала вид, будто не слышит.

Приятель Пахомова тоже принял презрительный вид, и даже профессор из мединститута, хоть был на ее вечере и знал, кто она такая, не соизволил поздороваться с ней, только когда она приблизилась к нему, заявил как бы в пространство, что из-за всяких дурочек дергают в суд порядочных людей.

Полина прогулялась по коридору, посмотрела на набережную сначала из одного окна, потом из другого. Снег еще не растаял полностью, но уже потерял белизну, и мир будто замер перед решительным рывком к весне.

Она волновалась, как перед приемом у зубного врача, хоть в метро тщательно отрепетировала свои показания. Что следователю говорила, то и в суде сообщит, слово в слово.

Поплакалась старому приятелю отца, потому что была шокирована и оскорблена, вот и все. Она поделилась обидой, излила душу, просто хотела, чтобы пожалели, а Василий Матвеевич взял и вмешался. Господи, да в страшном сне ей не могло присниться, к каким последствиям это приведет! В этом месте Полина планировала закатить глаза и всхлипнуть.

Ушли давать показания и оператор, и спесивый профессор, а ее все не вызывали. Наконец двери зала отворились, Полина решила, что это за ней, хотела войти, но толпа хлынула ей навстречу. Объявили перерыв.

Люди высыпали на улицу, подышать и перекурить, сбивались в кучки, гомонили, и только сестра Фельдмана стояла одна как прокаженная. Она нервно рылась в сумочке.

Полина подошла, протянула ей пачку «Родопи». Та мрачно взглянула, но сигарету взяла.

Закурили.

– Я хотела бы попросить у вас прощения, – сказала Полина, – мне очень жаль, что из-за меня все так вышло...

– Все еще думаете, что мир крутится вокруг вас? – оборвала ее женщина.

– Но я действительно очень виновата перед вами.

Женщина пожала плечами и глубоко затаилась.

– Что я могу сделать, чтобы искупить... да нет, это вам неважно, – Полина улыбнулась, получилось жалко, – чтобы сделать для вас лучше.

– Ничего вы не можете.

– Но меня ведь еще не вызывали. Скажите, какие лучше показания дать, я дам.

Женщина смотрела на нее, прищурившись.

– Или деньги, – мямлила Полина, – их немного у меня осталось, но на хорошего адвоката должно хватить.

– Послушайте, Полина, вы, конечно, сильно обидели мою мать и сломали жизнь брату, но в том, что он убил эту мразь, вы не виноваты.

– Откуда вы знаете, что он мразь? – вырвалось у нее.

Лицо женщины внезапно дрогнуло, будто рассыпалось.

– А вы что, тоже?

Полина кивнула.

Тут кто-то выглянул из дверей и крикнул, что пора в зал. Женщина выкинула сигарету.

– Мы с вами должны поговорить после заседания, – быстро сказала она, устремляясь к дверям.

* * *

Утром в субботу Ольга позвонила мужу и сказала, что дает ему время до восьми вечера, чтобы убраться из ее квартиры.

– Олечка, ты просто сильно расстроена, а в таком нервном состоянии нельзя принимать важные решения. Ты сейчас не можешь мыслить здраво.

– Почему это?

– Хотя бы потому, что ты ушла из дому на ночь глядя. Разве это поступок адекватного человека? Я понимаю, на тебя столько всего навалилось в последнее время, ты пережила сильное потрясение... Тебе бы отдохнуть, но ты занялась сложным делом, и вполне естественно, что у тебя случился нервный срыв... Олечка, я все понимаю и совершенно не сержусь.

– Тогда собирай вещи и уматывай.

– Когда ты придешь в себя, то сильно пожалеешь об этих словах.

Давай ты вернешься домой, и мы просто обо всем забудем. Я поговорю с твоей мамой, все объясню...

– Да? Прямо все-все?

– Обещаю, что она не будет на тебя сердиться, хоть ты и заставила ее всю ночь переживать.

– Короче, Борис, если в восемь ты еще будешь в моей квартире, то в одну минуту девятого я вызываю милицию. Пусть они тебя провожают по месту прописки, раз ты слов не понимаешь.

– Оля...

– Я все сказала.

Повесив трубку, она прислушалась. В квартире стояла тишина. Неужели Саня еще спит?

Ольга на цыпочках прокралась в ванную, умылась и оделась, а в кухне выяснилось, что предосторожности были напрасны. На столе, придавленная связкой ключей, лежала записка, в которой Саня сообщал, что уехал по делам, а Ольга пусть чувствует себя как дома, а если надо на улицу, то вот ключи.

Ольга усмехнулась. Она не ждала от Сани такой деликатности. Понятно, что никаких срочных дел в субботу утром у него нет, просто взрослым людям всегда неловко впервые просыпаться вместе, даже если между ними ничего и не случилось.

Она тщательно убрала свою постель и вообще проверила, чтобы в квартире Сани не осталось никаких следов ее ночевки. Хотелось сделать что-то хорошее, например прибраться или приготовить Сане полноценный обед, но со стороны это будет выглядеть дешевой попыткой захомутать мужика. Лучше она купит ему коньяк и отдаст вместе с ключами. Да, это задаст их отношениям формат строгого и бесполого служебного товарищества. Вот и отлично.

Приписав к Санину посланию слова благодарности, Ольга ушла и скоротала день на Невском проспекте. Посетила Дом литературного творчества, потом пробежалась по Пассажу и Гостиному Двору, но как назло, ничего не выбросили. Ни одной достойной очереди, чтобы с пользой провести время.

Оставшиеся до часа «X» минуты она добила в Доме книги, откуда тоже ушла без покупок.

Казалось бы, ничего не делала, а устала как собака, и хотелось только одного – упасть в кровать и уснуть.

По дороге домой она пыталась наскрести в себе силы для мощного скандала, но это не потребовалось. Муж собрал вещи и уехал, а дверь

маминой комнаты встретила ее звенящей тишиной.

«Трус, он и есть трус, – ухмыльнулась Ольга, – милиции испугался».

Вспомнив, что целый день ничего не ела, она прошла на кухню и сделала себе пару бутербродов с сыром.

Мама так и не появилась, только ботики в углу под вешалкой указывали на то, что она дома.

Ольга вздохнула. Веселенькая ее ждет жизнь: с одной стороны – развод, с другой – бойкот. Ладно, утопим горе в работе и дома будем только спать.

Она приготовила себе ванну, долго лежала в ней, а когда вышла, мама сквозь зубы процедила, что ей звонил мужчина.

– Кто?

– Какой-то Черепанов.

– Это по работе.

– В десять вечера субботы, ну разумеется!

Ольга потянулась к телефону, но мама вдруг преградила ей путь:

– Опомнись, доченька, что ты творишь!

– Я не хочу это обсуждать.

– Если уж ты завела любовника, то хотя бы умей скрыть это от мужа, а не валяйся с ним открыто, как драная кошка! Нельзя, знаешь ли, думать одними гениталиями!

– Мама, у меня нет любовника, хоть это тебя и не касается.

– Ты моя дочь, и я несу ответственность перед людьми, что воспитала такую шалаву!

Ольга заплакала. Вдруг хлынула наружу боль, будто гнойник вскрылся. Она вернулась в свою комнату, хлопнув дверью, и упала на кровать лицом в подушку.

Надо было отплакать, что счастливая жизнь оказалась жалкой иллюзией, а настоящее проходит мимо и, наверное, никогда ее не коснется, и детей у нее никогда не будет, и останется она совсем одна.

Она не услышала, как мама вошла и села рядом, только вдруг почувствовала на затылке теплую ладонь.

– Все еще можно исправить, – сказала мать непривычно мягко, – просто позвони Борису, и он вернется.

– Откуда ты знаешь?

– Он сам мне сказал. Оля, он прекрасный человек и понимает, как ты издержалась в последнее время, поэтому готов тебя простить.

Она рывком села на кровати, вытерла глаза ладонью и всхлипнула:

– А отчего я издержалась, он тебе случайно не сообщил?

– Ну как же... Ты завела роман на стороне.

– Ах, вот как? А он не уточнил, что это был роман с тремя мужиками сразу и против моего согласия, а он его спокойно созерцал и даже не пытался меня отбить?

– Что? – мать отдернула руку. – Доченька!

– Нет-нет, не волнуйся, мне все же удалось не ответить им взаимностью. Вовремя подросли какие-то ребята и шуганули этих козлов, так что я не пострадала.

Мама порывисто обняла ее и поцеловала в глаза, как в детстве. Ольга положила ей голову на колени.

– И он тебя не защищал?

– Не-а... Стоял, как истукан, хоть штаны не намочил, и на том спасибо.

– Господи... И ты с ним еще пыталась жить после этого?

– Как видишь.

– Себя только ломала под подлеца и труса. Ну все, теперь пусть он только тут появится! Я сама с ним разберусь! – Мама снова обняла ее. – Он быстро сюда дорогу забудет, и ты тоже не думай с ним мириться. И слава богу, что у вас не было детей. От такой слякоти рожать, оно тебе надо, дочка?

– Дети всегда хорошо.

– Мужик должен закалить свои яйца, прежде чем давать потомство!

Ольга засмеялась и тут же снова всхлипнула.

– Мам, а ты почему мне сейчас веришь? Ты же обычно слушаешь всех, кроме меня.

– Оль, а вот как тебе верить, если ты всегда темнишь, вечно скрываешь? Даже сейчас – могла бы сразу все рассказать, а ты столько времени мучилась.

– А надо обязательно душу выворачивать перед тобой, чтобы получить сочувствие? Ты же тоже никогда меня не поддерживала просто так. Сначала надо было к тебе с исповедью прийти, покаяться во всех грехах, которые ты, кстати, далеко не всегда отпускала.

Ольга тут же пожалела о своих словах, думала, мама обидится и уйдет, но она только вздохнула:

– Не знаю, почему так... Наверное, я знала, что мой первый долг – воспитать тебя достойным человеком, и очень боялась не справиться.

– Но теперь-то что выросло, то выросло.

– Правда, Оля. Теперь я могу просто любить тебя. Пойдем чайку попьем?

Они засиделись допоздна, пили чай с конфетами, и мама все

переспрашивала, точно ли Ольга не пострадала от тех гадов, и убеждала, что все наладится, Ольга встретит достойного человека и родит детей, и так хотелось в это верить...

Когда Ольга легла спать, то почувствовала себя так, будто сбросила тяжелый груз, который несла так долго, что успела привыкнуть к его весу.

Чуть царапало по сердцу мамино «теперь я могу просто любить тебя». Почему только теперь, почему не раньше, когда она гораздо больше в этом нуждалась? Мама все делала ради нее, это понятно, но неужели действительно, чтобы стать достойным человеком, надо расти не рядом с родной теплой мамой, а с суровой беспощадной судьей?

Одна за другой всплывали детские обиды, как донный ил во взбудораженной воде. Всплывали и снова уходили на дно памяти. Что было, то было. Мама была другой, и она сама тоже, а теперь они обе изменились, и совсем ни к чему ворошить прошлое.

Как знать, вдруг и правда нельзя человеку купаться в родительской любви? Если бы мама ее баловала, она выросла бы ленивой истеричкой и заплатила бы за счастливое детство всей остальной глупой и бестолковой жизнью.

Ладно, история не знает сослагательного наклонения, главное, что теперь трудная работа по воспитанию позади и они с мамой могут жить в любви и согласии.

Только на пороге сна Ольга вспомнила, что так и не позвонила Сане, но было уже очень поздно, да и лень вылезать из-под одеяла.

Воскресное утро началось с того, что Борис попытался отвоевать прежние рубежи. Он явился без предупреждения и собирался открыть дверь своим ключом. К счастью, мама предусмотрительно заложила ее на крюк.

Ольга хотела прогнать его, но мама отстранила, заявив, что сама будет вести эти сложные переговоры, а дочери лучше удалиться в свою комнату, чтобы не слышать слов, которые детям нельзя употреблять.

Через минуту Ольга поняла, что да, действительно, лучше не слышать, мама неожиданно оказалась просто виртуозом по этой части, и она скрылась в кухне, не желая сковывать творческий полет своей родительницы.

Прикидывая, как отобрать у Бори ключи, не открывая ему двери, она вспомнила о Саниной связке, лежащей в ее сумке, а следом о его вчерашнем звонке.

Ольга набрала его номер:

– Прости, я вчера не ответила. Готова привезти тебе ключи в любое удобное время и место.

– А, это! Оставь пока у себя, мало ли что.

– Спасибо, конечно, но я выгнала мужа...

– Оль, мы с тобой не подружки, – жестко перебил Саня, – просто оставь ключи на всякий пожарный, пока ситуация не устаканится, и все. Я о другом хотел поговорить. Можешь выйти?

Она прислушалась. Мама с Борисом все еще жарко дискутировали через дверь.

– Наверное, могу. Чуть попозже, как горизонт очистится.

– Давай я тогда подъеду к твоему дому через полчаса. Дело очень серьезное, Оля.

Информация, которую сообщил ей Саня, как все в этом деле, одновременно меняла абсолютно все и не меняла ничего. Одно только стало ясно – подстергшая ее в пятницу женщина не сумасшедшая, с ее мужем Феликсом Волковым обошлись чудовищно несправедливо.

Саня провел огромную работу, и теперь дело за ней – решить, стоит ли совать палку в осиное гнездо. Она склонялась к тому, что не стоит. Пахомов мертв, а чернить память покойника можно только в одном случае – когда это спасет живых.

Допустим, она выплеснет на суде правду прямо в лицо холеной вдове и друзьям покойного, как это поможет бедняге Фельдману?

Никак. Он получит срок при любых обстоятельствах, даже если мстил праведно. Самосуд у нас не приветствуется ни в какой форме.

Итак, она обольет грязью светлую память великого человека, погубит собственную карьеру, но при этом нисколько не облегчит участь подсудимого.

Саня сокрушался, что не выяснил это во время расследования, тогда обвинение пошло бы по другому пути, а Ольга думала, что тут нерадивость оперов пошла всем только на пользу.

Когда-то в высших сферах уничтожили прекрасного оперативника Волкова и сейчас ни перед чем не остановились бы. Может, даже удавили несчастного Фельдмана в камере, лишь бы правда не вышла наружу.

Надо отдавать себе отчет: если она только заикнется о том, что узнала, на ее карьере поставят большой и жирный крест. Хорошо, если не уволят, а скорее всего, пошлют в самое отдаленное на карте место, где обитают прокурорские работники. Поедет она служить дальше, чем мотать свой срок Фельдман. Она разводится, значит, не сможет зацепиться за мужа,

чтобы остаться в Ленинграде.

Ольга ворочалась всю ночь, забывалась дурным сном и просыпалась с колотящимся сердцем, но к утру убедила себя, что нужно молчать.

Если бы вопрос стоял об оправдании невинного, тут пришлось бы пожертвовать своей карьерой, но ради лишнего штришка к личности потерпевшего... Вот ей-богу, оно того не стоит!

Она шла в суд с твердым намерением как можно скорее закончить процесс, но вдруг, почти против собственной воли, столкнувшись в туалете с судьей, выторговала отсрочку. Еще одну ночь мучительных размышлений, которые ни к чему не приведут.

* * *

Открыв холодильник, Полина удивилась царящей там пустоте и не сразу сообразила, что теперь некому его заполнять, кроме нее самой.

– Ты видишь, как я страдаю из-за тебя, – сказала она котенку.

Тот уже вполне окреп и смог забраться на книжный шкаф, который еще несколько дней назад ему не поддавался. И теперь сидел там, гордо глядя на хозяйку, мол, должна понимать, кто тут царь. Уверив кота, что понимает, Полина отправилась в магазин. Рабочее время еще не кончилось, очереди не было, и она довольно быстро купила бутылку молока и кусок сыра, а для котенка – брусок льда с вмерзшими в него фрагментами какой-то рыбы. Хотела взять еще сметаны, но выяснилось, что под нее нужно приносить с собой из дому банку.

В мясной отдел Полина даже не заглянула – пала она, конечно, низко, но не настолько, чтобы самой себе готовить.

Понуриив голову, она брела с покупками домой. Оказалось, что она не имеет никакого отношения к смерти Василия Матвеевича и Семен сядет не по ее вине.

Совість должна прыгать от счастья, избавившись от лишнего груза, вот только ей совсем не весело. Наоборот, почему-то стало еще хуже.

– Ты ни при чем, – шептала Полина в такт своим шагам, – ни при чем. Ты злая и испорченная, но некоторые плохие вещи происходят в этом мире не по твоей вине и даже без твоего участия. Просто совпадение, которое ты не могла предотвратить и предвидеть. Живи и радуйся и еще раз поблагодари сестру Семена за правду.

Дома она приготовила коту его любимое лакомство – молочко с булочкой – и поставила вариться рыбу, которая немедленно принялась

адски вонять.

Полина и не думала, что еда может так пахнуть. В детстве она частенько лежала в больницах, нанюхалась там ароматов пищеблока, но эта рыба побилла все рекорды. Фантастическое амбре, но ничего не поделаешь, надо терпеть. Когда позвонили в дверь, Полина решила, что это соседи подтянулись на запах, и открыла, не спросив кто.

На пороге стояла жена Пахомова, а чуть позади нее возвышалась массивная фигура личного водителя.

– Надо поговорить, – процедила она.

– Вас двое, вот и поговорите, – вспомнила Полина старый анекдот и хотела закрыть дверь, но водитель быстро взялся за створку.

– Это в твоих интересах.

– Да неужели?

– Да, Полина. У нас с тобой были разногласия, и мы не могли найти общего языка, что неудивительно, учитывая, как ты себя вела...

Полина снова дернула дверь на себя, и снова безуспешно.

– Давай я все-таки войду. Поверь, я не собираюсь скандалить с тобой, напротив, хочу предложить выгодную сделку.

Полина пожала плечами:

– Ну заходите.

– Подожди меня здесь, – бросила Пахомова водителю, вошла в квартиру и скривилась. – Боже, какой ужасный запах!

– На кухню, пожалуйста, – Полина с удовольствием подумала, что ангорский свитер дамы впитает весь божественный аромат надолго, а если повезет, то и навсегда.

– Полина, тут же просто невозможно дышать!

– Не дышите, это ваше право. Хотя да, нужно свято соблюдать законы гостеприимства, – засмеялась Полина, – секундочку, я сейчас закурю, чтобы вам стало полегче.

Зная, что Пахомова совершенно не выносит табака, она зажгла сигарету, затянулась и выпустила дым прямо ей в лицо.

– Полина, как ты себя ведешь, опомнись! Словно тупая пэтэушница!

В ответ Полина только развела руками.

– Ладно, о твоём воспитании пусть беспокоится твоя мать, а я сразу к делу. Надеюсь, ты пойдешь завтра в суд?

– Не знаю. Скорее нет.

– Действительно, ты честно пришла раз, потом второй, а тебя так и не вызвали. Если они не в состоянии организовать работу, то это уже их проблемы, а не твои. Я даже в чем-то разделяю твое негодование, но лучше

все-таки дать показания.

Полина усмехнулась:

– Лучше кому?

Тут в кастрюле вдруг поднялась шапкой пена и выплеснулась на конфорку, едва не залив газ. Вонь стала оглушительной.

– Боже, что за помои ты готовишь!

– Это рыба. Путассу, кажется, или мойва, или еще какая-то.

– Что, совсем плохи твои дела?

– Смотря с кем сравнивать, – фыркнула Полина, убавляя огонь до минимума. Ну вот, теперь еще и плиту мыть... Брр, отвратительное занятие!

– Не хами мне! Резюмирую – гражданский долг надо исполнять до конца, и ты обязана рассказать в суде, как умоляла Василия Матвеевича отомстить за себя, а потом звонила Фельдману и похвалялась своим высоким покровителем, который Семена в асфальт закатает.

Полина курила в открытую форточку. Что ж... Сестра Фельдмана просила ее сказать примерно то же самое, а раз такая правда нужна людям, то ее показания станут, ну да, не истиной, конечно, но и не совсем лжесвидетельством.

Ложь – это когда на пользу себе, а тут наоборот. Она выставит себя взбалмошной и мстительной особой ради спокойствия других.

– Там нет асфальта, – буркнула она.

– Что?

– Нет асфальта в той дыре, куда Семен загремел по моей милости.

– Сосредоточься, пожалуйста, это в первую очередь в твоих интересах.

«Ну конечно, в моих, поэтому ты ко мне на ночь глядя и приперлась. Господи, какие люди все заботливые, только и делают, что радеют о благе ближнего своего. В твоих интересах, ты должна, ты такая, ты сякая, тебе лучше... А если кто скажет вдруг: я хочу, мне нужно, то сразу фу-фу-фу, изыди, эгоист несчастный. Только на практике эгоист всего лишь играет в открытую, а «самоотверженный помощник» морочит людям голову, чтобы они плясали под его дудку».

– Поверь, тебе действительно стоит поступить именно таким образом, – достав из сумочки пудреницу, Пахомова быстро провела пуховкой по щекам и пристально взгляделась в крохотное зеркальце, – и не только ради памяти Василия Матвеевича, но и ради себя самой.

Полина пожала плечами и пристально уставилась в окно. Вот опять: тебе лучше, ради себя самой... А чего бы честно не признаться: «Полина, моя судьба на волоске! Помогите, пожалуйста!»

Пудреница с треском захлопнулась.

– Детка, – начала Пахомова так проникновенно, что Полина чуть не поперхнулась дымом, – мы с тобой долго враждовали, но теперь нам больше нечего делить, верно?

– Верно.

– Признаю, что я была слишком резка с тобою, Полечка, но все можно исправить.

– Не понимаю, с какой стати я должна наговаривать на себя?

– Дорогая, ну где же тут наговор? Ты – тонкая натура, вот и все. Наоборот, у тебя романтическая роль Елены Прекрасной, и сочувствие людей будет на твоей стороне. Ты можешь даже всплакнуть, сказать, что тебе очень жаль... В общем, зачем мне тебя учить, ты натура творческая, сама придумает. Главное, не говори ничего лишнего.

Полина заглянула в кастрюльку. Рыба побелела, распалась на куски и плавала в какой-то мутной жиже. Просто не верится, что Комок Зла станет это есть, а Пахомова думает, что она для себя варит. Радует, наверное, что Полина совсем обнищала благодаря ее умелым и решительным действиям.

– Например, чего?

Пахомова нахмурилась:

– Ты же умная девушка и понимаешь, что прежде всего это ударит по тебе. Я видела, ты сегодня говорила с этой женщиной... Так вот, я тоже имела с ней беседу, и она ясно дала мне понять, что хочет молчать. Даже Фельдман этого хочет, так что, Полина, если ты скажешь на суде только то, о чем я тебя прошу, ты поступишь хорошо и благородно.

– Это не мой стиль, сами знаете.

– Подумай хотя бы о том, как ты себя опозоришь.

Полина засмеялась:

– Все так, только вы не учли один момент. Мне абсолютно нечего терять.

При этих ее словах вдова Пахомова растянула губы в своей фирменной кинематографической улыбке и протянула к Полине руки так, будто хотела обнять ее:

– Деточка, а я разве не сказала? Вот растяпа! Ну конечно же, мы все тебе вернем! Как только ты дашь нужные показания, достаточно будет нескольких звонков для статус-кво. Сегодня понедельник? Так в следующую среду в «Литературке» выйдет то твое интервью, передача пойдет в эфир, а книга – в набор.

Полина загасила сигарету в пепельнице и выбросила окурок в помойное ведро:

– И вы действительно это сделаете?
– Разумеется. Мне это будет совсем не трудно. Редакторы могут даже покаяться перед тобой, чтобы все было как ты любишь.
– Вы же меня обманете.
– Нет, Полина.
– Бросьте! Услуга, которая уже оказана, ничего не стоит. Я скажу на суде, как вы хотите, а вы потом будете смеяться, как ловко меня обманули, вот и все.

Пахомова задумалась. Полина смотрела, как она сидит, легонько постукивая пальцами по столу, холеная, красивая, уверенная в себе дама.

– Ты можешь придумать сейчас какие-нибудь гарантии для себя?

Полина могла, но знала, что с сильным противником карты лучше до последнего не раскрывать, и сказала, что нет.

– И я не могу. Только, детка, я хорошо разбираюсь в людях и знаю, какое ты злое, мстительное, а главное, умное существо. Мне проще будет сделать несколько звонков, чем ждать от тебя подлого удара исподтишка, который ты обязательно нанесешь.

– Вы мне льстите.

Проводив гостью, Полина выложила рыбу остывать, а сама снова схватилась за сигарету. Черт, жизнь налаживается! Нужно будет всего лишь чуть-чуть соврать, и то не совсем, и по чужой просьбе, и все вернется.

Интересно, что придумают Ирма Борисовна и Григорий Андреевич со своей секретаршей? Как будут унижаться? Наверняка творчески и с огоньком. Ничего, в этот раз она будет великодушной и быстро их простит, заставит ответить только за Макаку.

Из всех ударов судьбы, обрушившихся на нее в последнее время, это прозвище уязвляло больше всего.

Перед Новым годом она купит им маски обезьян и заставит надеть на праздничный вечер. А можно еще карикатуру нарисовать и приклеить на стенде.

Хотя это все бессмысленно. Раз прилипло прозвище, то за глаза ее все равно будут называть Макакой, несмотря ни на какие звонки и распоряжения свыше.

А если Пахомова обманет? Да ради бога! Подлый удар исподтишка не заставит себя долго ждать. Полина ухмыльнулась. Проучить эту стерву будет почти так же приятно, как вернуть себе славу и успех.

Перед началом заседания Ольга, как и вчера, столкнулась с судьей в туалете. Та, видимо, накануне побывала в парикмахерской, потому что на голове красовалась новенькая, волосок к волоску, «улитка», совершенно не сочетающаяся с джинсами.

Ирина Андреевна напевала, подкрашивая ресницы, при виде Ольги широко улыбнулась и спросила, как сегодня настроение у гособвинителя, готова ли она закончить дело если не до обеда, то хотя бы до конца рабочего дня.

– Все зависит от свидетелей, – Ольга заставила себя рассмеяться, – а с моей стороны задержки не будет.

– Хорошо. Я не люблю спешки, но и лишняя волокита тоже ни к чему, согласны?

– Конечно.

Судья стала поправлять свою и так безупречную улитку.

– Мне кажется, поэтесса сегодня не придет.

– Можно понять.

– Как думаете, мы без ее показаний обойдемся?

– Думаю, да, если подсудимый не будет настаивать.

– Вот и отлично. Ольга Ильинична, скажите по секрету, а у вас длинная речь?

Этот вопрос застал Ольгу врасплох, потому что к прениям она не готовилась, думая совсем о другом.

– Нет, – соврала она, – минут на пятнадцать.

– Хорошо. Слушайте, а если мы без перерыва? Часов до трех справимся ведь?

– Наверное.

– И освободимся пораньше.

Ольга усмехнулась:

– Насколько я знаю, рабочее время еще никто не отменял.

– Понимаете, просто я кормлю, так что или мне срываться в обед домой...

– Я вас поняла, – перебила Ольга, – сделаем, как вам удобно.

Она вышла из туалета, с тоской думая, что судья – кормящая мать, ей есть зачем срываться с работы, а вот Ольге спешить некуда.

Семья разрушена, муж ушел, а детей нет и никогда не будет. Карьера – все, что осталось, и черта с два она позволит кому-то ее загубить! Судья права, сейчас нужно собраться с духом, быстро закончить дело Фельдмана, выдохнуть и работать дальше.

Совершенно ни к чему лезть в старые тайны. Когда Борис устроился

на работу в больницу, его часто приглашали на дружеские попойки. Вскоре перестали, но Ольга тогда не придавала этому значения, не подумала, что он невыносим для нормальных людей. Так вот, на одной из таких вечеринок с ней кокетничал молодой эпидемиолог и в числе прочего рассказал об удивительных свойствах блох. Оказывается, они могут столетиями пребывать в засушенном состоянии в пустых домах, но, как только туда заглянет человек, они оживают, прыгают на него и заражают чумой. Возможно, с точки зрения науки это не чистая правда, потому что доктор был сильно навеселе, но главное Ольга поняла – в запертые и заброшенные дома ломиться не нужно.

Саня считал иначе, больше того, не сомневался, что она откроет правду, выволочет ее на свет божий за волосы, как площадную девку, и... И что? Да ничего! Такое называется «нездоровая сенсация». Она не иностранный журналист, гонящийся за чужими постыдными тайнами, а государственный обвинитель, и ее обязанность – обеспечить Фельдману справедливое наказание. Он его получит? Да! А больше она ничего не должна.

Только Ольге почему-то было стыдно объяснить это Сане Черепанову.

Он обещал привести свидетеля, но Ольга не обязана его вызывать для дачи показаний. Если человек примется сам митинговать в зале суда, срывая покровы, то это его личная инициатива, она ни при чем. Напротив, грамотные действия с ее стороны продемонстрируют руководству, что она не теряет головы в экстраординарных ситуациях.

У нее нет высокопоставленных родственников и покровителей, и всем, чего добилась, она обязана самой себе, и только благодаря тому, что не допускала ошибок, с самого начала знала, что идет без всякой страховки. Один неверный шаг – и все. Никто не поддержит, не отмажет, совсем наоборот. Обрадуются, что Ольга Маркина не справилась и освободилось место для кого-то из своих. Так стоит ли спускать в унитаз все свои достижения и перспективы ради правды, от которой никому не станет лучше?

До начала заседания оставалось еще время, и Ольга, накинув пальто, вышла подышать во дворик. Тут и нашел ее Саня.

– Слушай, Оль, – сказал он мрачно, – не придет этот чувак.

Она пожала плечами.

– Вроде вчера такой был боевой, а к утру поостыл малость.

– Я так и думала.

– Сказал, что не готов вслед за Феликсом пополнять славные ряды участковых.

- Сань, это все равно ничего не изменило бы.
- Вот потому ничего и не меняется, что мы так думаем.

Саня раздраженно пнул нарастающий островок снега на газоне, и тот рассыпался белыми осколками.

- А ты сам?
- В смысле?

– Легко, знаешь, быть принципиальным, когда не твоя судьба на кону, а если бы тебе пришлось выбирать, ты точно уверен, что положил бы голову на плаху?

Саня нахмурился и ничего не ответил.

– Вот видишь.

Она вернулась в здание.

Полина Поплавская все-таки пришла, странная сознательность для поэтессы.

– Да, я просила Василия Матвеевича наказать Фельдмана, – сказала она спокойно, – он оскорбил меня и должен был за это ответить.

Судья и народные заседатели переглянулись, наверное, удивились такой бесстыдной откровенности.

– А вы не подумали, что ломаете человеку жизнь? – не удержался Бимиц.

Полина улыбнулась:

– Нет. Мне просто хотелось, чтобы он пострадал как можно больше, вот и все.

– И вам нисколько было его не жаль?

– Нет.

– А сейчас как вы себя чувствуете? – вдруг взвился заседатель Кошкин. – Когда из-за вашего каприза погиб близкий друг вашей семьи? Совесть вас не мучает?

Поплавская холодно улыбнулась:

– Насколько мне известно, я не совершила ничего противозаконного, а моя совесть вас не касается.

Ольга позавидовала железному самообладанию девушки и спросила, говорила ли Полина Фельдману, кому он обязан своим отчислением.

Поплавская налила себе воды из пожелтевшего графина и выпила почти целый стакан.

– Так говорили или нет?

– Возможно. Да, я могла ему сказать.

– Полина Александровна, суду нужно знать, было или не было, а

предположения мы не рассматриваем.

Свидетельница снова стала пить.

– Вспоминайте, пожалуйста, – улыбнулась судья.

– Ну хорошо, кажется, было. Да, кажется, я позвонила ему и сказала, в его возрасте пора понимать, на кого можно тявкать, а на кого нет, и упомянула, что в моей судьбе принимает участие сам Пахомов.

– Полина Александровна, кажется или точно?

– Кажется, точно.

– Свидетель, соберитесь, пожалуйста!

– Точно. Да, так и было. Просто я в тот день слегка выпила, собственно, почему и позвонила.

Ольга выдохнула. Ну вот и все. Мотив доказан железобетонно. Через час приговор, и с плеч долой! Начнутся новые дела, и через неделю она обо всем забудет.

Судья тоже повеселела. Наверное, мысленно уже на пути к своему ребенку.

– У подсудимого есть вопросы к свидетелю?

Фельдман встал:

– Спасибо, нет вопросов. Все так и было.

– Странно, еще вчера вы не помнили, откуда узнали о роли Пахомова в вашей судьбе, – заметил Кошкин.

– А сейчас Полина Александровна сказала, и вспомнил. Что тут удивительного?

– Да много чего.

Судья кашлянула и, видимо, пнула Кошкина, потому что он замолчал.

– Свидетель, вы свободны, – сказала Ирина Андреевна, но Полина осталась стоять.

– Можете идти, – повторила судья.

– Я думаю, необходимо уточнить, почему именно Василий Матвеевич так обо мне заботился, – сказала Полина негромко, – мне кажется, что это важно.

У Ольги екнуло сердце. Сейчас начнется, и она никак не сможет это остановить, ведь нельзя же силой стаскивать человека со свидетельского места!

– Дело в том, что мы с Василием Матвеевичем были любовниками, – сказала Полина.

– Уберите эту дрянь! – вскинулась вдова. – Я не желаю слушать клевету на своего мужа!

Полина переступила с ноги на ногу и крепко ухватилась за бортики

кафедры.

– Порядок в зале! – крикнула судья.

– Не смей тут мести своим поганым языком!

Вдова вскочила, люди в зале заволновались, и Ольга на секунду испугалась, что начнется потасовка, но вдруг поднялся Кошкин:

– Отставить!

Это прозвучало так внушительно, что зрители опустили на места и даже вдову усадили.

– Ти-ши-на! – зычно проскандировал Кошкин.

– За нарушение порядка будем наказывать по закону, – сказала Ирина Андреевна, – невзирая на лица.

На секунду Ольга понадеялась, что судья испугается скандала и прогонит Полину со свидетельского места, но та велела продолжать.

– Уймись, тварь неблагодарная, опомнись! – прошипела вдова.

– Еще один звук, и я буду вынуждена принудительно вывести вас из зала, – сказала судья, – продолжайте, Полина Александровна.

– Много есть слов в русском языке про таких, как я, – вздохнула Полина, – тварь, порченная, растленная, конченная... Все так, все про меня, и я действительно не помню, была ли когда-нибудь хорошей. Но это вам не важно, так что к делу. Василий Матвеевич Пахомов стал моим любовником, когда мне еще не исполнилось тринадцати.

– Ты лжешь!

– Выведите, пожалуйста, гражданку Пахомову из зала, – отчеканила судья.

– Я никуда не выйду! Не позволю, чтобы эта шлюха своим гнусным языком порочила память моего мужа!

– Гражданка Пахомова, мы выслушаем свидетельницу, несмотря на все ваши протесты.

– Тогда я требую закрытого суда!

– Нет, не нужно, – сказала Полина, – со мной все, это ясно, но, может, если я во всем честно признаюсь, это поможет кому-то поступить правильно.

Пахомова картинно прижала к лицу носовой платок:

– Мой муж убит! А вы, вместо того чтобы наказать убийцу, пытаетесь замарать его светлую память! Вы за это ответите!

– Ответим, а пока покиньте зал.

Пахомову вывели. Ольга осмотрелась. После того, что она узнала от Сани, признание Полины не удивило ее, а остальные с трудом держали себя в руках. Бимиц сидел опустив взгляд, Кошкин хмурился, а судья

покраснела и быстро крутила ручку дрожащими пальцами.

Подсудимый сгорбился, смотрел в пол. Все старались смотреть мимо Полины, будто ее не существует. Ольга заставила себя встретиться с нею глазами и улыбнуться.

– Продолжайте, Полина Александровна. Пахомов принудил вас силой?

– Что вы, нет! – свидетельница усмехнулась. – Совсем наоборот. У меня тогда как раз разводились родители, а дядя Вася был такой добрый, такой понимающий... Так поддерживал меня, что я первая в него влюбилась и мечтала, как он тоже полюбит меня. Что ж, полюбил. Два года мы с ним встречались как любовники, а потом я выросла и перестала быть ему интересной. Василий Матвеевич сказал, что у нас слишком большая разница в возрасте, он старьёй, а у меня впереди вся жизнь, поэтому он меня отпускает. Какое-то время я думала, что он действительно бросил меня из любви, поставил мое счастье выше собственного, пока не узнала, что он снимает в новом фильме дочку одной из подруг моей мамы. Я ревновала, поехала к ней, но она радовалась, что получила роль, и не стала меня слушать. Решила, я специально говорю гадости, потому что сама хотела сняться в этом фильме, а меня не взяли. Не поверила мне, и потом для нее все кончилось очень плохо. Она оказалась не такая испорченная, как я, уступила, но не выдержала и покончила с собой, а накануне отправила мне письмо, в котором рассказала все, как было, и благодарила меня за то, что я хотела ее спасти. Хотя в действительности это было не так. Я принесла его сегодня, можете приобщить к делу, если нужно. – Полина достала из сумочки конверт и положила его перед собой. – Вот это письмо.

– Вы тогда никому его не показывали? – спросила Ольга.

– Нет. Я предпочла шантажировать Василия Матвеевича. Мы договорились, что я обо всем молчу, а он обеспечивает мне успех.

Повисла неловкая пауза. Видный мужчина лет шестидесяти, весь процесс просидевший рядом со вдовой, вдруг поднялся и хорошо поставленным голосом заявил, что давно дружит с Василием Матвеевичем и готов присягнуть: все, что он только что услышал, не что иное, как грязная клевета, мерзкие измышления гнусной девки.

– Вас тоже вывести из зала? – спросила судья.

– Я не могу молчать, когда порочат память моего друга!

– Заявляйте ходатайство на мое имя, а с места кричать не нужно.

Полина Александровна, вы что-то еще хотите нам сообщить?

– Это все.

– У государственного обвинителя есть вопросы?

Чтобы скрыть замешательство, Ольга налила себе воды. Надо сказать, что вопросов нет, и тогда показания Поплавской останутся лишь уродливым и бесполезным придатком к делу, дикими измышлениями неуравновешенной женщины, которую зачем-то пропустили на свидетельское место. Пахомов мертв, значит, уголовного дела против него не возбудить, и никто и никогда не докажет, что Полина говорит правду. Есть какое-то письмо какой-то девочки, очевидно, тоже сумасшедшей, иначе она бы не покончила жизнь самоубийством. Изымать его? С какой стати и в качестве чего? К делу Фельдмана оно не имеет ни малейшего отношения.

Стакан стукнул о стол необыкновенно громко в повисшей в зале тишине. Ольга посмотрела в зал.

Киношники и журналисты глядят кто куда, будто их накрыла эпидемия косоглазия, сестра подсудимого комкает в руках ремень от сумки, и только с двумя людьми Ольга встретилась глазами: с Саней, стоящим в простенке, и с женой бывшего оперативника Волкова.

– Полина Александровна, а вы с какой целью сейчас рассказали это суду? Вы считаете, что есть какая-то связь между... – Ольга замаялась, – между вашими обстоятельствами и убийством?

Полина пожала плечами:

– Какая связь? Я просто хочу объяснить, что со мной случилось. Будто вынули из меня стержень, что ли, или важную микросхему... Пустота, короче говоря. Все заменилось этой извращенной любовью. Я этого не понимала головой, но, наверное, чувствовала, что это неправильно, и как-то само собой сложилось в голове, что в мире, где такое происходит, не бывает ни теплоты, ни любви, ни доброты... Будто ампутация души у меня произошла, а я не заметила. Но это неважно, не обо мне сейчас речь. Я хочу сказать другое. Много лет только тайна защищала меня от стыда и позора. Я знала, что я испорченная девочка, которая соблазнила взрослого человека, и по крайней мере половина вины лежит на мне, поэтому надо молчать изо всех сил. Теперь я думаю иначе. Если бы тогда общество заступилось за меня, если бы Пахомов понес наказание и официально меня признали бы не виновницей, а жертвой, в моей жизни все сложилось бы иначе. Да, травма была нанесена, но... – Полина усмехнулась, – Фельдман, как хирург, не даст соврать, раны лучше заживают на открытом воздухе, а не под герметичным компрессом тайны. Когда человек пострадал, в этом нет ничего стыдного, а молчание рождает чувство вины. Я молчала десять лет и скажу честно: сейчас первый раз за все это время чувствую себя человеком.

Поручив Маркиной и секретарю официально изъять у Полины письмо, Ирина объявила перерыв пятнадцать минут. Войдя в кабинет, Бимиц тяжело опустился на стул, а Кошкин закружил по тесному пятаку свободного пространства. Ирина и не думала, что молодцеватый военрук может так растеряться.

Она отворила форточку.

– Курите.

– Бедная девочка, – сказал Бимиц, – это какой же надо быть падалью...

Он скривился, достал из кармана мятую пачку сигарет с изображением овчарки и протянул Кошкину. Мужчины жадно закурили, а Ирина отправилась в туалет, чтобы не дышать дымом.

Бедная девочка устроила очередную подлянку, вот и все. Что еще ждать от человека, который жестоко мстит за несколько обидных слов и соблазняет чужого мужа?

Для такого сорта людей нет больше удовольствия, чем пнуть своего благодетеля, когда он повержен. До Пахомова ее ядовитые плевки уже не долетят, а жизни жены и дочери разрушат. Ирина нахмурилась, вспоминая. Нет, сегодня дочери, слава богу, в зале не было.

Большинство женщин стыдятся заявлять об изнасиловании, но есть и такие, которые наговаривают на мужчин из мести или из корысти. Ирина считала, что эти дамы немногим лучше, чем насильники, а общественному мнению наносят гораздо больший вред. Довольно часто бывает, что в делах о сексуальных преступлениях нет весомых улик, кроме показаний жертвы. При тщательном исследовании какие-то биологические следы находятся, но, если нет травм, не так легко бывает доказать, что все происходило не по взаимному согласию.

И когда рассматриваешь одно дело об изнасиловании и выясняется, что мужчина просто не хотел жениться, и его поставили перед выбором – колония или ЗАГС, следом другое, где якобы насильник оказывается давним любовником жертвы, а заявление – месть, что он отказался уйти от жены, и в третьем деле тоже любовник, не купивший дорогой подарок, то поверить четвертой жертве оказывается уже не так просто.

Нельзя путать изнасилование с тем, когда все просто идет немножко не так, как хочется.

Женщины, пытающиеся манипулировать правосудием, вызывали у Ирины омерзение, они в ее глазах были как те грабители на дорогах, которые прикидываются ранеными, чтобы заставить водителя остановиться и открыть машину. Они не только убивают и грабят, но и наносят

косвенный вред – теперь редко кто останавливается, чтобы оказать помощь настоящему пострадавшему.

Ирина поправила прическу. Все-таки Кирилл у нее золото, а не муж! Целый день просидел с детьми, а когда она пришла, отпустил в парикмахерскую. Совсем что-то она обнаглела...

Вздохнув, Ирина одернула пуловер. Все-таки работа пошла ей на пользу. Не сильно похудела, но с лица ушла одутловатость, а все потому, что вечно ей попадаются нестандартные, с вывертом, дела! И чем проще кажется на первый взгляд, тем заковыристей оказывается процесс.

Вот сейчас как поступить? Куда приделать эти лживые откровения Полины? Как вообще должен реагировать юрист, когда публично заявляют о преступлении мертвого человека? Куда направлять определение? Сразу апостолу Петру?

Тут Ирина сообразила, что родные и близкие Пахомова сейчас могут Полину просто разорвать, и поспешила к залу. Полина стояла в коридоре рядом с каким-то невысоким парнем. Лицо его показалось Ирине знакомым, но она не стала вспоминать, где его видела.

Главное, никто не бьет девушку за клевету, хоть она это заслужила.

Лживая, холодная, эгоистичная стерва! Но разве это не лучшее доказательство, что сегодня она говорила правду? Ирина остановилась.

Она помнила себя в двенадцать лет, как страстно хотелось тогда повзрослеть, скорее стать самостоятельной, и, конечно, о великой любви она тоже мечтала. В общем-то, только о ней и думала, книги, фильмы, песни – только о любви. Влюбленность в старшеклассника, который в упор ее не видел и имени не знал, фотография Олега Янковского под подушкой, песенник, все это было в сказочном мире детства, из которого ей поскорее хотелось вырваться.

А когда появляется, будто волшебник, взрослый сильный мужчина, и говорит, что ты избранная и достойна того, чтобы причаститься взрослой жизни прямо сейчас, разве ты не пойдешь за ним? Пойдешь с трепетом и радостью, а в душе будет звучать песня из рок-оперы «Юнона и Авось»: «Я тебя посвящаю в любовь!»

И можно, наверное, быть счастливой и даже не почувствовать боли, если мужчина искусный любовник, только душу он действительно убьет. Кажется, что приобщилась тайн взрослого мира, но это не те тайны, не та жизнь, а грязь, тоска и безнадежность.

Ирина подошла к Поплавской.

– Спасибо, что нашли в себе мужество рассказать правду. Если хотите, вы можете идти домой.

Полина пожала плечами:

– Останусь, если не возражаете.

Молодой человек украдкой показал Ирине свое удостоверение:

– Не волнуйтесь, Ирина Андреевна, я присмотрю за девушкой.

– Хочется узнать, не зря ли я чернила память покойного, все-таки это не самое достойное занятие, – усмехнулась Полина, – о мертвых либо хорошо, либо ничего, а я вот нарушила. Не знаю, стоило ли оно того?

– Слушайте, жизнь редко позволяет нам роскошь выбирать между хорошим и плохим, – улыбнулся парень, – обычно между плохим и очень плохим, а если повезет, то между плохим и непонятным. Все правильно вы сделали, Полина Александровна, даже не переживайте.

Ирина вернулась в кабинет, из которого страшно несло никотином, несмотря на открытую форточку.

– Я так и знал! – горячился Кошкин. – Так и знал, что с этим Пахомовым что-то не то!

– Почему? – удивилась Ирина.

– После его фильмов у меня на душе всегда оставался неприятный осадок.

– Да? А вы не сейчас это осознали?

– Никак нет! Я думал, что это потому, что он не воевал, а все оказалось намного хуже.

– Подождите с выводами. Помните, перед началом процесса я призывала вас абстрагироваться от личности Пахомова и от его вклада в мировой кинематограф? Так вот и сейчас ваш долг – не принимать показаний Поплавской во внимание. Мы с вами рассматриваем дело, в котором Пахомов является жертвой преступления, совершенного по мотивам личной мести, его извращенные наклонности, если они и имели место быть, для нас с вами ничего не значат. Плохих людей нельзя убивать точно так же, как и хороших.

– Но это уму непостижимо...

– Мы с вами – народный суд, то есть суд человеческий, а не божий, – отчеканила Ирина, – и полномочия наши ограничены тем, что мы назначаем справедливое наказание за совершенное преступление. Вопрос, кто достоин жить, а кто нет, не относится к сфере нашей компетенции.

Тут на пороге возникла Ольга Маркина и сказала, что заявляет ходатайство о допросе новых свидетелей: Галины Михайловны Волковой, соседки Фельдмана в деревне, его сестры Ларисы Фельдман и ее несовершеннолетней дочери Зинаиды.

Ирина опустила на стул и сжала виски пальцами. Все ясно...

– Может, направим дело на следствие? – осторожно спросила она. Маркина усмехнулась:

– Ирина Андреевна, если вы действительно хотите справедливого наказания, как только что говорили, то надо решать самим и обязательно сегодня.

Ирина кивнула. Гособвинитель дело говорит. Сейчас у них есть фактор внезапности, а до завтра Пахомова очухается, начнет трезвонить в высшие эшелоны власти, и их заткнут самыми жестокими методами. Единственное, что можно противопоставить власти предрешающим, – это готовый приговор, грамотный, со всеми доказательствами.

– Так, ладно, – Ирина встала, – сейчас допросим эксперта, потом Волкову, а Лариса тем временем пусть везет дочку. Ребенок сейчас где, в школе?

– Сказала, что да.

– Отлично. Пусть захватит педагога какого-нибудь попримечнее. Девочку будем допрашивать на закрытом заседании, согласны, Ольга Ильинична?

– Безусловно.

– И знаете что еще? Давайте-ка удалим подсудимого из зала.

– Но этим мы грубо нарушим его права.

– В исключительных случаях закон нам это позволяет. Других доказательств у нас в любом случае не будет, остается только сличать показания. Допросим ваших новых свидетелей, а потом пусть Фельдман расскажет, как оно было, и сравним. Все, давайте, через минуту начинаем. Товарищи заседатели, предупреждаю сразу: вам предстоит несколько очень трудных часов, но я прошу вас, крепитесь и во что бы то ни стало держите себя в руках.

Кошкин с Бимицем хором сказали:

– Есть!

– Можете на нас положиться!

И вышли из кабинета.

«Так, минуточку, а Володьку кто покормит?» – Ирина похолодела. В азарте она едва не забыла, что пора ехать к сыну. Она нахмурилась, прикидывая. Даже если свидетели будут кратки, как спартанцы, что вряд ли, учитывая щекотливость ситуации, допрос их займет несколько часов.

Если она потратит сейчас полтора часа на кормление, то до конца рабочего дня они явно не успеют, а Фельдман должен открыть рот для последнего слова подсудимого не позже семнадцати пятидесяти девяти,

иначе заседание перенесется на завтрашний день, который может принести новые сюрпризы.

Например, выяснится, что она уволена. Или ее отзыв из декрета окажется незаконным, а значит, весь процесс признают недействительным. Когда сильным мира сего что-то нужно, способ достичь этого находится всегда.

Ирина с тоской потянулась к телефонной трубке и подняла ее так, будто та была чугунная.

– Алло, Кирюша, я никак не смогу приехать на обед, – прошептала она и втянула голову в плечи, ожидая громового крика: «Да что ты за мать такая! Не мать, а кукушка! Зачем рожала, если носишься, задравши хвост!»

– А, ладно, – сказал Кирилл, – дам ему пока вечернее молоко.

– И пораньше я тоже сегодня не приеду, – прошелестела Ирина, – наоборот, может, сильно задержусь.

Она невольно зажмурилась. Сейчас точно начнется.

– А что тогда, Ир? Кашку сварить?

– Один раз в виде исключения покорми его, пожалуйста, смесью. В шкафчике такая красивая коробочка...

– Видел.

– Там на ней написано, как готовить.

– Хорошо, Ира.

– И пожалуйста, возьми новую соску и проколи ее в нескольких местах самой тонкой иглой.

– Это зачем?

– Чтобы Володе было максимально трудно сосать. А то понравится, как сладенькая смесь сама в рот льется, и он грудь брать перестанет.

– Я понял. Не волнуйся, Ир, все сделаю. Работай спокойно. Если будешь поздно возвращаться – возьми такси.

– И все?

– А что еще?

– Ничего не хочешь мне сказать?

– Люблю тебя, скучаю, что еще?

– Что я мать-кукушка, забросила семью...

– Ир, ну ты ж работаешь. Все, целую, у меня там суп закипает.

Допрос судебно-медицинского эксперта не принес ничего нового для понимания дела, и Ирина вызвала для дачи показаний Галину Волкову, но перед этим удалила Фельдмана из зала, объяснив ему целесообразность такого решения. Семен Яковлевич хмуро заметил, что не возражает и хочет

только одного – чтобы поскорее вынесли приговор.

Галина Волкова рассказала, что в тот злосчастный вечер Семен Яковлевич зашел к ней позвонить родственникам, а заодно поговорить о состоянии ее мужа, лечившегося в тот момент в больнице. По телевизору шла «Кинопанорама» про Пахомова, и Семен между прочим упомянул, что его племянница снимается в новом фильме этого знаменитого режиссера.

– Я поняла, что должна его предупредить, – свидетельница хрустнула пальцами, – если бы я только знала, к каким это приведет последствиям... Хотя все равно не стала бы молчать. В общем, еще пять лет назад имя моего мужа произносилось в профессиональных кругах с большим уважением. Он был ценный сотрудник, перспективный кадр, и будущее представлялось нам обоим радужным и успешным, пока к Феликсу не попало дело... В общем, девочка пожаловалась, что Пахомов до нее домогался, принуждал, ну, вы понимаете, к чему, мама привела ее в милицию, и разбираться выпало моему мужу. Он возбудил уголовное дело, к сожалению, не знаю, по какой статье...

– Не беспокойтесь, – мягко перебила Ирина, – если будет нужно, мы поднимем архивы и все выясним.

Свидетельница хмыкнула:

– Уверяю вас, в архивах от этого дела и следа не осталось, все подтерли! Наши великие деятели культуры подняли дикий вой, не успел Феликс поставить точку в протоколе допроса. Да как смеют какие-то смерды клеветать на великого человека! Девка – проститутка, и мама ее не лучше, сами все подстроили! Ну что я вам рассказываю, товарищи судьи, вы-то наверняка знаете, как в таких случаях говорят. Самая лояльная к потерпевшим версия была такая, что они лимита, вылезшая из навоза, в жизни ничего от мужиков не видели, кроме побоев, так что простая вежливость кажется им чем-то неприличным. Людям следует общаться в своем кругу, а когда пытаешься облагодетельствовать всякую шваль, ничем хорошим это не кончается. Феликсу приказали по-тихому замять дело, но он был убежден, что девочка действительно пострадала, и собирался довести до суда, только у Пахомова оказались настолько влиятельные друзья, что мы моргнуть не успели, как очутились в деревне, и хорошо, что не в тюрьме. Феликс сначала держался, а как узнал, что та девочка покончила с собой, так и все... Вроде бы он ее не предал, до последнего не сдавался, а так и не смог себе простить... – Волкова снова хрустнула пальцами, – говорил мне, что должен был предвидеть и сразу отговорить девочку с мамой подавать заявление. В общем, муж мой спился и сейчас находится в таком состоянии, что никаких показаний давать не может, а

иначе, конечно, пришел бы в суд и рассказал все гораздо лучше меня.

– Галина Михайловна, обстоятельства того дела сейчас для нас не важны. Главное, вы сообщили Семену Яковлевичу, что его племянница не может чувствовать себя в безопасности рядом с Пахомовым, так? – спросила Ольга, а Ирина не стала придираться, что это явно наводящий вопрос.

– Вот именно.

– И как отреагировал подсудимый?

Женщина пожала плечами:

– Как и всякий другой на его месте. Сначала бросился звонить сестре, но она уже ушла, тогда он попросил меня сходить в больницу и к акушеру-гинекологу, предупредить, что ему срочно надо уехать, и сорвался в город. Но мне и в голову не могло прийти, что кончится так трагически...

– А иначе что? Остановили бы? – спросил Бимиц.

Свидетельница приподняла бровь:

– Наверяд ли...

У гособвинителя вопросов больше не было, а Фельдман отсутствовал, и от этого явного нарушения процедуры Ирина чувствовала себя крайне неуютно, хотя сама его и предложила. Она злилась на этого Дон Кихота с медицинским образованием, который не взял адвоката, чтобы тот сейчас представлял его интересы.

Ирина стиснула зубы. Предстоял допрос ребенка, пережившего тяжелое потрясение. Как сделать это, чтобы не нанести девочке новый удар, не усугубить травму? А вдруг Фельдман был прав, решив пожертвовать несколькими годами жизни ради душевного спокойствия племянницы, а они в поисках истины сами совершают преступление? А что, если этот допрос станет последней каплей?

Пока свидетельница возвращалась на место, в зале заволновались, зашумели. Ирина различила чей-то вскрик фальцетом: «Неслыханная наглость!»

Не верят... Что ж, рассказ Волковой действительно похож на сплетню. Без имен, без доказательств, какой-то глупый навет. Так же, впрочем, как и Полинина история.

Клеветуют холопки на барина, вот и все. Зачем только им свободу слова дали, когда таких надо на конюшне пороть, и пусть ноги хозяину целуют, что не до смерти. А эти хамки в суд приходят и рассказывают о тайных страстишках великих людей, совсем стыд потеряли! Должны понимать, что Пахомов, как жена Цезаря, вне подозрений.

Ирина посмотрела в зал. Кислые, насупленные лица. Интересно,

сколько завтра жалоб на нее полетит во все инстанции? А может быть, и нет... Утро вечера мудренее, догадаются ребята, что если фигура Пахомова слетит с пьедестала, то освободится место для другого, которое надо вовремя занять, а не мстить тому, кто тебе его расчистил.

Но это будет завтра, а сегодня публика в зале полна сословного негодования.

Подумав немного, Ирина решила допрос матери проводить тоже в закрытом режиме. Хоть немного ей полегче будет.

* * *

После выступления в суде Полина была как пьяная. Смутно помнила, как люди подходили к ней, кидали: «Мразь», – и кое-что похуже, но быстро подскочил парень с раскосыми глазами, сказал: «Спокойно, граждане, расходимся», – и вокруг нее чудесным образом возникло пустое пространство. Как сквозь сон, она слушала показания свидетельницы про Таню и думала, что все тайное рано или поздно становится явным. Девочки давно нет и как будто не было, ее маму запугали до полусмерти, все хвосты подчистили, а живут в глухой деревне милиционер с женой, которые в нужный момент встанут на защиту правды.

Потом судья приказала покинуть зал, и молодой человек отвел Полину в пирожковую и взял ей сладкий чай и огромную булку, так упоительно пахнущую свежее испеченным тестом, что Полина тут же вцепилась в нее зубами.

– До конца будете? – спросил он, жадно уписывая такую же булочку. Сахарная пудра сыпалась ему на воротник.

– А вы?

– Могу отвезти вас домой, но хотелось бы остаться.

– Мне тоже. Я подожгла этот бикфордов шнур, так интересно, рванет – не рванет.

– Зная Олю, уверяю вас, что рванет.

– Хорошо.

– Вы это... – парень потупился, – не переживайте о том, что было. Вина, все такое... Это не ваш случай.

– Да?

– Вы были маленькая. Бывает, за дитем недоглядят, и он схватится за горячую сковородку, так не он же в этом виноват.

– Но шрамы-то остаются у ребенка.

– Они заживают со временем. Вот мне недавно нос своротили, думал, урод останусь, а прошел месяц, и сейчас уже не заметно совсем.

– Вообще-то заметно.

– Да? – не расстроился опер. – Ладно, неудачный пример.

– Вы не волнуйтесь за меня, я в порядке.

– Ешьте тогда булочку.

Полина улыбнулась и вдруг очень отчетливо вспомнила, как перед школой ходила с папой к главному врачу, и когда выяснилось, что капли для проверки зрения можно капать только после еды, они отправились в точно такую же пирожковую и ели там сосиски в тесте, еду, строго запрещаемую мамой, а потом папа еще купил ей лимонад «Золотистый». Капли действовали целых два дня, все расплывалось перед глазами, но главный ужас состоял в том, что невозможно было читать, а это представлялось маленькой Полине хуже смерти. Кажется, папа тогда прогулял работу, чтобы весь день читать ей вслух...

Полина вышла из кафе и побрела по набережной в поисках телефонного автомата. Скорее всего, папа не захочет ее знать после такого долгого перерыва. Естественно, пока дочь была на коне, то отец не нужен, а как попала в беду, так сразу примчалась: «Папа, спаси!»

Что ж, она это заслужила. Еще много лет назад, когда слушала липкие от патетики речи Пахомова, что отец предал их с мамой, а благородные люди не должны прощать такое. Ах, как жадно она глотала эту наживку, как соглашалась с каждым словом замечательного Василия Матвеевича!

Но и папа заслужил узнать о сегодняшнем выступлении дочери от нее самой, а не от доброжелателей.

В первом телефоне была с мясом оторвана трубка, а второй работал, хотя и слегка пованивал.

– Да. – Она так давно не слышала папин голос, что с трудом узнала его.

– Это Полина.

– Ох, доченька, как я рад тебя слышать!

– Правда?

– Ну конечно.

Она всхлипывала в трубку, не зная, что сказать.

Они думали, что опоздают, но закрытый допрос все продолжался.

В коридоре было почти пусто, только на банкетке сидела соседка Фельдмана.

Полина устроилась рядом. Женщина достала из кармана карамельку,

Полина обычно такие не ела, а тут взяла, с трудом отлепила фантик и положила конфетку в рот. Оказалось похоже на камешек с острыми углами. Соседка сказала, что вдова демонстративно покинула здание, заявив, что не желает участвовать в этом безобразном судилище, а вслед за нею потихоньку расползлись и приспешники. Журналисты тоже подрассосались, понимая, что такой материал им никто не даст напечатать, и вообще лучше держаться подальше от этой скользкой темы. Только самые отважные курят во двореке.

– А ваши родители знали? – спросила женщина.

Полина отрицательно покачала головой.

– И не догадывались?

– Мама радовалась, что я тяготею ко взрослым, значит, не попаду в дурную компанию, иронично, не правда ли? А папа... Папа тоже не знал.

– Тогда им лучше и дальше ничего не знать, потому что иначе придет такое чувство вины, которое их просто убьет.

– А как же мои показания?

– Не думаю, что они получат огласку. Сплетни, конечно, в народе поползут, но быстро заглохнут. Взять хоть эту девочку несчастную... – женщина горько вздохнула, – было заведено уголовное дело, то есть довольно много народу оказалось посвящено в ситуацию, и что? Волна взметнулась и погасла, как не было, не забрызгав даже краешка светлого образа великого творца. Думаю, так произойдет и в этот раз.

– Хорошо бы.

Двери со стуком отворились, и их пригласили войти.

Оттого, что в зале оказалось очень мало народу, совершенно исчезло ощущение значительности происходящего, превратив суд в рутинную бюрократическую процедуру, когда несколько равнодушных людей равнодушно решают судьбу человека.

Лариса увела дочку, закрывая ее шалью, как крылом, и когда Семена ввели в зал, он оглянулся, не увидел ни одного родного лица, растерялся и сник.

Судье, казалось, все равно, что происходит, а заседатели сидели как потерянные. Молодцеватый военный за два часа словно постарел на десять лет, китель обвис на нем мешком, а второй просто не знал, куда глаза девать, он быстро крутил в пальцах карандаш, как будто полностью сосредоточившись на этом занятии.

– Семен Яковлевич, расскажите, пожалуйста, суду, что произошло в тот вечер, – процедила судья.

Фельдман встал:

– Да что рассказывать?
– Правду! – рявкнул военный.
– Вот именно, – поднялась прокурорша, – вы уже достаточно лгали следствию и суду, Семен Яковлевич. Пора исправляться.

Судья молча кивнула.

Фельдман беспомощно огляделся и вдруг встретился с нею глазами.

Полина кивнула и одними губами прошептала: «Скажи правду», как будто подсказывала на уроке. Только в школе она никогда так не делала, потому что почти не ходила на занятия и не завела ни друзей ни подруг, и вообще ей очень нравилось смотреть, как люди садятся в галошу.

– С какого места говорить? – хрипло спросил Фельдман.

– Давайте с вашего визита в дом Волковых.

– Ну что... Я пришел, позвонил Ларисе... Она похвасталась, какая Зина умница, так пришлась по душе Пахомовым, что те пригласили ее в гости с ночевкой. Я порадовался за племянницу, потому что она у нас действительно очень хорошая девочка, и поэтому меня несколько не удивило, что пожилые люди хотят провести с ней время. В лоб не влетело! – Семен наморщился и махнул рукой. – Идиот, что вы хотите? Слава богу, тут показывали «Кинопанораму», и мы с Галиной Михайловной разговорились... Я тут же рванул обратно звонить сестре, но она уже ушла в театр, первый раз я ее буквально на пороге поймал. Пришлось самому гнать в город.

– А откуда вы знали, где живет Пахомов?

Семен снова махнул рукой:

– Тут счастливая случайность. Для меня, конечно, не для него. Он когда втирался к Ларисе в доверие, то устроил мне покупку машины, и я ездил эту машину от его дома забирать. Так и узнал...

– И вы приехали с целью... – вкрадчиво начала прокурорша.

– Не давите на подсудимого, – одернула ее судья.

– Хотел просто забрать Зину домой. Я очень надеялся, что тревога ложная. Вообще в голове не укладывалось. Как-то знаете... Иногда слышишь про такое, но всегда кажется, что это на другой планете происходит, а в твоей жизни подобные гадости просто невозможны. Думал, заберу Зину под каким-нибудь предлогом, а потом все окажется недоразумением, и мы все вместе над ним посмеемся.

Фельдман замолчал.

– Дальше, пожалуйста, – прокурорша подала ему стакан воды.

Семен жадно выпил полстакана.

– Да что дальше... – промямлил он.

– Вы приехали, и?

– И позвонил в калитку, но мне никто не открыл, хотя в доме горел свет. Тогда я перелез через забор, поднялся на крыльцо и стал звонить и стучать, как заведенный. Понял уже.

Фельдман допил воду и поморщился.

– Рассказывайте, Семен Яковлевич. Кто вам открыл?

– Зина. Ей удалось вырваться от Пахомова и добежать до двери, но мы оба были так напуганы, что не смогли принять единственно правильное в тот момент решение. Нужно было ее хватать как есть и бежать к машине, но она побоялась выскочить в одних трусах на улицу, а я просто не сообразил. Буквально несколько секунд мы потратили на ступор, и тут нас настиг сам Пахомов, – Семен с силой потер лоб, – знаете, все будто в каком-то кровавом тумане. Он стал хватать меня за руки, я крикнул Зине, чтобы надела пальто и сапожки и выходила на улицу... Честно, я просто хотел забрать ее домой, больше ничего. Мы бы никуда не пошли заявлять, но Пахомов не хотел выпускать нас. Нес что-то про деньги, про карьеру, но я хотел только одного: поскорее вывезти Зину в безопасное место. Не скажу, чтобы он дрался со мной или собирался убить... Нет, такого не было. Просто он хотел заручиться гарантией нашего молчания, и нужно было обещать ему да уйти, но я плохо себя в тот момент контролировал. Изо всех сил его толкнул, можно сказать, отшвырнул, и не посмотрел, что у него за спиной какая-то бронзовая дура. Вот и все.

– Вы сразу поняли, что он мертв?

– Или я не врач? Для научной работы не гожусь, не спорю, но труп от живого человека отличить пока еще могу. Нет, я поделал ему искусственное дыхание и массаж сердца...

– Так это вы так ему ребро сломали? – спросил военный.

– Я старался.

– Вам бы лучше помолчать за черный юмор, – буркнул второй заседатель.

– Сломанное ребро означает всего лишь, что врач добросовестно делал непрямой массаж, – пояснил военный, – и вы бы это знали, если бы хорошо занимались на уроках начальной военной подготовки.

Прокурорша попросила не отвлекаться.

– Вы не вызвали «Скорую помощь». Почему?

– Виноват. Мне показалось разумнее проводить реанимационные мероприятия, которые я хорошо умею делать, чем терять время в поисках телефонного аппарата. Да, в арсенале «Скорой» есть медикаменты и дефибриллятор, но они имеют смысл максимум через восемь минут с

момента остановки сердечной деятельности. Но тут согласен, что допустил огромную ошибку и лишил человека шанса на спасение. Вдруг машина «Скорой» была в двух минутах езды от его дома? Поэтому я не буду вам читать лекцию об эффективности реанимационных мероприятий при черепно-мозговой травме и утверждать, что он все равно бы не ожил, потому что статистика статистикой, а не попробуешь – не узнаешь.

– Сколько времени вы проводили реанимацию?

– Десять минут.

– Где была в это время ваша племянница?

– Я ей сказал одеться, собрать все свои вещи и ждать меня на крыльце.

Сказал, что Пахомову стало плохо и я ему помогаю прийти в себя. Не хотел, чтобы она поняла, что видит труп. Зина быстро собралась, а я покачал – подышал, а когда увидел, что зрачок широкий, то прекратил это занятие. Но что «Скорую» не вызвал, это я очень сильно виноват.

– Потом что вы сделали?

– Отвез Зину к матери.

– Во сколько это было?

– В первом часу ночи.

– Что вы делали, приехав к сестре?

– К счастью, он Зину только сильно напугал – самое плохое не успел.

Мы с Ларисой успокоили ее как могли, дали валерьянки, и нам показалось, что Зина перенесет этот удар, – Фельдман сглотнул, – но только если не возвращать ее к событиям того проклятого вечера. Мы понимали, что если начнется следствие, то ребенок получит травму еще большую, чем нанес Пахомов, и опыт Феликса Константиновича, конечно, мы учли. Ну а главное, какая разница, меня все одно посадят, что так, что эдак...

– Допустим, так. А почему вы решились на явку с повинной?

– Ну я подумал, что убийцу такого известного режиссера будут искать до посинения и вдруг как-нибудь невзначай на Зину выйдут. Лучше уж я сам, заодно и снисхождение получу. Ведь получу?

Судья усмехнулась.

– Вопросы к подсудимому?

Зал молчал.

– Подсудимый, вам... – начала судья торжественным тоном, но тут прокурорша перебила ее и попросила перерыв пятнадцать минут.

Судья нахмурилась.

– Пожалуйста, Ирина Андреевна!

– Хорошо. Перерыв десять минут.

Судья с заседателями пошли на выход, а Полина откинулась на

жесткую спинку казенной скамьи и закрыла глаза. Повезло этой девочке, вон сколько народу поднялось на ее защиту. Дядя вырвал из рук подонка и готов мотать срок, лишь бы только не мучить ее, мама поит валерьянкой и утешает, и даже незнакомая женщина едет на перекладных за сто километров, лишь бы изобличить сластолюбивую мразь Пахомова. А Полине пришлось справляться самой, один на один с чудовищем. Никто не заступился за нее, и она проиграла свою битву.

Она тяжело вздохнула и вдруг поняла, что на душе нет ни зависти, ни злобы, ни привычной мучительной жалости к себе, а только радость, что для кого-то все закончилось хорошо, и странная мысль, что этот мир, наверное, не самое плохое место, раз в нем живут такие люди, как Семен Фельдман.

Зачем только обвинитель попросила перерыв? Судья, кажется, отличная тетка, а от таких прилизанных дам, как прокурорша, можно ждать любой подлянки.

* * *

– Решительно оправдать! – рубанул Бимиц, без спросу отворяя форточку.

– Так точно, оправдать!

– Я не хочу даже думать себе, что он почувствовал! Странно, что на куски не порвал и искусственное дыхание делал.

– Товарищи, товарищи! – воскликнула Ирина. – Мы с вами еще не в совещательной комнате. Сначала мы должны заслушать последнее слово подсудимого, а потом уже... И то не поддаваться эмоциям, а думать исключительно головой, самым тщательным образом сличить показания девочки и ее матери с показаниями Фельдмана.

– Да и так ясно, что они полностью совпадают.

– Прошу вас, товарищи, давайте соблюдать регламент.

Тут на пороге показалась Ольга Маркина.

– Ирина Андреевна, я хочу снять обвинения.

Ирина застыла, как громом пораженная. В ее практике это был первый случай, когда гособвинитель решался брать на себя такую колоссальную ответственность.

– Вы уверены?

– Безусловно. Показания совпадают полностью, а поскольку Семен Яковлевич находился в СИЗО, то у него не было возможностей

договориться со своими родственниками о постановке столь масштабного спектакля. Для полноты картины нам немножко не хватает показаний супруги Пахомова, но если даже она станет отрицать, что привела ребенка в дом и оставила на потеху своему мужу, то доверия ее словам нет и не может быть, поскольку, признавшись, она сразу навлекает на себя уголовное преследование за соучастие и дачу ложных показаний. Я, кстати, с огромным удовольствием привлекла бы ее, но боюсь, что активные действия в этом направлении срикошетят на нашего подсудимого.

– Вообще-то ее отсутствие красноречивее всяких слов, – фыркнул Бимиц, – весь процесс сидела словно пришитая, а как дошло до правды, то сначала дочке запретила приходить, а потом сама свалила.

– Возможно, испугалась, что арестуют прямо в зале суда.

– Не исключено.

– Ирина Андреевна, вы согласны, что здесь даже не аффект, а чистая самооборона? Парень спасал ребенка и себя. Это он считает, что Пахомов хотел договориться, а если режиссер собирался убить их обоих? Ведь для него огласка была страшнее смерти!

– Но пример бедняги Волкова доказывает обратное. Пара звоночков – и все шито-крыто.

– Один пример, и в данном случае это скорее исключение, чем правило, – Ольга усмехнулась, – высокие посты у нас занимают разные люди, не все из них умные, не все порядочные, но, смею надеяться, извращенцев среди них не так уж много. Однажды можно закрыть глаза и поверить, что человека оболгали, но второй раз это уже проблематичнее. Поневоле задумаешься, почему снаряд два раза упал в одну воронку, совпадение ли это или кое-что похуже?

– Вы меня простите, конечно, но ни один нормальный человек выгораживать педофила не станет, – вмешался Бимиц, – хоть он влиятельный-развлиятельный, хоть король.

Ольга кивнула:

– Вот именно. Общественность и милицейское руководство стеной встали на защиту режиссера только потому, что были свято убеждены в его невиновности, по логике, если можно хорошего человека избавить от грязной клеветы, то почему бы этого не сделать? Но когда через время другие люди возводят те же самые наветы, тут поверить в происки врагов становится гораздо сложнее. Те же самые могущественные покровители, которые сломали жизнь Волкову ради спасения режиссера, теперь повернут все свои орудия в сторону Пахомова и не просто дадут делу ход, но еще отомстят за то, что он обманул их и им пришлось заступаться за реального

педофила. Такие вещи не прощаются, поэтому Пахомову во что бы то ни стало требовалось избавиться от Семена и девочки.

– За двойное убийство сесть гораздо приятнее, чем за растление малолетних – такая у него логика была? – усмехнулась Ирина.

– Я думаю, что в тот момент никакой не было. Ирина Андреевна, вы как минимум согласны, что Фельдман в тот момент имел основания полагать, что его жизни и жизни его племянницы угрожает непосредственная опасность? – спросила Ольга с нажимом.

– Что? А, да! Да! Вне всякого сомнения!

– Вот вам и необходимая самооборона, в рамки которой Фельдман полностью уложился.

– И вы, Ольга Ильинична, возьмете на себя такую ответственность?

– Вообще-то это входит в мои служебные обязанности.

– А может, мы оправдаем? Все же вы одна, а нам сообразить на троих не так опасно.

Ольга покачала головой.

– Для подсудимого лучше, если я. Приговор необходимо огласить перед публикой и журналистами, а отозвать обвинение я могу без лишней помпы. Нет, я понимаю, что страна должна знать своих героев, но если можно оставить людям хорошие фильмы хорошего режиссера, то почему бы этого не сделать? Меньше шансов, что вдова полезет в бутылку.

Ирина усмехнулась. Ольга Ильинична дело говорит. Оправдательный приговор можно пересмотреть в вышестоящей инстанции, а если Ольга сейчас переквалифицирует на самооборону и снимет обвинения, то, чтобы наказать Фельдмана, придется расследовать убийство режиссера заново, с самого начала, и там кто знает, что еще всплывет вдобавок к полученной на суде информации. Муж-то мертв, ему все равно, а жена вполне себе жива и способна отвечать перед законом за соучастие и лжесвидетельство. Если она не полная идиотка, то сообразит, что лучше всем остаться при своих. Аналогично решит и высокое начальство, ибо народу ни к чему знать, что своим духовным развитием он во многом обязан фильмам насильника и извращенца. Еще, не дай бог, оргвыводы последуют... Нет, пусть лучше Фельдман гуляет на свободе.

Очень жаль Феликса Волкова, на судьбу которого снятие обвинения с Семена никак не повлияет, но жена сказала, что у него тяжелая форма алкоголизма. Эта судьба сломана безвозвратно.

Войдя домой, она без сил опустилась на табуретку в коридоре, и Кирилл стал снимать с нее сапоги.

– Ты меня балуешь, – прошептала Ирина.

– Полы просто намыл. Берегу свой труд.

– Кирюша, прости... Еще недельку тебе продержаться...

– Ир, я не то чтобы прямо минуты считаю и делаю зарубки на стене.

Подошел Егор, обнял ее, Ирина уткнулась лицом в ежик волос на его макушке.

Сняв пальто, она в одних чулках прошла в комнаты. Володя не спал, сосредоточенно гулил, тянулся ручками к погремушкам, развешенным над кроватью. Ирина хотела его обнять, но вспомнила, что еще не переоделась и не мыла руки.

Она опустилась на пол и уперлась лицом в решетку кровати. Кирилл сел рядом, легонько взял Володю за пяточку, и сын расхохотался.

– Кирюша, я когда вернусь в декрет, то клянусь, ты дома больше палец о палец не ударишь, и я все-все буду тебе разрешать.

– Да ты и так ничего мне не запрещаешь.

– В смысле, хочешь к ребятам – пожалуйста, иди, хоть неделю с ними общайся, или как вы там говорите – зависай! Слова против не скажу, ей-богу!

– Да мы вроде решили уже...

Ирина фыркнула:

– Кирюша, после твоих шашней с Поплавской ты в официальную литературу прорваться даже не мечтай.

– Это я понял.

– Ну а поскольку талант не может существовать вне культурной среды, то возвращайся-ка ты к своим отщепенцам.

Кирилл засмеялся.

– И знаешь что еще? – Ирина погладила его по руке. – Ты на Полину зла не держи. Поверь, твои отказы – это просто мелкие неприятности по сравнению с тем кошмаром, который ей пришлось пережить.

Кирилл нахмурился:

– Что такое?

– Не могу тебе сказать. Просто с ней случилось очень плохое... Ты прости ее и пожелай ей счастья. Помолись за нее, как ты умеешь.

– Ладно.

Ирина закрыла глаза, пытаясь представить себе тот ужас, в котором столько лет жила Полина. Беззаботное детство кончилось для нее слишком рано, Пахомов грубо втолкнул ее в омерзительную часть взрослой жизни –

порок, обрушив на нее не только боль, но и стыд и страшную вину, потому что Полина была еще слишком мала, чтобы понять, что происходит. Их тайна была прекрасной, заливался Пахомов, ведь именно это вдохновляет гениев на создание великих произведений искусства. Именно ради этого стоит жить и умереть, а больше ничего достойного в мире не существует, сплошное мещанство и уныние. И вот эти серые людишки, ничтожные жалкие существа не понимают великой любви, поэтому нужно держать их отношения в строгой тайне. А Полина верила, что это и есть чудо...

Незадолго до декрета Ирина с Кириллом были приглашены на юбилей, и там она столкнулась со своим знакомым психиатром, консультировавшим ее, когда она вела процессы маньяков. Они разговорились и как-то незаметно для самих себя оказались вовлечены в беседу об общем падении нравов. Дамы сокрушались, что нынешняя молодежь не бережет себя до свадьбы, а, наоборот, начинает половую жизнь с кем попало еще в средних классах школы. Везде царит вольность и распущенность, поэтому надо, если мы не хотим погубить цивилизацию, срочнейшим образом брать детей в ежовые рукавицы и муштровать, чтобы пикнуть не смели.

Профессор тогда засмеялся и сказал, что дети начинают заниматься сексом по одной-единственной причине: если они чувствуют себя несчастными. Довольный ребенок, купающийся в лучах родительской любви, спокойно потерпит до свадьбы, а заброшенный, затюканный – нет. Он страшно голоден до счастья, а изголодавшийся человек готов добывать себе пищу на помойке, меж тем как у сытого подобная перспектива вызывает омерзение. Муштра и строгость, заметил тогда профессор, дадут только один эффект – дети постараются, чтобы родители ничего не узнали, вот и все.

Недаром Пахомов выбирал себе девочек из неполных семей. Родители Полины развелись, у той девочки, которая покончила с собой, папа умер, когда она была совсем маленькой, и у племянницы Семена Фельдмана тоже нет отца. Как-то не пришлось к слову уточнить, куда он делся, но свою фамилию успел девочке дать, иначе истинный мотив убийства вскрылся бы во время предварительного следствия. Даже полный раздолбай насторожился бы, узнав, что у Пахомова в главной роли снималась однофамилица его убийцы. А Зина Тимофеева ни на какие мысли его не навела.

Ладно, не в этом суть. Жертв наверняка было намного больше, просто Полина была последней, кого Пахомову удалось склонить к сожительству добровольно. Девочка, растущая без отца, с измотанной и несчастной мамой, обиженной на весь свет и страстно добывающейся святой для

каждой советской женщины мечты «устроить личную жизнь», тянется к доброму и сильному мужчине за защитой и душевным теплом. Такая у нее острая потребность в счастье и любви, что она готова терпеть ради этого любую боль и унижения.

Только Пахомов старился, и из мужчины, готового заменить фигуру отца, превращался в сластолюбивого деда, не способного вызвать ничего, кроме физического отвращения.

Пришлось ему действовать подкупом и силой.

Ирина вздохнула. Откуда берется в человеке эта темная жажда, перехлестывающая все: жалость, доброту, сострадание и даже страх перед законом? Что это за дьявольская сила, которой человек не может сопротивляться, если она поселилась в его душе? И много ли таких чудовищ рыщет среди нас, скрываясь под масками добрых и порядочных людей?

Мамы девочек не разглядели, не уберегли... Мать Полины вообще не замечала, что творится с дочерью, и мама второй девочки тоже не смогла предотвратить самоубийство. Почему так? Потому что маму надо беречь, ее нельзя огорчать. Природа требует, чтобы матери берегли своих детей, а мы бережем себя от них. Не хотим расстраиваться и в лучшем случае закрываем глаза на беду, а в худшем – формируем в детях мощную установку: хорошие девочки не огорчают родителей. Так что делай что хочешь – изображай, кривляйся, выворачивайся наизнанку, но чтобы я видела примерного ребенка. Ты же не исчадие ада, не заставишь мать расстраиваться или, не дай бог, делать то, что ей делать не хочется?

В итоге мать... ну не то чтобы довольна, потому что такие дамы никогда не бывают довольны тем, что имеют, но во всяком случае, не сильно жрет детскую душу, а ребенок вынужден все свои беды переживать самостоятельно. Парадокс: он постоянно в фокусе родительского внимания, ни на секунду не оставлен в покое, малейшие отклонения от идеала фиксируются и жестоко пресекаются, но там, где действительно нужно родительское внимание, помощь и поддержка, там пустота. Мертвое поле, в котором ребенок вынужден действовать на свой страх и риск. Как только ребенок приоткрывает душу, показывает краешек своей беды, происходит следующее: родитель не хочет боли, боится действовать, не желает признавать, что его ребенок не такой, как ему мечтается, и все это выливается в злость на свое дитя – как это оно посмело его тревожить? В итоге единственное, что делает родитель, – это компенсирует себе потраченную энергию, отжирая ее у ребенка. Орет, унижает и убеждает, что с таким негодяем ничего другого и не могло случиться и он это заслужил.

Дети – люди смекалистые и быстро понимают, что родители – это не защитники, а источники опасности, и лучше всего не делиться с ними вообще ничем, а жить по принципу «не трогай говно, чтобы не воняло».

Мальчикам такое, может быть, и полезно, но когда разрушается доверие между матерью и дочерью – это приводит к поистине трагическим последствиям.

– Как хорошо, что у меня сыновья, – прошептала Ирина.

Кирилл улыбнулся:

– У нас. А вообще я не против еще за девочкой сходить.

Володя закрыл глазки и засопел, сурово сдвинув брови.

Скоро он подрастет, пойдет в ясельки, а Ирина закончит кормить и вернется на работу. Она снова станет стройной и легкой и достигнет всего, чего собиралась. Станет народным депутатом, а может быть, чуть позже председатель суда сделает ее своей преемницей. Она же объективно лучшая его сотрудница. Иванов с Табидзе крепкие профессионалы, но раздолбай страшные, Демидова старая, а про других нечего и говорить. Господи, у нее прекрасные перспективы, а двух детей в наше время вполне достаточно. Третий ребенок, во-первых, наверняка снова будет мальчик, а во-вторых, погубит ее будущее в профессии. Вместо выступлений в Верховном Совете она будет варить каши, и страдать от лишнего веса, и терзаться ревностью. В общем, ужас.

Ирина положила голову Кириллу на плечо:

– За девочкой? Ладно. Выступаем сегодня ночью.

* * *

Лариса – та женщина из суда – оказалась права: большой волны не поднялось. Впрочем, Полина почти ни с кем не общалась и не знала, насколько интенсивно циркулируют слухи, но главное, они не докатились до ушей родителей. Мать разговаривала с ней сквозь зубы, но это было обычное и родное сквозь зубы, их любимая игра «сама догадайся, в чем ты передо мной виновата, и проси прощения», в которую мама с упоением играла с тех пор, как Полина научилась говорить. Полина так привыкла к маминим скандалам, что, наверное, перенесла бы и эту выволочку (в том, что мама во всем обвинит ее, она не сомневалась ни секунды), гораздо важнее было то, что отец остался в неведении.

Они встретились так, будто и не расставались, но у Полины хватило такта понять, что она теперь взрослая и надо общаться как взрослый со

взрослым, а если папа начнет компенсировать ей детство, то это примет уродливые формы и не принесет радости ни ей, ни ему.

Папа хотел помочь ей вернуться в литературу, но Полина запретила ему хлопотать о ней, потому что боялась, что он тогда все узнает, а путь на Олимп ей все равно наглухо закрыт, и не только из-за ярости вдовы.

Пахомова звонила ей после процесса, орала и, кроме всего прочего, винила в том, что это именно Полина совратила ее мужа, который до этого был образцовый семьянин, а как вкусил незрелых прелестей, так уж не мог остановиться.

Не дослушав перечня кар, которые обязательно обрушатся на ее голову, Полина положила трубку и выключила телефон. Вспомнила она об этом только на следующий вечер, когда хотела позвонить отцу, а трубка ответила тишиной.

Главная причина, по которой ей закрыты все пути, состоит в том, что она продемонстрировала свою строптивость. Она ненадежная, не своя, не прошла проверку на лояльность. Что Пахомова потопила, так и хрен с ним, но ведь она и нас точно так же может закопать, если что-то про нас узнает. Ну ее к черту!

Пора было решать, как жить, устраиваться на работу, учиться вести хозяйство планомерно, а не абы как, короче говоря, взрослеть по-настоящему.

Лариса сказала ей: «Раз уж ты выжила, надо жить», – и теперь Полина пыталась постичь, как это делается.

Для начала она села за учебники нагонять то, что профилонила за годы учебы в институте. Решила, пока не кончились деньги, спокойно написать курсовик, после чего устроиться на работу куда-нибудь в библиотеку.

И все шло по плану, но через две недели после суда Полина заболела гриппом. Пошатываясь от температуры, она сходила в магазин за молоком и куриным фаршем для Комка Зла, купила в аптеке кисленькие порошочки антигриппина, натянула шерстяные носки и рухнула в кровать. Температуру она решила не мерить, чтобы лишний раз не расстраиваться, но намазала на руках какие-то сверхсекретные китайские точки бальзамом «Звездочка».

Комок Зла оценил обстановку и немедленно устроился на голове своей хозяйки, положив хвост на ее заложенный нос, и Полина поняла, что это должно помочь.

Она не любила смотреть телевизор и крайне редко его включала, но сейчас читать не было сил, а в сон не клонило.

В программе на неделю как раз на сегодняшний вечер был заявлен

пахомовский фильм.

– Почему бы и нет, – усмехнулась она, включая телик, и обнаружила, что фильм Василия Матвеевича заменили кинокартиной «Пять вечеров».

Нет, кажется, волна оказалась разрушительной, хоть и тихой.

Игра Гурченко и Любшина так увлекла Полину в мир фильма, что она с трудом поняла, что ей звонят.

Это оказался тот самый американский журналист, с которым она хотела связаться, да так и не смогла. На хорошем русском, почти без акцента, он сообщил, что имеет к Полине одно очень интересное предложение и хотел бы встретиться, чтобы его обсудить. Если Полина не собирается в ближайшее время в Москву, то он готов специально приехать к ней.

Сердце екнуло. Если именитый журналист поднимает задницу ради какой-то девчонки, то предложение действительно интересное. Как минимум огромное интервью для западного издания, а в идеале – договор на автобиографическую книгу о том, как в Советском Союзе КГБ подкладывает детей под видных деятелей искусств, чтобы у тех не иссякало вдохновение для создания зомбирующих народ агиток.

Да, волна идет, и не только разрушит все, что осталось от Пахомова, но и Полину может на своем гребне вынести к мировой славе и успеху.

Полина чихнула, и собеседник расхохотался в трубку, так вкусно и беззаботно, как умеют только иностранцы.

– О, будьте здоровы!

– Спасибо.

– Так когда вы сможете меня принять?

– Одну секунду, посмотрю расписание, – Полина принялась листать воображаемый ежедневник.

Тут подошел Комок Зла, потерял об ноги, уселся возле хозяйки, укоризненно уставился на нее и коротко мяукнул. «Ты достаточно сделала плохого, – казалось, говорил он, – путалась с Пахомовым, потом не передала письмо Тани в милицию... Разве хорошо теперь лить грязь на мертвеца? Правда тоже нужна в свое время и вообще становится ложью, если ты передаешь ее в руки врагов».

– Простите, – отчеканила Полина, – но у вас нет и не может быть таких предложений, которые будут мне интересны. Всего хорошего.

После освобождения Семен сразу вернулся на работу. Изба, где он жил, осталась за ним, но так выстыла, что первую ночь пришлось провести в больнице.

Приняли его спокойно, без малейшей неловкости, мужики, встречая, спрашивали, хорошо ли ему сиделось, таким светским тоном, как аристократы в былые времена осведомлялись, удачным ли оказался отдых в Ницце или следовало ехать в Баден-Баден.

Семен отвечал, что благодаря своей специальности и благородной статье он в СИЗО как сыр в масле катался. В общем, его действительно не обижали, и тех ужасов, которые рассказывают про порядки в тюрьмах, ему испытать не пришлось.

Пока сидел, совесть сильно мучила его за то, что убил человека, и грядущее наказание он воспринимал спокойно, даже с радостью, как цену, которую необходимо заплатить, чтобы дальше жить со спокойной душой, поэтому внезапное освобождение в зале суда со снятием обвинений выбило его из равновесия. Он растерялся, не совсем понимая, что ему следует делать, чтобы Пахомов больше не являлся ему по ночам, и в конце концов спросил совета у старого хирурга. Тот сказал, что у врача так и так к концу жизни образуется собственное кладбище, поэтому не принципиально, могилой больше – могилой меньше, не о чем переживать. А если серьезно, то в мирное время – да, надо во что бы то ни стало пытаться сохранить жизнь всем, но когда наступает острая ситуация, то тут действуют другие законы. Спасают сначала тех, у кого больше шансов выжить, сперва своих, потом врагов. В тех чрезвычайных обстоятельствах Пахомов оказался безвозвратной потерей, необходимой для того, чтобы Зина могла жить дальше, вот и все.

Семену трудно было успокоить этим свою совесть, но начались трудовые будни, и в повседневных хлопотах чувство вины притупилось.

Семен волновался, как там Лариса с Зиной, поэтому через месяц отпросился на три дня в город их навестить. Старый хирург попенял: «Мне что, теперь вечно жить оттого, что у тебя шило в жопе?» – но отпустил.

Они с Ларисой очень боялись, как на Зине скажется выступление в суде, но она сказала, что после этого ей стало легче. И действительно, он нашел племянницу повеселевшей, спокойной девочкой. Теперь, когда ее больше не терзала необходимость хранить тайну, вернулся интерес к учебе и к жизни вообще.

Зато Лариса страшно мучилась угрызениями совести, что не распознала угрозы и своими руками отправила ребенка в дом к чудовищу, погнавшись за призраком простого женского счастья.

Состояние сестры тревожило его по-настоящему, но Семен не представлял, как ей помочь.

Последний день в Ленинграде он проводил один в своей комнате, прощаясь с мамой. После ее смерти он еще ни разу не ночевал тут один, а в деревне и в СИЗО казалось, что она ждет его дома и они скоро увидятся. Теперь стало ясно, что нет. Шаль, накинутая на спинку стула, так и останется висеть, и белая ажурная салфетка никогда довязана не будет.

Лариса – девушка практичная, она сохранит комнату за ним, но быстро все тут поменяет, избавится от многих вещей, которые ему дороги, а ей безразличны, и первое, что отправится на помойку, – это мамины заметки и рукописи.

Семен сел за письменный стол, который они с мамой честно делили. Его тумба – правая, ее – левая. Мамины бумаги всегда были для него неприкосновенной территорией, а теперь придется их разбирать... Нет, не сегодня.

Чтобы с чего-то начать, он выдвинул верхний ящик. Там лежала пухлая записная книжка в обложке из красной клеенки. Это рабочая, а из зеленой – домашняя. У мамы было столько знакомых, что все в одну книжку не помещались.

Семен взял книжку, перелистнул, и она сама собой раскрылась на букве М. «Макака», – прочитал он и вспомнил, что под этими позывными Полина проходила во всех редакциях.

Судьба, что ли? Он пошел в коридор звонить.

Открыв ему дверь, Полина осталась стоять на пороге. Семен протянул ей букет роз, который успел выхватить на рынке за три минуты до закрытия.

- Осторожно, не уколитесь.
- Мне известно, что роз без шипов не бывает, – сказала Полина хмуро. Семен переступил с ноги на ногу.
- Честно говоря, я не очень рада вас видеть, потому что мне неловко общаться с человеком, который знает про меня такое.
- Я знаю только, что вам солоно пришлось.
- Вот именно.
- Просто хотел поблагодарить вас.
- Да не за что... – пожала плечами Полина. – Хотите войти?
- Не откажусь.

Она молча прошла в глубь квартиры. Через секунду зашумела вода – это Полина ставила цветы в вазу. Семен огляделся. За последние месяцы он

отвык от красивых интерьеров, а эта просторная квартира была обставлена богато и со вкусом. Вдруг откуда-то появился пушистый молодой кот и, деловито мяукнув, потерся о Семеновы брюки.

– Иди, Комок Зла! – шикнула Полина.

– Его так зовут? – Семен опустил на корточки и почесал кота за ушком. – Чувствую, когда подрастет, то зла хватит на целый Апокалипсис.

Полина усмехнулась.

– Пойдете весь в шерсти.

– Ничего.

– Чаю?

– Не откажусь.

– Вина, может быть, хотите?

– Вы пьете?

– Бывает.

– Не скажу про алкоголизм, но вообще опасность такая есть. Эдмундыч, то есть Волков, тоже с малого начал, а сейчас в психушке лежит, и неизвестно, когда выйдет.

Полина засмеялась и жестом пригласила Семена пройти на кухню.

Пока она ставила чайник, Семен исподтишка ее разглядывал. Кажется, она осунулась и побледнела с тех пор, как он видел ее на суде. По телевизору она казалась очень красивой девушкой, Семен и теперь так считал, но невольно вспоминал, какое ей дали прозвище, и находил в Полине сходство с макакой, и от этого слегка кружилась голова.

Она поставила на стол вазочку с пряниками, порезала сыр и хлеб. Семен взял один пряник, но откусить не решился – камень мягче.

– Огромное вам спасибо и за меня, и особенно за Зину. Ей действительно стало лучше, что не пришлось носить весь этот кошмар в себе.

– Не за что. Если бы не я, то вообще бы ничего не случилось.

– Ну да, я бы не оказался в деревне, не познакомился бы с Волковыми, не узнал бы правду и не остановил бы эту мразь. Так что за это вам тоже спасибо, Полина.

– Пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло» тут вряд ли подойдет.

– Мама, кстати, на вас не сердилась. Она ушла не из-за вас, а из коллектива, который за нее не заступился. А про вас она сказала, что вы жуткая хамка, но по сути были правы.

– Да нет, – Полина поморщилась, – не права я была. Просто, знаете, это было мое лекарство. У кого-то алкоголь, а у меня мстительность. После

того, что случилось, у меня ни на что не было сил. В школу не могла ходить, целыми днями лежала на диване, ничего не хотелось. Мне ставили вегетососудистую дистонию, лечили в больницах, но без толку. Как только просыпалась, сразу начинала мечтать о том, как вечером лягу и усну. Но, когда я наорала на вашу маму, всю депрессию как рукой сняло. И я так увлеклась мстью всем за все, что мне казалось совершенно нормальным сломать вам жизнь за несколько обидных слов. Может быть, если я вам скажу, что ни разу не пожалела вас и вообще не испытывала ничего, кроме злорадства, вы возьмете свои благодарности обратно?

– Нет, не возьму.

– Я злой человек, Семен.

Он пожал плечами:

– Мама говорила, что в трудных ситуациях надо думать не какой ты, а что делать. Злой – не злой, Полина, а вы нас всех спасли. Тем более что я вам тогда по пьяни наговорил действительно...

– Но я тоже сильно оскорбила Наталью Моисеевну.

Семен вздохнул и опустил глаза:

– Да, но я к вам задрался не только поэтому. В основном да, из-за мамы, но еще чуть-чуть потому, что я раньше видел вас по телевизору и немножко был в вас влюблен.

– Немножко?

– Да, чуть-чуть.

– Ну ясно...

– Я говорю чуть-чуть, потому что это странно, когда взрослый человек влюбляется в телевизор.

– Странно, когда взрослый человек влюбляется в такую, как я.

– Полина, я не знаю, какая вы.

Он замолчал, ожидая, что Полина сейчас прогонит его, но она вдруг улыбнулась.

– Еще чаю?

Семен кивнул. Она включила газ, и через минуту чайник уютно зашумел, закипая. В кухню вошел кот, снова потерся о его ноги, и наступила одна из тех редких минут, когда отступает тоска по прошлому и тревоги за будущее.

* * *

Только через несколько недель после суда над Фельдманом Ольга,

роясь в сумочке в поисках помады, случайно обнаружила в ее глубинах Санины ключи. Они завалились в маленький внутренний кармашек.

Интересно, как она могла о них забыть? Хотя, в общем, было о чем беспокоиться, ведь после того, как она отозвала обвинение, судьба ее висела на волоске.

Прокурор орал так, что звенели стекла, и несколько дней она провела на положении не совсем отщепенца, а человека, о котором точно известно, что он общался с зачумленным. Вроде бы здоров, но лучше лишний раз к нему не подходить. Потом ветер в верхах резко подул в другую сторону, и Ольга сделалась героиней дня, а ее решение было признано ответственным и компетентным. Из парии она превратилась в любимицу руководства.

Саня во время процесса опекал Полину Поплавскую, а когда все закончилось, повез ее домой, чтобы защитить от агрессии товарищей Пахомова и его вдовы, угроза которой была вполне реальна после откровений девушки. Так вышло, что они увиделись с Ольгой только на следующий день, Саня заехал в обеденный перерыв выразить свое восхищение тем, как она провела процесс, и сводил ее в кафетерий. Позвал на настоящее свидание, но Ольга неожиданно для себя самой отказалась. Думала, Саня начнет уговаривать, а он не стал.

С тех пор они не виделись.

Умом Ольга понимала, что после разрыва с мужем ей лучше побыть одной какое-то время, найти внутренние опоры, а не виснуть на первых попавшихся брюках, но сильно скучала по Сане и злилась, что никак не находится повод напомнить ему о себе.

Развод проходил тяжело и тягомотно. Муж отказался разводиться в загсе, пришлось действовать через суд. Дата заседания была назначена, но Борис заявил, что не придет. Он юрист, законы знает и устроит так, что она не один год за ним побегаёт, прежде чем получит в паспорт вождеденный штамп. В его поведении наметилась цикличность: пару дней он звонил с угрозами типа «я тебе нервишки-то помотаю», «я тебя говнецом-то полью», а на третий бурно клялся в вечной любви и предлагал примирение. Ольга посылала его все грубее и все дальше, после чего он денек-другой молчал – и снова начинались угрозы. Если она не подходила к домашнему телефону, он трезвонил на работу. Это было не страшно и не смертельно, но надоедало, как гудение комара, а главное, Боря действительно мог затянуть развод не на годы, но на несколько месяцев точно.

В таких обстоятельствах она поступила совершенно правильно, что не пошла с Саней на свидание. Со стороны это выглядело бы так, что замужняя женщина взяла в любовники опера, а подобные штучки серьезно

подрывают карьерные перспективы.

И вообще, уговаривала себя Ольга, у отношений, начатых из отчаяния, будущего нет.

Упущенная возможность счастья с Саней постоянно крутилась в ее голове, а о его ключах она забыла.

Она набрала рабочий номер Черепанова, почти уверенная, что его нет, но Саня ответил:

– Ключи? Ах да, – засмеялся он, услышав ее торопливое объяснение, – точно-точно.

– А ты почему не напомнил?

– Думал, они тебе еще нужны. А теперь все? Хочешь, чтоб забрал?

– Да, Саня.

– Ладно, сейчас метнусь на одно дельце и заеду к тебе. Ты на работе?

– Да.

– Ну все, жди.

Она сидела допоздна, пока вахтер не начал запираать двери, а Саня так и не приехал. Только утром Ольга узнала, что его ранили на задержании, так тяжело, что боялись не довезти до больницы, а сейчас он лежит в реанимации и неизвестно, останется ли жив.

* * *

Семен проснулся как от толчка. Полина сидела за столом и что-то писала в своей тетрадке. Настольная лампа с наброшенным на абажур платком едва светила, так что он скорее угадывал, чем видел ее нахмуренное лицо, тулупчик поверх ночной рубашки и тоненькие ноги в обрезанных валенках.

– Ты что проснулся? – Она всегда знала, когда он спит, а когда нет.

– Так... А ты что не спишь?

– Вдохновение ко мне является так же внезапно, как к тебе твои пациенты. Если тебе свет мешает, Сень, я выключу.

– Нет, нормально. Мне просто приснился кошмар, что ты начала рожать, а акушер уехал.

– А ты не сможешь, что ли?

Семен пожал плечами. Хотелось ее поцеловать, но холодно вылезать из-под одеяла.

– Смогу, наверное. Только я очень надеюсь, что мое участие в появлении нашего ребенка на свет ограничится метаниями под окнами

роддома с последующей дикой пьянкой.

– Посмотрим. Времени еще много.

– Но летит оно быстро. Давай ближе к сроку тебя в город отправим от греха подалее?

– Посмотрим, – повторила Полина, – в принципе-то я же стала уже настоящей русской женщиной? Которая и коня, и в избу, а, Сень?

– Стала, стала.

– Слушай, знаешь, что интересно? – вдруг засмеялась она. – Я так много писала о любви, когда понятия не имела, что это такое, а когда узнала, то совершенно не нахожу слов. Одно только «ну ни фиги себе, как круто!».

Семен усмехнулся. С печки спрыгнул Комок Зла и, громко урча, забрался к нему под одеяло.

– Раньше я ощущала любовь как пустоту, бездонную дыру, которую необходимо заполнить, – задумчиво продолжала Полина, – а с тобой у меня, наоборот, будто источник открылся в сердце... Видишь, как банально, непоэтично и вообще избитая метафора.

– Зато правда.

– А ты?

– Люблю тебя, а как сказать, не знаю. Я вообще никогда не задумывался о том, что такое любовь, просто знал, что она везде, и вокруг меня, и внутри, как воздух. Знаешь, когда мне было лет пять, я узнал, что все состоит из молекул, в том числе и воздух, и это стало для меня настоящим шоком. Вроде бы пустота, ничто, и вдруг какие-то молекулы! Я думал, спокойненько хожу себе, а оказывается, нет, продираюсь сквозь элементарные частицы. Чуть голову не сломал себе, пытаюсь постичь парадокс, что пустота непустая, и с тех пор зарекся множить сущности и размышлять над вещами, которые мне и так понятны. Поэтому я и хирургом стал, а не пошел учиться на аллерголога, как хотела мама.

– Разве хирургом легко работать?

– Физически трудно, зато не надо мозг наизнанку выворачивать. Мягкое режь, твердое пили, где нет дырки – сделай, где есть – зашей и сшивай белое с белым, а красное с красным. Вся премудрость.

– Ты шутишь.

– Ну да, упростил немного. Чуть-чуть.

– Ты прав, Сеня. Любовь – она и есть любовь, и больше сказать нечего. Я, наверное, буду учиться писать о природе. Все-таки здесь очень красиво, Сень.

Полина потушила лампу и скользнула к Семену под одеяло. Комок Зла

выскочил, возмущенно мяукнув.

– Можно себя и не заставлять в принципе, – пробормотала Полина, – потому что в печать мне путь закрыт, но не хочется терять навык, все-таки я была поэтессой не только по благу.

Она уснула, а Семен долго еще лежал, глядя в темноту потолка, где прямо над его головой был вбит в матицу массивный гвоздь для люльки. Через несколько месяцев, если все пройдет благополучно, этот гвоздь понадобится, но Полина – культурная женщина, она заставит его купить кроватку. Грядущее отцовство пугало его, но Семен знал – что бы он себе ни думал, в реальности все окажется иначе.

Вспомнилось, как он был убит отчислением из аспирантуры, считал это величайшей трагедией, какая только выпадает на долю человека, будущее представлялось беспросветной тьмой, и Полине он желал одного – провалиться сквозь землю.

Он ведь тогда соврал, что был влюблен в нее по телевизору, просто хотелось сделать приятное девушке, спасшей всю их семью ценой собственного позора. А потом остался у нее дома, и оказалось, что не соврал. Будто кто-то шепнул ему: «Сеня, вот женщина, с которой ты проведешь жизнь, и нравится тебе это или нет, а сопротивление бесполезно».

Иногда судьба ведет к счастью окольными тропами.

* * *

Мария Воронова – практикующий хирург. Поэтому о хрупкости человеческой жизни, силе духа, благородстве и преданности она знает, возможно, больше, чем другие люди. Однако не у каждого хирурга такой писательский талант, как у Марии Вороновой, каждый роман которой о

том, что главное исцеление несет только любовь. Большая, настоящая.

notes

1

В. Шекспир, сонет № 5, пер. С. Маршака.